

ВАРВАРА КОРСАРОВА

АССИСТЕНТКА
АНТИКВАРА

— И ГОРОД —
МЕХАНИЧЕСКИХ ДИКОВИН

18+

Варвара Корсарова

**Ассистентка антиквара и
город механических диковин**

«Автор»

2018

Корсарова В.

Ассистентка антиквара и город механических диговин /
В. Корсарова — «Автор», 2018

Аннет не по душе работа в скучной антикварной фирме, и последней каплей стал конфликт с новым боссом по прозвищу «Людоед». Она решает уволиться и пойти навстречу своей мечте — стать актрисой! Однако босс требует выполнить последнее задание: отправиться с ним в необычный городок, чтобы провести экспертизу старинного автоматона. Аннет предполагала, что поездка с неприятным спутником окажется серьезным испытанием, но даже не думала, что ее ждут приключения, загадки, таинственный преследователь и жутковатые изделия чокнутого гения. Самое сложное: не давать спуску своему саркастичному боссу, который проявляет к ней недвусмысленный интерес.

© Корсарова В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Раритеты Молиаро	5
Глава 2. Тигр-людоед	13
Глава 3. Порфирион	19
Глава 4. Над бездной	24
Глава 5. Знакомство с Механисбургом	34
Глава 6. Живой лабиринт	43
Глава 7. Музей автоматов	51
Глава 8. Крылатая опасность	58
Глава 9. Тайна Лазурного поэта	66
Глава 10. Беглая дочь	74
Глава 11. Мимезис	82
Глава 12. Волшебный лес	91
Глава 13. Пильщик	99
Гл	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ассистентка антиквара и город механических диковин

Глава 1. Раритеты Молиаро

С утра в конторе антикварного и аукционного дома «Раритеты Молиаро» на Лилак-страда кипел переполох. Пишущие машинки грохотали как канонада. Стрекотал телеграф. Конторщики лихорадочно шелестели бумагами. Рассыльные вываливали на столы кипы каталогов, выбивая облака пыли. Помощница управляющего разнервничалась и в беседе с почтенным экспертом по бронзе позволила себе повыситься голос. Эксперт разобиделся, ушел в архив и там затеял перебранку с реставратором.

Аннет сортировала письма и наблюдала за суматохой с веселым изумлением. В конторе она служила два года, и впервые на ее памяти в этом сонном болоте разразилось подобие жиденького урагана.

Для переполоха были все основания: ждали прибытия нового управляющего. Месяц назад прежний управляющий конторой, доктор исторических наук и королевский хронолог Антуан Вальвазор, совершил странную выходку. Обычно осмотрительному и даже трусоватому доктору захотелось приключений. Во время поездки по делам фирмы он взял проводника и отправился на прогулку в горы, где и сгинул во время обвала. Контора на Лилак-страда осиротела, и дела ее пошли еще хуже, чем обычно.

Владелец аукционного дома выразил соболезнования и спешно послал своего племянника, Максимилиана Молиаро, чтобы тот, наконец, навел порядок.

О племяннике ходили разные слухи, один другого причудливее.

Последние годы он пропадал за границей и славился тем, что заставлял самые убыточные отделения приносить прибыль. Методы использовал жесткие. Например, организовал частное сыскное агентство, которое помогло аукционному дому распутать немало мудреных махинаций.

В юности племянничек служил в армии, а затем мотался по южным континентам – сопровождал экспедиции археологов и скупал изделия и раритеты у полудиких племен. Поговаривали, не гнушался пускать в ход угрозы и оружие, когда дикари не соглашались на неравноценный обмен. Словом, полностью заслужил кличку «Тигр-людоед», которой его наделили конкуренты в мире антикварной торговли.

Неудивительно, что назначение такой неординарной личности переполошило контору на Лилак-страда, привыкшую к спокойной жизни и снисходительному начальству.

Когда запыхавшийся посыльный доложил о прибытии босса, все ринулись к окнам. Внизу черный автомобиль последней марки рыкнул мотором и с грацией королевского линкора пришвартовался возле крыльца. Служащие кинулись на места: босс явился и начал обход владений.

Первым делом он посетил хранилище, затем проинспектировал типографию. Наконец, поднялся на второй этаж. Немногочисленные дамы разволновались, мужчины приняли вид важный и раболепный.

Аннет сдернула пенсне, в котором, по ее мнению, она походила на учительницу начальных классов. Ванесса, помощница управляющего, стыдливо спрятала в ящик стола портрет прежнего босса в черной рамке: пора заканчивать время траура.

Господин Молиаро на первый взгляд не казался страшным – Аннет даже испытала некоторое разочарование. Наследник династии Молиаро походил на обычного дельца. Высокий и

широкоплечий, в дорогом сером костюме, он стремительно зашел в кабинет и приветствовал подчиненных звучным баритоном.

Впрочем, когда он подошел ближе, все убедились, что внешность у нового босса была примечательная: острые скулы, длинное лицо, крупный, кривоватый нос, вероятно, сломанный в одной из стычек с воинственными аборигенами, не пожелавшими за просто так уступить дому Молиаро свои экзотические сокровища. Жесткие складки от крыльев носа к уголкам рта и немного выдающийся вперед подбородок придавали его лицу решительное, слегка насмешливое выражение. Волосы у господина Молиаро были густые, темно-каштановые, зачесанные назад, а баки рыжеватые.

Близорукая Аннет изнывала от любопытства и приглядывалась изо всех сил. Хотелось получше рассмотреть особу, про которую по конторе ходили пикантные слухи. Ей показались странными глаза господина Молиаро, и она никак не могла понять, в чем дело.

Господин Молиаро вежливо приветствовал служащих, затем встал у стола Аннет. Ее окутал аромат одеколона, в котором смешалась горечь смолы и свежесть гвоздики. Пока босс произносил короткую речь, Аннет сделала шагок в сторону, задрала голову, прищурилась и увидела, что глаза у династического племянника красивые, с удлинением разрезом и густыми черными ресницами. Левый глаз – зеленый, правый – ореховый.

– Какой яркий мужчина! – вполголоса восхитилась Ванесса, когда босса проводили в его кабинет.

– Скорее, пестрый, – заметила удивленная Аннет, – разноцветные волосы и разноцветные глаза.

– Признак породы! – с придыханием произнесла Ванесса.

Аннет заинтересовалась.

– Как у котов? Любопытно, он глух на одно ухо? Слышала, такое бывает у котов с разными глазами.

– Он не похож на кота, – возмущенно отрезала Ванесса, и Аннет согласилась. Со своими широченными плечами, косо подрезанными баками, сломанным носом и обманчиво вкрадчивыми манерами Максимилиан Молиаро напоминал хищного зверя, но никак не домашнего.

– Ты заметила, что у него на правой руке нет половины мизинца? – свистящим шепотом поинтересовалась взволнованная машинистка Селена.

Эту деталь Аннет упустила. Ей азартно поведали три версии о том, при каких обстоятельствах Молиаро потерял фалангу.

По первой версии Молиаро заключил пари с султаном. Проигравший должен был положить голову на плаху – но заступничество любимой наложницы султана позволило боссу расстаться лишь с половиной мизинца. Вторая версия рассказывала о героическом подвиге сержанта Молиаро в битве при Варденне.

Аннет больше всего понравилась третья версия: мизинца он лишился в ловушке, установленной хитроумным фараоном три тысячи лет назад. Капкан захлопнулся, когда вор пытался забрать статуэтку богини. Потом добычу продали клиенту за бешеные деньги, что помогло авантюрному антиквару примириться с потерей.

Вскоре служащие убедились, что с господином Молиаро следует держать ухо востро. Он расположился в кабинете, смежном с тем, где сидела за пишущей машинкой Аннет, и вызывал к себе служащих по одному. Через полуприкрытую дверь девушка видела, как проходили беседы, и слышала, как в звучном баритоне легко прорезывается рычание, когда босс чем-то недоволен. Впрочем, он умело чередовал жесткость с мягкостью и нужных результатов от собеседника добивался в два счета. Дерзких усмирял, робких ободрял, усердных воодушевлял, хитрых выводил на чистую воду.

Понаблюдав, Аннет решила, что господин Молиаро свое прозвище оправдывает. Его разноцветные глаза не улыбались, даже когда он был сама любезность. Взгляд его всегда оста-

вался холодным и цепким, как у лениво развалившегося на солнцепеке тигра, который ни на минуту не забывает, что рядом пасется стадо глупых антилоп.

Но надо признать: династический племянничек Аннет понравился. Интересный мужчина, с прошлым. Строг, но справедлив. Не из тех деспотов, что любят вымещать дурное настроение на подчиненных, топая ногами и швыряясь пресс-папье. И не зануда, как прежний управляющий. Глядишь, в отделении на Лилак-страда наступят новые времена.

Прежний управляющий отделением на Лилак-страда был унылый пожилой ипохондрик. Кроме собственной аллергии и борьбы с частыми простудами его не интересовало ничего. Доктор Вальвазор приходил в ужас от фруктов и сладостей, кутался в теплые кардиганы даже в сильную жару, а в холода таскал в часовом кармане специальную коробочку с чесноком, словно собирался отпугивать вампиров. При нем дела в конторе шли из рук вон плохо: сделки не приносили прибыли, галереи пустовали, клиенты уходили к конкурентам.

Контора держалась на плаву лишь усилиями неутомимой помощницы управляющего. Поначалу Аннет не могла понять, почему владельцы фирмы терпят незадачливого доктора и не гонят его в шею.

– Что ты! – замахала сухонькими руками Ванесса, когда девушка обратилась к ней с этим вопросом. – Доктор Вальвазор – уникал. Один из сильнейших сенситивов королевства, сенсохронолог. И у него есть второй талант. Он – биогност!

Ванесса рассказала, что стоило управляющему взять артефакт в руки, он мог с точностью до минуты узнать, когда тот был сделан. Более того: он в мельчайших деталях видел его создателя и прежних владельцев. Например, когда доктор Вальвазор проводил экспертизу старинного морского хронометра, он сообщил, что за завтраком мастер полакомился дюжиной устриц, выпил стакан хереса и забыл помыть руки, когда ровно в полдень взялся за инструменты!

Сенситивный талант Вальвазора был так велик, что ему прощали равнодушие к бумажным делам и неумение общаться с клиентами.

Судя по всему, новый босс – особа совсем иного склада. Аннет не знала, чего ожидать. С одной стороны, ее положение в конторе было шатким. С другой стороны, Аннет испытала воодушевление: может, теперь в ее судьбе произойдут перемены к лучшему?

Ближе к полудню Ванесса, которая носилась по конторе как заведенная, велела Аннет подать господину Молинару кофе. Девушка вздохнула, собрала все необходимое на поднос и осторожно зашагала в кабинет. Ванесса семенила следом: боялась, что Аннет напортчит.

Господин Молинару благодарно кивнул, отодвинул бумаги, размял плечи и с наслаждением откинулся на спинку кожаного кресла.

Аннет радовалась возможности подойти к боссу поближе. Ее недавним увлечением стало фотографическое искусство, и она уже прикидывала, какой интересный фотопортрет мог бы получиться, если уговорить господина Молинару надеть белый пробковый шлем, костюм цвета хаки, дать в руки винтовку, а под ноги постелить шкуру убитого льва.

Господин Молинару деликатно взял предложенную чашку длинными пальцами – так и есть, мизинец укорочен! – и бросил на девушку удивленный взгляд. Аннет оробела. Пожалуй, зря она надела свои любимые фиолетовые шальвары, которые стали лишь полгода назад набирать популярность благодаря поборнице эмансипации Кларе Перкин. Служащие конторы призывали к экстравагантным нарядам Аннет, а вот новое начальство могло возмутиться.

– Отдаю должное вашему тонкому вкусу и храбрости, госпожа Вик, – неожиданно обратился к ней господин Молинару. – Наверное, вы из тех независимых женщин, кто не боится осуждения. Признаюсь, меня всегда приводили в восхищение шальвары и разноцветные тюрбаны женщин востока. Здесь, на севере, мне отчаянно не хватает этой яркости. Я рад, что столичные дамы, наконец, решили ввести экзотические наряды в моду.

Аннет порозовела от удовольствия. Ей нравилось, когда ее называли храброй и независимой. Девушка решила немедленно закрепить впечатление, которое сложилось о ней у нового босса.

– Вы бывали на востоке, господин Молиаро? – смело поинтересовалась она. – И как там? Действительно ли у восточных женщин такие маленькие ступни, что они не могут ходить самостоятельно, и вынуждены передвигаться в паланкинах? Правда ли, что дома в Стране Зари сделаны из бумаги, а вместо ночников используют светлячков в стеклянных банках?

Ванесса неодобрительно покачала головой: любопытство Аннет она сочла развязностью и не одобрила. А вот господин Молиаро остался доволен: пригласил дам сесть напротив и принялся охотно отвечать на расспросы. Аннет наслаждалась беседой. Обеспокоенного лица Ванессы старалась не замечать.

Перерыв, как и приятный разговор, подошли к концу. Босс взялся за бумаги, дамы встали, Аннет забрала поднос и пошла вслед за Ванессой к двери, но тут их настиг вопрос:

– Госпожа Крон! – обратился босс к Ванессе. – Мне нужен секретарь – нет, скорее, ассистентка. Можете отрядить кого-то из машинисток? Ненадолго, пока я не войду в курс дела. Полагаю, госпожа Вик прекрасно подойдет. Вы владеете стенографией, госпожа Вик?

Аннет отчаянно закивала и бросила на Ванессу вопросительный взгляд. Ей очень хотелось стать личной ассистенткой нового босса. Он оказался настоящим душкой, а вовсе не страшным людоедом. Ванесса, разумеется, возразить не посмела, и Аннет перешла в распоряжение господина Молиаро.

Целый день она наслаждалась новым положением. Эта работа ни в какое сравнение не шла с предыдущей! Вместе с господином Молиаро она отправилась инспектировать галерею. Потом присутствовала при беседах с коллекционерами, и при этом не уснула от скуки, как поначалу боялась. Даже печатать экспертные оценки под надзором босса оказалось увлекательным занятием. Босс охотно давал интересные пояснения и ни капли при этом не важничал. Разговаривал с Аннет уважительно, без заигрываний или высокомерной снисходительности.

Аннет быстро вжилась в роль расторопной ассистентки и исполняла ее с удовольствием. Впрочем, когда девушка, ожидая распоряжений, преданно заглядывала в разноцветные глаза босса, ей порой казалось, что она различает тень насмешки, смешанной с любопытством. «Ладно, посмотрим, что будет дальше, – решила Аннет. – Пока он ведет себя достойно; не буду забивать голову».

Назавтра господин Молиаро уехал на открытие аукциона один, а Аннет пришлось остаться в конторе и заняться разбором каталогов. Вернулся босс поздно, слегка навеселе: успешное проведение аукциона отметили банкетом. Глаза сверкали ярче обычного, а речь замедлилась, как будто он тщательно подбирал каждое слово. Скорым шагом прошел по залу и скрылся в своем кабинете.

Рабочий день заканчивался. На этаже было тихо, лишь где-то стучала каблук Ванессы, да в соседнем помещении вполголоса переговаривались два припозднившихся эксперта по бронзе. Дверь в кабинет босса была приоткрыта, и Аннет заглянула внутрь – проверить, все ли в порядке.

Кабинет оказался пуст. Свет не горел, шторы задернуты, крепко пахло сигарным дымом. Наверное, господин Молиаро уже уехал домой.

На столе стояла пустая чашка. Аннет прошла внутрь, чтобы навести порядок, но тут ее настигла катастрофа.

В тот день она надела новый патентованный пояс для чулок. Пояс был всем хорош: удобный, практичный, но тугие каучуковые зажимы застегивались плохо и частенько подводили. Вот и сейчас обтягивающий ногу шелк скользнул вниз. Аннет подошла к столу, повиливая бедрами, чтобы проверить, прочно ли держится чулок. Чулок определенно сползал.

Девушка хихикнула: именно такой вызывающей походкой отважная шпионка Лили Роуз, героиня ее любимой синематографической ленты «В плену у кровавого барона», проникла в логово главного злодея, намереваясь привлечь внимание старого сластолюбца, чтобы затем огреть его канделябром и украсть документы. Аннет вошла в образ: томно провела по волосам, села на край стола, соблазнительно улыбнулась, приподняла подол юбки, воображая, что собирается достать револьвер из потайной кобуры, и провела рукой по бедру. Вот и проклятый зажим. Так и есть, расстегнулся.

– Госпожа Вик! Решили составить мне компанию? – раздался вкрадчивый баритон Максимилиана Молиаро.

Аннет соскочила со стола и схватилась за сердце. В полусумраке она не заметила, что все это время босс сидел в кресле в дальнем углу кабинета.

Девушка перевела дыхание, улыбнулась и показала на чашку:

– Я лишь хочу забрать это.

Босс поднялся с кресла, неторопливо загасил сигару и подошел вплотную. Аннет близоруко вгляделась в его лицо, пораженная переменой. Удивительные глаза босса были странно прищурены, губы искривились в двусмысленной усмешке.

То, что произошло потом, напомнило сцену из пошлого водевиля.

Не говоря ни слова, господин Молиаро хладнокровно подхватил девушку за талию и прижал к стене. У Аннет отнялся голос. Она ненавидела, когда кто-то вторгался в ее личное пространство, а сейчас это произошло внезапно, и намерения обидчика были определенно низкими. Превращение босса из галантного душки в напористого кавалера застало ее врасплох: она испытала острое чувство обиды. Так ошибиться в человеке!

Аннет не была коротышкой, но доставала боссу лишь до подбородка. Его тело оказалось твердым и сильным, и придавило ее к стене, как каменная плита. Одна жесткая ладонь бесцеремонно сжала ее нижнюю челюсть и заставила поднять голову, вторая ладонь уверенно легла на грудь.

– Так и знал, что корсета вы не носите, – с удовлетворением отметил господин Молиаро.

Будь Аннет действительно раскрепощенной и искусственной женщиной, она осадил бы нахала одним взглядом; не задумываясь, нашла бы, что сказать; босс бы устыдился, принес извинения, и все бы закончилось мирно. Но Аннет лишь мечтала казаться искусственной и поступила, не задумываясь о последствиях – точь-в-точь, как героиня синематографической ленты «Горничная-бунтарка».

Пощечина получилась звонкой и прозвучала в притихшем помещении как пистолетный выстрел. Следом раздался невероятный грохот: Аннет попыталась вырваться, задела локтем и обрушила на пол тяжелый торшер с хрустальными подвесками. Торшеру пришел конец, осколки рассыпались по ковру и празднично заискрились.

Раздались шаги, приоткрытая дверь распахнулась шире, в кабинет ворвалась Ванесса. За ее спиной толклись две машинистки и пожилой эксперт по бронзе пятнадцатого века. Глаза у всех были круглые, как у сов. Ванесса всплеснула руками и охнула.

Последовала унижительная сцена. Господин Молиаро без всякой спешки убрал руки с талии Аннет, выпрямился и потер щеку. Его глаза метали молнии: одну зеленого цвета, другую – орехового. Затем он кашлянул и громко произнес своим выразительным баритоном:

– Приношу извинения. Неприятное недоразумение.

Криво улыбнулся, и от его улыбки у Аннет по спине пробежали колючие мурашки.

Ванесса растерялась и что-то пробормотала в ответ. Аннет была готова сквозь землю провалиться. Она повернулась и торопливо пошла к выходу. Остолбеневшие служащие быстро расступились на ее пути, как от прокаженной.

– Кажется, вы собирались по домам, господа и дамы? – донесся ей вслед спокойный голос господина Молиаро, в котором прорезались стальные нотки. – Не смею вас задерживать.

Машинистки и эксперт по бронзе стыдливо потупились и испарились.

– Аннет! – окликнула девушку Ванесса. – Пройди ко мне в кабинет на пару слов.

Аннет думала было удрать из конторы куда глаза глядят, но побоялась столкнуться в вестибюле с боссом, который, несомненно, тоже желал поскорее убраться домой, чтобы заливать уязвленное самолюбие. Она юркнула в кабинет, который занимала Ванесса, и принялась ходить от стены к стене, хватаясь за голову. Ванесса появилась скоро.

– Аннет! – возвала она, изнывая от любопытства. Крашенный кукиш на ее макушке подрагивал, как куриный хохолок. – Что он себе позволил? Он посягнул на твою честь? Ты же не давала ему повода...

– Ни малейшего! – горько подтвердила Аннет. – Это ужасно. Самоуверенный мужлан, солдафон, пошляк! Что мне теперь делать?

Ванесса сочувственно покачала головой.

– До меня доходили слухи о его выходках. Говорят, год назад он уволил девушку в приморском отделении после того, как она забеременела от него. Ребенка отправили в воспитательный дом. С тех пор дает ей небольшую сумму раз в год, но разве этим дело исправишь? Несколько лет назад он развелся: по слухам, жена сбежала от него, устав от измен. Мне следовало предупредить тебя раньше. Он мстителен, и так просто не забудет унижения. Пожалуй, захочет от тебя избавиться. Лучше тебе уволиться самой, пока не начались неприятности.

Только неприятностей ей не хватало! Ванесса права. Аннет давно подумывала о том, чтобы уйти из конторы. Ее место было не здесь.

В знаменитый аукционный дом Аннет попала благодаря отцу, который решил воспользоваться старыми связями, чтобы наладить судьбу дочери. Без его помощи Аннет не на что было рассчитывать с ее жалкими сенситивными талантами. Академию Одаренных она закончила кое-как, ей даже в назначении на государственную службу отказали.

Все, кому довелось родиться сенситивом, пользовались почетом и уважением – но лишь при условии, если таланты были востребованными и уместными. Младшей сестре Аннет повезло: как и многие женщины-сенситивы, она была релаксатором и умела легким касанием пальцев прогонять дневную усталость в натруженных мышцах. Кто из мужчин не захочет иметь такую спутницу жизни? У Марии было много поклонников, и Аннет однажды ехидно заметила, что сестре лучше выйти не за состоятельного коммерсанта, который тяжелее пишущего пера в руках ничего не держал, а за фермера или грузчика, чтобы муж смог использовать ее талант на всю катушку.

Окружающие считали, что старшей дочери профессора Вик выпала плохая карта. Угрозило родиться с нетипичными для существ ее пола талантами. Хронолог и репликатор, подумать только!

В учебниках писали: женщины по природе своей тяготеют к занятиям мирным, спокойным, творческим. Наука, военное дело – удел мужчин. Вот и сенситивные таланты, связанные с умением мыслить логически, изучать или изменять природу вещей, действовать храбро, а то и безрассудно, обычно даются сильному полу. Среди хронологов, лозоходцев, пиромансеров, метеомантов женщин редко встретишь. А если и встретишь, то блестящих результатов от них не жди. Не женское это дело – заглядывать в недра земли, изучать историю вещей и управлять стихией.

Больше всего в этой теории Аннет ненавидела то, что она собственной персоной служила наглядным ее подтверждением. Хронолог из нее и впрямь вышел нукудышный. Не чета бедняге Вальвазору.

Хронологи умели определять время изготовления артефактов и поэтому по традиции шли в антиквары, археологи, а если повезет – попадали в полицейское управление: для них там частенько находилась работа.

Антиквариат, как и археология, Аннет не привлекали. Ей нравилось иметь дело с живыми людьми, а не с вещами, которые когда-то принадлежали давно умершим богатеям. Помогать сыщикам – другое дело. Но кто даст женщине должность в полицейском управлении? Ужасная несправедливость.

Редкий талант репликатора вообще никуда не годился. Умение видеть и воссоздавать энергетическую копию рукотворных предметов полезно для механиков и инженеров, среди которых женщин отродясь не бывало. Зачем талант репликатора хранительнице домашнего очага? Разве что сотворить на несколько минут копию оторванной пуговицы, пока не отыщешь и не пришьешь нужную.

Учителя в Академии Одаренных качали головой: юноша с такими талантами сделал бы прекрасную карьеру, но что взять с девушки? Наставник Аннет нехотя согласился развивать ее дар хронолога, а о даре репликатора посоветовал забыть.

Аннет не очень расстроилась. Хоть и она бунтовала против несправедливых устоев общества, где правят мужчины, механизмы ее интересовали еще меньше, чем древности.

Итак, выбор был невелик. Совсем отказаться от использования таланта не получилось: иметь в семье сенситива-практика было лестно. Отец настоял, чтобы дочь выбросила из головы всякую чушь, не позорила семью, а поступала как велено. Скромных способностей хронолога оказалось достаточно, чтобы занять должность ассистентки антиквара.

Поначалу ей действительно поручали оценивать возраст старинных вещей, но справлялась Аннет кое-как. Вскоре на нее махнули рукой и усадили за пишущую машинку печатать отчеты, фотографии поручили возню с каталогами и расстановку экспонатов для съемки, а прочие служащие посылали в обеденный перерыв за бриошами. Аннет обижалась, скрипела зубами, но до поры до времени терпела: понимала, как ей повезло попасть в «Раритеты Молинаро».

Фирма была солидная и известная. Знаменитый аукционный дом не только торговал древними диковинами и произведениями искусства. Династии Молинаро принадлежали галереи, выставки, издательские дома, реставрационные мастерские, букинистические лавки, собственная школа искусств и основанное деятельным племянником сыскное агентство, которое боролось с жуликами на рынке антиквариата.

Отделение на Лилак-страда отвечало за продажу старинной бронзы и часов. На первом этаже работала своя типография и фотографический салон.

Задания Аннет получала несложные, но им конца-краю не было. На каждое выполненное скучнейшее задание приходилось два десятка новых. Злая и отупевшая, она оставалась в конторе допоздна и возвращалась домой затемно, сжимая в руке зонтик, как штык – пусть только сунутся ночные хулиганы!

В конторе царил сонная скука, а все сотрудники, казалось, походили на музейные экспонаты: занудные, блеклые, словно припорошенные вековой пылью. Аннет страдала от острого чувства недовольства собой и своей жизнью. Ее творческая энергия не находила выхода и чахла.

У Аннет была мечта. Да еще какая! Ей хотелось выступить на театральных подмостках, а если повезет – стать синемаграфической актрисой. Она не пропускала ни одного сеанса в электрическом театре «Сфинкс» и ни одного спектакля в королевской оперетте. При оперетте была актерская школа. Там проводили полугодовые курсы. Осталось собраться с духом, внести вступительный взнос, распрощаться со скучной конторой, а дальше...

Воображение показывало полные залы, очереди у кассы, бурные аплодисменты, море цветов от поклонников и гастрологи по всему миру. Или лицо Аннет крупным планом на экране, тапер играет душераздирающую музыку, зрители восторженно вздыхают в полутемном зале.

Рисовались и картины провала: она раз за разом не проходит прослушивание, перебивается с хлеба на воду, а затем волей-неволей возвращается в дом родителей, сидит на бесконеч-

ных приемах, где мать подсовывает ей потенциальных женихов – пузатеньких, богатых, чванливо-снисходительных. Ужас.

И Аннет сразу скисала. Трусила. «Я обязательно рискну – попозже, – говорила она себе. – В конце концов, мне всего двадцать три. Успею еще завоевать мир».

Работа в фирме Молинаро имела свои плюсы: платили хорошо, и начальство терпеливо относилось к эксцентричным нарядам незадачливой ассистентки антиквара, которая стремилась хотя бы таким способом выделиться на фоне остальных и доказать миру – и себе самой, – что девушка она незаурядная, передовая и раскрепощенная.

Вот к чему привела ее раскрепощенность! Теперь жди беды.

Глава 2. Тигр-людоед

Нет, босс не уволил ее. Более того: на следующий день он вызвал ее и Ванессу и принес извинения.

– Я неверно истолковал намерения, с которыми вы явились в мой кабинет, и повел себя неподобающим образом, – сухо произнес господин Молинаро.

Аннет скованно кивнула и посмотрела на него искоса, ломая голову: на самом деле раскаивается или нет? Решила: нет, не раскаивается. Ему неприятно, но ни капли не стыдно. А значит, грош цена его извинениям.

Девушка поджала губы и задрала подбородок, а Ванесса бросила на нее укоризненный взгляд: она подозревала, что вина Аннет в случившемся все-таки была. Когда они покидали кабинет босса, Ванесса мягко заметила, что приличные девушки, которые одеваются и ведут себя скромно, в подобные ситуации не попадают. Затем, когда они остались одни, помощница управляющего горько вздохнула и пророческим тоном сообщила:

– Он так это не оставит.

И опять оказалась права.

Во-первых, Аннет спешно переселили с глаз долой, в тесную каморку в подвале. Там было пыльно, шумно от работающего за стеной печатного станка и очень одиноко.

Во-вторых, начальство вспомнило, на какую должность ее первоначально брали в «Раритеты Молинаро», и поручило провести экспертизу старинных каминных часов. Аннет была уверена, что неплохо справилась – в хронограмме, которая возникла перед ее мысленным взором, когда она призвала свой талант, отчетливо виднелись светло-серые полосы, указывающие на вторую четверть восемнадцатого века. Однако, как доложила впоследствии Ванесса, Аннет ошиблась на добрые семьдесят лет. В результате Аннет лишили премии и урезали жалованье, что оказалось чувствительным ударом.

Она подозревала, что дело было нечисто и никакой ошибки она не допустила, а босс подстроил выставить ее виноватой, но доказать ничего не могла.

В-третьих, на Аннет ввалили вдвое больше работы; при виде исполинской кипы бумаг, которые она обнаруживала каждое утро на столе, хотелось выть.

В-четвертых, сплетни о произошедшем в кабинете босса расплозились по конторе на Лилак-страда. Хуже: служащие отчего-то решили, что Аннет успела закрутить интрижку с боссом, а затем дала ему от ворот поворот. Аннет пыталась выяснить, кто распускал гадкие слухи. Определенно это был кто-то из свидетелей некрасивой сцены: либо машинистки, либо благообразный специалист по бронзе. Ванессу подозревать не хотелось, но и исключать не следовало.

Слухи тем временем катились, росли как снежный ком, дошли до головного отделения, и знакомая машинистка рассказала, что племянничек имел неприятную беседу с главой династии, который не поощрял открытых шашней со служащими, как портящих репутацию фирмы. Против шашней тайных Абеле Молинаро не возражал: сам испытывал слабость к молоденьким секретаршам.

Теперь босс буравил Аннет тигриным взглядом, когда сталкивался с ней в коридоре.

Ситуация накалялась, но Аннет терпела. Ванесса не раз намекала, что лучшим выходом стало бы увольнение – она даже нашла замену, своего кузена-хронолога, – но Аннет решила не сразу. Ей были нужны деньги. Даже урезанное жалованье оставалось внушительным. Она терпеливо откладывала, чтобы в один прекрасный день осуществить свою мечту. Актерские курсы стоили немало, да и жить на что-то требовалось. Отложенное отдавала матери, которая вкладывала их в дело с расчетом на прибыль.

Аннет твердо решила уйти из конторы на Лилак-страда, когда наберется нужная сумма. И вот этот день настал.

Накануне она получила жалованье, а затем отпечатала и подала прошение об увольнении. Стучала по клавишам быстро, чтобы не передумать, а в желудке испуганно трепыхалось.

Ванесса прошение прочитала внимательно, не торопясь, одобрительно улыбнулась тонкими губами, поставила подпись и пожелала удачи – даже не потребовала отработать обязательные две недели. Теперь пути назад отрезаны. Новая жизнь начнется уже завтра.

Ну и хорошо, подбадривала себя Аннет. Страшно, когда приходят перемены. Но еще страшнее, что они обойдут тебя стороной. А еще говорят, все перемены к лучшему – скоро станет видно, есть ли в этой поговорке правда.

Утро переломного дня выдалось неприветливым: небо затянули тучи, моросил ледяной весенний дождь. Непогода Аннет не волновала. Ей было радостно и тревожно, как узнику накануне побега из тюрьмы. В последний раз она спешила на опостылевшую работу.

При мысли о будущем Аннет поочередно охватывали восторг, нетерпение и гнетущее беспокойство. Кто знает, как все повернется? Трудностей предстояло много. А вдруг она не справится? Вот будет разочарование родителям, когда узнают, что она наделала.

Она летела по улице как на крыльях, лавируя среди прохожих и прислушиваясь к музыке утренней столицы. Разливались трели велосипедных звонков. С шуршанием пролетали высокие каретки паровиков, плюясь угольным дымом. Сквозь облака слабо просвечивало утреннее солнце. Сеял мелкий как пыльца дождь, но чувствовалось, что денек выдастся славным.

Почтальоны шагали упруго, насвистывали модные шансонетки, газетчики шныряли как челноки. Семенящей походкой бежали клерки, чиновники, бледные девушки-служачки в серых платьях. Аннет поглядывала на них с чувством легкого превосходства.

Они казались ей самыми несчастными существами на свете. Они несвободны. Идут на службу, потом домой: каждый день одно и то же. А Аннет вскоре будет жить как захочет – полной, настоящей жизнью, – делать то, что любит, и никакой босс-самодур ей не указ.

В эту минуту ей казалось, что все сложится именно так, и нехорошие предчувствия ее не мучили.

Аннет приблизилась к высокому крыльцу краснокирпичного здания, прищурилась и внимательно поглядела налево-направо: автомобиля босса не видно.

Вздохнула с облегчением. Обычно господин Молинаро парковал свое черное чудище с блестящими боками недалеко от входа. Улица пуста: может, удастся избежать неприятной встречи. В конторе господин Молинаро не появлялся уже неделю, есть шанс, что и сегодня не заглянет. Вот и славно: с Людоеда станется устроить какую-нибудь гадость на прощание.

Последний в жизни Аннет рабочий день в конторе антикварного дома тянулся бесконечно. Рассыльный принес из архива полдюжины старых каталогов, срочно потребовавших перепечатки по прихоти господина Молинаро. Аннет набросилась на работу как на врага, не заслуживающего пощады.

К обеду она почувствовала, что пальцы ее превратились в деревянные дощечки, а шея и спина онемели. Девушка поднялась, со вкусом потянулась, достала принесенную из дома термическую флягу с какао и приготовилась в одиночестве подкрепиться галетами.

Осталось потерпеть всего ничего: через несколько часов Аннет последний раз пробежит пальцами по неподатливым клавишам печатной машинки, а в конце дня закроет чехлом и попрощается с ней навсегда. Затем придет свобода – и новые хлопоты. Пустяки. Аннет со всем справится. Будет заниматься тем, что она любит, а значит, рано или поздно станет богатой, знаменитой и независимой.

Пожалуй, стоит сказать спасибо Максимилиану Молинаро. Если бы не он, Аннет никогда бы не решилась послать скучную контору ко всем чертям и отправиться в свободное плавание.

Дверь приоткрылась, в каморку просочился шум печатного станка, а вместе с ним – Ванесса. Она заговорщицки улыбнулась и поманила Аннет:

– Идем наверх! Мы приготовили сюрприз.

Заметив колебания девушки, добавила вполголоса:

– Не бойся. Господина Молинаро до вечера не будет в конторе.

Оказалось, машинистки, конторщики и рассыльные придумали устроить Аннет проводы. Из кондитерской принесли пирожные, заварили чай-ориенталь в фарфоровом чайнике. До чая дело дошло не сразу: фотограф Жиль погрел в кофре и выудил бутылку сладкого вина.

Вино разлили в чайные чашки и выпили за будущее Аннет. Ванесса растрогалась, пустила скупую слезу и манерно промокнула слегка увядшую кожу под глазами шелковым платком. Успокоившись, помощница управляющего извлекла из ящика стола пакет.

– Дорогая Аннет, – торжественно произнесла она. – Нам будет не хватать твоего остроумия, дерзких выходов и смелых нарядов. Ты была нашим маленьким ярким павлинчиком, который своим щебетанием поднимал всем настроение.

Все заулыбались шутке и даже немного похлопали. Аннет незаметно поморщилась и изобразила радость. Ванесса вручила подарок и потребовала развернуть.

Аннет сорвала бумагу и оторопела: в руках у нее оказалась книга в обложке скромного серого цвета, однако качество бумаги и золотое тиснение говорили о немалой цене подарка. Готическим шрифтом на обложке было выведено: «Книга сладких сновидений, сочинение г-на Дормируса, морфеоманта».

– Прекрасное средство для борьбы с бессонницей! – объяснила Ванесса. – Книгу создали лучшие сенситивы королевства. Как ты знаешь, морфеоманты могут за считанные секунды усыпить человека и навеять приятные сны. Они прилагают свой талант и в писательском деле. Открой книгу, когда не получается уснуть. Слова подобраны так, чтобы убаюкать не хуже опиумного молочка, Глаза начинают слипаться через пару-другую страниц. Бумага пропитана особым составом – его аромат навеивает сладкие сны. Чувствуешь, пахнет лавандой?

Озадаченная Аннет поднесла книгу к лицу, принялась, чихнула и пробежала глазами первую строку:

«Отдавая должное головокружительным высотам, коих достигла современная цивилизация, и тому факту, что современная наука семимильными шагами покоряет все новые и новые, доселе неизведанные пространства, поражающие воображение и открывающие невиданные перспективы; тому, что ни один уголок природы и вселенной вскоре не останется обойден вниманием исследовательского духа; принимая все это во внимание, каждый пытливый ум не может не быть поражен тем обстоятельством, что доселе ничтожно мало изысканий было посвящено природе сна человеческого...»

В голове у Аннет помутилось, веки налились свинцовой тяжестью, но она продолжила продираться сквозь словесные дебри. Потерла глаза, зевнула, а еще через две строки решительно отодвинула диковинную книгу и помотала головой, чтобы прийти в себя.

Автор постарался на славу! Тут даже талант морфеоманта ни к чему: от такого заумного текста в голове сама по себе поднимается сонная одурь.

– Закрой, закрой скорее! – испугалась Ванесса и хихикнула, деликатно прикрыв рот ладошкой. – А то уснешь прямо здесь.

Аннет вежливо поблагодарила и положила книгу на соседний стол. Какой дорогой, скучный и абсолютно бесполезный подарок! Бессонницей она никогда не страдала, а будильник ставила на ночь в железную кастрюлю, чтобы звон вышел погромче и наверняка заставил ее оторвать голову от подушки.

За столом принялись обсуждать морфеомантов. Сам собой разговор перешел на чувствительные таланты господина Молиаро. Никто не знал, в какой области он был одарен. Одаренность его сомнения не вызывала – в династии Молиаро все рождались чувствительными.

Версии об обыденных талантах отменялись: Максимилиан Молиаро определенно не был хронологом. Он не был метеомантом и не был лозоходцем. Общее мнение склонялось в пользу талантов опасных, владельцев которых ставили на особый учет. Может, он владеет странгуляцией и умеет одним взглядом заставить человека забыть, как дышать? Нет, он пиромансер! Когда у него дурное настроение, он превращает невинный сквозняк в огненный вихрь.

Девушки загалдели, но внезапно притихли. Жиль торопливо спрятал бутылку под стол, а Ванесса подскочила, как на пружинах.

Аннет подняла голову и насупилась. В дверях собственной персоной стоял господин Молиаро, сцепив руки за спиной, и исподлобья наблюдал за весельем, как тигр перед атакой на беззаботных туристов, которые устроили в джунглях пикник.

– По какому поводу праздник? – вежливо осведомился он.

– Аннет покидает нас, мы собрались пожелать ей доброго пути и удачи, – с достоинством разъяснила Ванесса. – Сегодня ее последний рабочий день.

Господин Молиаро кивнул и вкрадчиво улыбнулся.

– Как раз об этом я и хотел с вами побеседовать, госпожа Вик. Прошу, пройдите в мой кабинет на пару слов.

– Может, позже... – заикнулась Ванесса и торопливо закрыла рот. Аннет покорно встала и на негнущихся ногах двинулась в кабинет. Господин Молиаро учтиво придержал дверь и зашел следом. Дверь сухо стукнула, как топор гильотины.

Господин Молиаро не спеша прошел к столу и вежливо указал на стул напротив.

– Прошу, присаживайтесь, – произнес он, и фантазия Аннет нарисовала картину говорящего тигра, который учтиво приглашает антилопу в свое логово на обед.

Стараясь держать спину прямой как палка, Аннет села, чинно сложила руки на коленях, вспомнила свою учительницу младшей ступени и попыталась скопировать ее строгую, презрительную гримасу, от которой, бывало, даже у директора школы тряслись поджилки.

Зря старалась: господин Молиаро остался не впечатлен. Он спокойно уселся на стул, раскрыл толстую картонную папку и достал заполненный машинописным текстом лист с размашистой подписью Ванессы. «Мое прошение об уходе», – догадалась Аннет.

– Итак, вы нас покидаете, – любезно и несколько удивленно произнес босс, буравя Аннет глазами.

Аннет скованно кивнула.

– Меня поставили об этом в известность только сегодня, – разъяснил господин Молиаро свое удивление и щелкнул указательным пальцем по бумаге. – Это было неожиданно. Ваше заявление я не подписывал.

– Делами о приеме и увольнении младшего персонала занимается помощница управляющего.

– Да-да, конечно, – кивнул босс. – Однако окончательное решение принимаю я. И решение это таково: вы уйдете лишь после того, как отработаете обязательные две недели. Правила есть правила. Я настаиваю, чтобы вы им подчинились.

У Аннет засосало под ложечкой. Усилием воли она вновь призвала образ грозной учительницы младших классов и метнула уничижительный взгляд:

– Госпожа Крон решила, что нужды в моих услугах нет. Она нашла преемника. Ее кузен готов приступить к делу уже завтра.

Господин Молиаро гаденько усмехнулся.

– Нужда в ваших услугах есть. Кузен госпожи Крон не подойдет. Человек новый, непроверенный...

– Я отказываюсь, – храбро ответила Аннет.

– Позвольте, – изумился босс. – Осмелюсь напомнить, что в противном случае вы лишаетесь права на выходное пособие. Кроме того, я полагаю, вам нужны рекомендации? Как вы рассчитываете устроиться на новое место без рекомендаций?

– Рекомендации мне ни к чему! Я собираюсь стать актрисой, – запальчиво произнесла Аннет и осеклась. Мелькнула трусливая мысль: если ее затея с театральными курсами провалится, придется искать место, а без рекомендаций рассчитывать не на что.

Аннет сделала над собой усилие и произнесла:

– Впрочем, вы правы, господин Молинаро. Мне нужны рекомендации. Я смогу их получить?

Босс убрал бумаги, положил руки на стол, сцепил пальцы и хищно прищурился.

– Вы получите отличные рекомендации, выходное пособие и крупную премию только после того, как выполните последнее поручение.

Аннет горько вздохнула. Сейчас босс потребует что-нибудь немислимое. Например, разыскать в архиве утерянные месяц назад документы по аукциону каретных часов или станцевать голой на столе.

– В чем оно заключается?

– Вы слышали о мастере Жакемаре и его автоматах – заводных куклах с часовым механизмом?

Аннет заинтересовалась.

– Да. Два месяца назад господин Вальвазор отправился в богом забытый городишко в горах, чтобы провести экспертизу автомата Жакемара по поручению клиента. Там он и сгинул...

Аннет и господин Молинаро торжественно помолчали пару секунд, дабы почтить память бывшего управляющего. Наконец, Аннет не выдержала и прервала молчание:

– И как с этим связано поручение, которое вы хотите взвалить на меня?

– Я хочу, чтобы вы отправились со мной в Механисбург и провели экспертизу подлинности автомата, которую так и не сделал покойный Вальвазор.

Аннет стало жарко. Новость выбила ее из колеи по нескольким причинам. Во-первых, она не желала отправляться с этим похотливым павианом в деловую поездку за тысячу миль от столицы. Придется ехать с ним много часов в одном купе, а затем жить в одном отеле. И отбиваться от его ухаживаний, это уж как пить дать. Мерзавец не преминет взять реванш. Во-вторых, она долго собиралась с духом, чтобы сделать решительный шаг и изменить жизнь. Распоряжение босса разрушило ее планы.

– Госпожа Вик. – Босс наклонился, его голос звучал вкрадчиво. – Поймите меня правильно. После того... недоразумения, которое произошло между нами, я не горю желанием вновь ставить себя в щекотливую ситуацию и работать с вами в паре. Однако выхода нет. Сделка очень важная. Клиент требует проведения оценки подлинности с применением таланта сенситива, и формальная экспертиза должна быть проведена на месте. Других специалистов-хронологов сейчас у фирмы нет. Знаю, ваши таланты хронолога весьма скромны, и ваши последние неудачи подтвердили это, но...

Аннет возмутилась. Хороший момент поднять вопрос об этих самых «неудачах»!

– Я уверена, что провела экспертизу настольных часов и бронзовых парных канделябров правильно. Считаю, что меня лишили премии незаслуженно, – с апломбом произнесла Аннет. Ничего, пусть знает, что она в курсе его низкой проделки!

Господин Молинаро отмахнулся.

– В отчетах, которые предоставила мне госпожа Крон, ясно указано, что вы ошиблись почти на век, и премии вас лишили за дело. Но это неважно. Как я уже сказал, экспертиза автомата будет простой формальностью. Изделия Жакемара сложно, практически невозможно

подделать. Мошенникам заниматься этим не с руки. Поэтому вы вполне сгодитесь. Ну как, согласны?

Аннет молчала.

– Если откажетесь, – произнес господин Молинаро медленно, смакуя каждое слово, – нарушите трудовой договор. Обещаю, без последствий я это не оставлю. Дело может дойти до суда... даже боюсь себе представить, что скажет ваш отец, знаменитый профессор Вик, когда узнает, как нехорошо вы поступили с аукционным домом Молинаро... и когда ему расскажут о вашем неподобающем поведении в конторе. Вы ведь тогда спровоцировали меня, госпожа Вик.

Лицо Аннет вытянулось. Господин Молинаро откинулся на спинку кресла, довольный произведенным эффектом. Тут же сжалился и решил подсластить пилюлю:

– Когда дело будет закончено, премия составит два ваших жалованья, плюс некоторый процент от сделки.

Чтобы не видеть светящихся злорадным торжеством разноцветных глаз, Аннет перевела взгляд на бронзовый торшер, лишившийся части хрустальных подвесок, и обреченно кивнула, как осужденный, который соглашается с вынесенным приговором.

– Отправляемся завтра, – спокойно подытожил беседу босс. – Билеты уже куплены и бумаги оформлены. Я заеду за вами в шесть утра. Соберите чемодан накануне и не проспите.

Глава 3. Порфирион

До полуночи Аннет носилась по комнате, рылась в шкафах, собирала чемоданы и рисовала в голове всякие ужасы, которые ожидали ее в путешествии. Забралась в кровать в первом часу и уснула не сразу. Стоило ей задремать, как будильник, накануне упрятанный в железную кастрюлю, разразился набатом как в день Страшного Суда. Аннет подскочила и долго не могла унять дикое сердцебиение.

Темнота за окном начала сереть. От непривычно раннего подъема сосало под ложечкой. Через силу Аннет влила в себя две кружки черного как деготь кофе. Сердце опять начало трепыхаться, а во рту поселилась неприятная горечь. Аннет натянула юбку из тонкой шерсти, приличную голубую блузку и набросила жакет. Вышло скучно. Тогда будущая актриса и законодательница моды намотала на шею длинный белый шарф, на голову нацепила дерзкую красную шляпку и, наконец, обрела некое подобие душевного равновесия.

Когда стрелки часов показали без четверти шесть, Аннет подхватила чемоданы – дьявол, тяжеловаты! – спустилась по темной лестнице и вышла на крыльцо. Сонная хозяйка клюнула ее в щеку торопливым поцелуем и захлопнула дверь. Было холодно и туманно. Город уже проснулся. На соседней улице гремели колеса экипажей, звенели трамваи, разносчики газет зывали покупателей по-утреннему хриплыми голосами.

Ждать пришлось недолго. Вскоре раздался рев мотора, у подъезда остановился автомобиль, открылась дверца, и на тротуар спрыгнул Максимилиан Молиаро в щегольском пальто до колен, узких брюках со стрелками и котелке набекрень. Стянул с рук краги, коротко поздоровался и хотел забрать чемоданы.

– Я вполне могу сама нести свой багаж, господин Молиаро, – преувеличенно вежливо пропела Аннет. – Не стоит считать женщин слабыми созданиями, глупыми настолько, что они не могут понять, какой груз в состоянии тащить. Я собрала чемоданы с расчетом обходиться без посторонней помощи.

Господин Молиаро озадаченно пожал широкими плечами и несколько секунд наблюдал, как Аннет, пытаясь, пытается затолкнуть чемоданы на заднее сиденье. Потом не выдержал: сердито отстранил ее и помог. Аннет вздохнула и завела глаза к небу.

«Упертый бабуин!»

Также упертый бабуин пожелал сам открыть дверцу и подать Аннет руку, когда она забиралась на сиденье. Услужливую ладонь она проигнорировала.

Автомобиль заурчал и покотился по просыпающимся улицам северной столицы. Босс оказался автомобилистом лихим и хладнокровным. Его крупные руки в кожаных крагах уверенно лежали на рулевом колесе. Не обращая внимания на перекошенные лица извозчиков и забористую брань, он искусно объезжал конки, кабриолеты и тяжелые повозки. Склонное настроение Аннет растаяло, и поездкой она наслаждалась от души. Вот это скорость! Рев мотора и дрожь корпуса доставляли ей постыдную, почти эротическую радость.

Шли минуты, автомобиль выехал на окраины и запрыгал на неровной мостовой. Аннет встревожилась.

– Вокзал в другой стороне, господин Молиаро! – указала она боссу.

Тот согласно хмыкнул и поддал газу. Исправлять свою ошибку и разворачиваться он даже не подумал.

– Послушайте, куда мы едем? – повысила голос Аннет. – Нам нужно на поезд!

– Какой еще поезд? – господин Молиаро бросил на спутницу насмешливый взгляд. – Чтобы добраться до Механисбурга, сначала нужно попасть в город Фрибур. Поезд идет туда двое суток, в объезд озера. Непозволительная трата времени. Мы полетим на «Порфирионе». Я разве вчера не сказал? На взлетном поле будем через десять минут.

Аннет ахнула. Вот так сюрприз! О «Порфирионе» писали все газеты. О нем показывали минутный фильм в синематографе на Лилак-страда. Крупнейший дирижабль жесткой системы называли восьмым чудом света. Путешествие в изысканно обставленных салонах «Порфириона» могли себе позволить только богатые люди – и скоро Аннет поднимется на нем в небо!

Аннет разволновалась и до самого взлетного поля не проронила ни слова.

Господин Молиаро не обманул: прибыли через десять минут. Босс оставил автомобиль на стоянке возле здания администрации компании, обслуживающей рейсовые дирижабли. После недолгого препирательства махнул на Аннет рукой и позволил ей самой нести чемоданы. У господина Молиаро, как у всякого опытного путешественника, с собой был лишь небольшой саквояж.

Прошли к стойке регистрации. Подтянутый служащий проверил билеты и паспорта, а другой – угрюмый и сонный – открыл чемоданы Аннет и саквояж господина Молиаро и долго в них рылся. Решительно извлек из саквояжа коробку сигар и спрятал за стойку.

– Вот это правильно, – не удержалась Аннет. – Курить вредно.

Служащий покосился и снизошел до объяснения:

– Отсеки «Порфириона» наполнены водородом. Спички и зажигалки на борту запрещены. Разрешено курить лишь в специальной комнате. Я прослежу, чтобы сигары доставили туда.

Аннет поежилась: она вспомнила о громкой катастрофе, о которой писали все газеты полгода назад: брат-близнец «Порфириона», дирижабль «Антеон», вспыхнул в воздухе и рухнул в озеро.

– Не беспокойтесь, – господин Молиаро заметил ее встревоженное лицо. – Компания приняла нужные меры. Мы долетим в целости и сохранности. Теперь на каждом дирижабле королевского флота во время полета несет постоянную вахту сильный пиромансер, укротитель огня. Он использует свой дар и неустанно следит за состоянием судна.

До отправления оставалось полчаса. Пришлось пройти в зал ожидания и устроиться в глубоких креслах. Господин Молиаро меланхолично перелистывал журнал, а Аннет крутила головой, рассматривая пассажиров и провожающих – чопорных, дорого и хорошо одетых.

– Доброе утро, господин Молиаро! Доброе утро, Аннет! – в комнату ожидания ворвалась запыхавшаяся Ванесса. Аннет удивилась: неужто помощница управляющего отправится вместе с ними? Накануне Ванесса самоотверженно упрашивала босса позволить ее кузену заменить Аннет в поездке, но получила категорический отказ.

Выяснилось, что Ванесса по просьбе босса привезла нужные бумаги, которые были не готовы вечером.

Ванесса выглядела взволнованной. На худых щеках проступил пятнистый румянец, глаза блестели как у взявшего цель охотника, бант на шее сбился набок. Она с любопытством переводила взгляд с господина Молиаро на Аннет, словно пытаясь понять, как они поладили и не собирается ли Аннет выкинуть что-то эдакое, что окончательно погубит ее репутацию. Осмотр Ванессу успокоил.

– Дорогая, – обратилась она к Аннет. – Вчера ты забыла наш подарок в конторе. Вот, я привезла его тебе. Полет предстоит долгий. Если станет скучно, можешь воспользоваться этой замечательной книгой и вздремнуть. Дневной сон улучшает цвет лица.

Аннет кисло поблагодарила и спрятала «Книгу сладких сновидений» в сумочку, решив тайком выбросить ненужный подарок при первой возможности. А может, подсунуть ее боссу? Пусть почитает, а затем продряхнет всю дорогу – так Аннет будет спокойнее.

Ванесса попрощалась, напоследок вопросительно глянув на Аннет и едва заметно кивнув в сторону господина Молиаро. Аннет усмехнулась и легкомысленно помахала ладошкой – мол, не беспокойтесь, все под контролем, Людоед ведет себя прилично и никаких возмутительных выходов не совершает. Пусть только попробует!

Появился служащий в темно-синей форме с латунными пуговицами и пригласил господ на посадку.

На взлетном поле зеленели проплешины ранней травы, пахло влажной землей и керосином, раздавался рокот моторов, и шум этот бодрил и веселил. Аннет прищурилась от ослепительного солнца.

Господин Молинаро со скучающим видом позевывал в ладонь.

«Порфирион» привел Аннет в трепет. Он был невероятно, восхитительно огромным! Его туша, обтянутая блестящей прорезиненной тканью, тяжеловесно и в то же время легко парила, низко притянута к земле канатами. Чем ближе Аннет подходила к дирижаблю в толпе чинно переговаривающихся пассажиров, тем больше он казался. Наконец он заполнил собой все пространство. Гондола пряталась в корпусе дирижабля, лишь нижняя ее часть выступала, словно широкий плавник.

Любопытство Аннет было так велико, что она не удержалась и призвала свой талант репликатора. Ей хотелось увидеть устройство дирижабля, и у нее это получилось. Скелет «Порфириона» высветился ярким призрачным контуром, на миг показались сложные переплетения шпангоутов. Газ в укрытых в корпусе мешках обрел цвет и вид болотного тумана. Однако через миг образ поплыл, задрожал и потух. Голову пронзила сильная боль: дар репликатора забирал много энергии. Неумелая попытка Аннет дорого ей обошлась.

Пассажиры поднялись по короткому трапу и оказались в узком коридоре. Расторопный юнец понес чемоданы в каюту, а стюард проводил Аннет и господина Молинаро в кают-компанию. Она была роскошна: стены отделаны красным деревом, на потолочных балках и колоннах блестела перламутровая инкрустация, вдоль расположенных под наклоном панорамных окон стояли легкие столы и удобные плетеные стулья.

Стюарды в белоснежных кителях разносили игристое вино в высоких бокалах и при этом чуть не пританцовывали от усердия. Объявили взлет; пассажиры прилипли к наклонным панорамным окнам и принялись махать тем, кто оставался на земле и отчаянно завидовал воздухоплавателям.

Хлынула балластная вода, брызги за окнами заискрились радугой. Винты в моторных гондолах лениво разогнались и издали волнующий низкий гул.

Момент взлета Аннет не ощутила – она его увидела. Земля вдруг плавно пошла вниз. Стало очень светло. Небо превратилось в бездонную чашу. Сквозь приоткрытые окна в салон ворвался ветер, пронзительно-свежий, какого не бывает на земле, захлопал занавесками, как корабельным парусом, и пробежался по разгоряченным щекам Аннет холодными пальцами.

– Вот это да! – прошептала Аннет и на миг зажмурилась. Она переживала острый восторг полета. Сердце мелко колотилось. Когда открыла глаза, обнаружила, что господин Молинаро стоит рядом со сложенными на груди руками, небрежно прислонившись плечом к переборке.

– Понравилось летать? – дружелюбно поинтересовался он.

– Я как в сказке очутилась, – вздохнула Аннет. Она больше не могла выносить свою радость в одиночку. Ей остро требовалось с кем-то поделиться! Но босс тут же все испортил.

– А вы упирались, не хотели ехать, – шутливо упрекнул он ее. – Смотрели на меня волком. Ничего, мы еще с вами подружимся.

Ага, держи карман шире, подумала Аннет и насупилась. Она была уверена, что желание босса подружиться не сулит ей ничего хорошего.

Босс предложил:

– Хотите позавтракать? Пройдите в ресторан: я к вам присоединюсь через несколько минут. Мне нужно попросить радиста отправить радиogramму в головной офис.

Завтрак? Отлично! Аннет вновь оживилась и даже причмокнула от нетерпения. Последний раз она ела вчера днем, и теперь ее подташнивало от голода и волнения.

Ресторан был невелик, но казался просторным из-за окон, больших и наклонных, как и в салоне. Стюард провел Аннет к свободному столику в углу. Зал наполнялся веселыми пассажирами.

Аннет стгоряча перечислила стюарду в три раза больше блюд, чем была в состоянии съесть. На миг устыдилась своей жадности, но тут же успокоила себя: когда еще доведется даром попробовать то, что кушают на завтрак богатеи? Это вам не подгоревшая овсянка и каменные тосты, которыми ее упорно пичкала квартирная хозяйка.

В ожидании заказа Аннет нацепила пенсне и принялась развлекать себя наблюдениями. Она изучала нарядные шляпки дам, посмеивалась над набриолиненными проборами господ, но при этом ее не покидало ощущение, что и ее саму кто-то ощупывает украдкой тяжелым взглядом. Кожу на затылке щекотало, по предплечьям пробежали мурашки. Девушка беспokoйно повернулась и вздрогнула. Через проход сидел господин такой странной наружности, что Аннет вытаращилась на него как на ярмарочного медведя.

Грузный мужчина средних лет развалился на алюминиевом стуле, который, казалось, сплюснулся под его весом. Черные волосы господина топорщились вокруг обширных залысин на лбу, двойной подбородок лег на грудь, глаза почти полностью спрятались под мохнатыми бровями. На щеке возле мясистого носа сидела крупная бородавка. Одет господин был щегольски, ярко, как любят провинциалы: в клетчатом пиджаке и коротких брючках с манжетами и широким напуском у колен. Из-под стола торчали огромные ноги в гетрах и грубых башмаках. Рядом на стуле лежал новомодный картуз. Подходящий наряд для помещика, который собрался поиграть в гольф или поохотиться на косуль! Только клюшки не хватает. Или двустволки и патронташа.

Впрочем, с недавних пор с подобным сельским шиком стали одеваться и столичные гангстеры. А вот яркий платок на толстой шее чудного господина больше пристал бы завсегдатаю поэтического кафе.

Господин поглядывал на весь мир с гримасой наглого, уверенного в своих силах человека, считающего, что все прочие созданы лишь для того, чтобы удовлетворять его прихоти. Толстые пальцы нетерпеливо барабанили по столу, нижняя губа брезгливо оттопыривалась. Заметив внимание Аннет, наглец скользнул по ней липким взглядом. Она спрятала пенсне, задрала подбородок и отвернулась, но уголком глаза продолжала следить за странным пассажиром. Почудилось – этот грузный человек в новомодном костюме только и ждет, чтобы выкинуть какую-то безобразную выходку.

Чутье Аннет не подвело.

Среди стюардов было две девушки. Красавицы в форменных платьях споро сновали между столиками. Одна из них – на вид вчерашняя школьница – принесла подозрительному господину кружку с пивом и кусок жареного мяса. Господин на поднос не обратил внимания, а вот подавальщицу осмотрел с ног до головы, и когда она наклонилась над столом, смачно цыкнул зубом, протянул лапищу и по-хозяйски положил девушке на бедро.

Небесная красавица остолбенела. Аннет разглядела, как волосатые пальцы, униженные перстнями, смяли ткань юбки и сдавили плоть. Девушка попыталась сделать шаг назад, но господин не отпускал: пробурчал пару слов и ухмыльнулся. Бедняжка покраснела и бросила беспомощный взгляд на старшего стюарда, который стоял у входа и следил за порядком в зале. Стюард сделал каменное лицо и отвернулся: выбирайся из затруднения сама.

Рука наглеца тем временем бесцеремонно перебралась ниже и вознамерилась нырнуть под юбку. Девушка плаксиво захлопала глазами, и Аннет не выдержала. Затеять перепалку было страшновато, но она представила себя в роли храброй королевы амазонок из спектакля «Девы-воительницы», решительно поднялась, в два крупных шага пересекла проход и потребовала:

– Немедленно отпустите ее, иначе я пожалуюсь капитану. Вас выведут отсюда, наденут кандалы и до конца путешествия запрут в багажном отсеке.

Господин пристально глянул на Аннет, ослабился, показав неровные желтые зубы, и отрезал:

– Не твоё дело, сестренка. Сядь на место.

И добавил тише:

– Я тобой позднее займусь.

В салоне замолчали. Аристократические путешественники замерли с поднесенными ко рту вилками и с шокированным видом наблюдали за назревающим скандалом. Старший стюард засуетился и осторожно, бочком, поспешил к его участникам.

– Что здесь происходит? – резко произнес господин Молинаро, который неслышно возник позади Аннет. Бородавчатый нехотя отпустил девушку – та быстро отступила и исчезла, не забыв прихватить поднос. Наглец проворчал что-то неразборчивое, отвел глаза, взял нож и вилку и атаковал кусок мяса на тарелке. Старший стюард с видимым облегчением застыл у стены.

– Все в порядке, – бодро произнесла Аннет, не глядя на босса. – Этот господин не умеет вести себя, я сделала ему замечание.

Господин Молинаро помедлил, метнул острый взгляд на странного пассажира, отвернулся и прошел к своему столику. Аннет последовала за ним.

На столике уже стоял заказ Аннет. Босс удивленно поднял брови:

– К нам кто-то присоединится за завтраком?

– Нет, – отрезала Аннет, принимаясь за омлет с молодым горошком и шампиньонами.

– Почему тогда здесь накрыто на шестерых?

– Это все мне.

– Отрадно, когда у девушки такой отличный аппетит, – похвалил господин Молинаро и добавил лукаво: – Если девушка хорошо кушает, значит, она ненасытна и в других вещах.

Не утратившая воинственного духа Аннет направила на господина Молинаро острие ножа и констатировала:

– Вы такой же пошляк, как и тот тип с бородавкой. Кстати, кто это? Почему он так разоделся?

– Похоже, это гельманш, уроженец горной местности, где расположены Фрибур и Механисбург. Среди них много богатеев, которые официально считаются овцеводами, но богатству своему они обязаны контрабанде и даже грабежу. По сути, обычный бандит. Не удивлюсь, если на его совести несколько загубленных душ. Не стоило вам связываться с ним, госпожа Вик. Вы неосторожны.

– Я должна была молчать, когда он обижал эту девушку?

– Именно. Она сама бы справилась. Их этому учат.

Аннет негодуяще фыркнула и приступила к блинчикам со взбитыми сливками и малиной. Невероятно вкусно! Пришлось позвать стюарда и попросить вторую порцию.

– Сливки очень жирные, – предупредил господин Молинаро, который деликатно потягивал кофе. – Как бы вас потом тошнить не начало.

Она запыхтела от злости, и когда босс учтиво протянул ей оброненную салфетку и как будто невзначай коснулся ее руки, подпрыгнула на месте и чуть не шлепнула его по запястью.

Господин Молинаро озадаченно качнул головой. Аннет отвернулась и поймала недобрый взгляд типа с бородавкой, который в этот момент усердно ковырял в зубах вилкой, жеманно оставив волосатый мизинец.

Аннет невольно содрогнулась и пробормотала:

– Невоспитанный хам.

Глава 4. Над бездной

Вероятно, босс отнес ее слова на свой счет. Он отставил чашку и решительно сказал:

– Госпожа Вик, так не пойдет. Нам предстоит какое-то время работать бок о бок. Вы смотрите на меня как на отъявленного злодея и грубите напропалую. Я же постоянно подозреваю вас в том, что вы плетете интриги. Думаю, мы оба пали жертвой недоразумения. Давайте проясним наши отношения.

Аннет настороженно кивнула.

– Итак, то событие в моем кабинете...

Аннет поморщилась. Босс поиграл темными бровями и невозмутимо продолжил.

– Посмотрите с моей точки зрения. Когда мы познакомились, я принял вас за женщину раскрепощенную, презирающую предрассудки. Ваша манера одеваться и поведение укрепили меня в этом мнении.

– Что же такого особенного было в моем поведении? – звенящим от гнева голосом спросила Аннет.

– Вы ведь суфражистка, последовательница Клары Перкин, верно? Вы из тех дам, которые отвергают принятые в обществе нормы, велят женщинам знать свое место, быть скромными и незаметными, так?

– Так, – презрительно согласилась Аннет. – Клара Перкин – мой идол.

– Имел я дело с вашими сестрами по вере, – насмешливо поведал господин Молинаро. – Более того, одна из них некоторое время утешала меня после развода. Мой опыт показывает, что есть два вида подобных вам дам. Первый вид ненавидит мужчин и всячески их избегает.

– Что за чушь! – горячо перебила его Аннет. – Мы вовсе не ненавидим мужчин. Мы ненавидим глупые догмы, которые говорят, что мужчины умнее, сильнее и лучше. Мы ненавидим мир, в котором женщин признают существами второго сорта. Мы...

– Постойте! – господин Молинаро поднял ладонь. – Я не спорю. Ваши цели благородны... кое в чем. Я лишь говорю о дамах, которые эти взгляды несут в массы. Так вот, я решил, что вы принадлежите ко второму типу дам-суфражисток. Они действительно свободны и раскованны. Они не боятся своей привлекательности, не стесняются говорить о своих желаниях и не любят бессмысленные ритуалы, вроде ухаживаний, цветов и конфет. Они предпочитают сразу переходить к делу...

– Вы полны предрассудками, как ведро помоями, – ядовито заметила Аннет. – И ни черта не понимаете в женщинах – особенно в таких, как я.

– Фу, – брезгливо отозвался босс, – у вас язык как у кухарки.

Аннет решила пропустить его реплику мимо ушей.

– Вы всегда готовы взвалить на нас вину. Уверяете, что мы соблазняем вас и сами напрашиваемся на неприятности, – с жаром продолжила она. Ей очень понравилось отчитывать босса, и она вошла во вкус.

Господин Молинаро поморщился.

– Уверяю вас, после пяти лет неудачного брака, развода и череды случайных подруг я прекрасно знаю, как работает мозг у женщин, в том числе у таких, как вы. Итак, вернемся к событиям в кабинете. Вину с себя я не снимаю. Да, вел я себя безобразно. Но позвольте оправдаться. У меня нет привычки набрасываться на дам. В тот вечер я вернулся навеселе после банкета и плохо себя контролировал. Не собирался я вас оскорблять.

– Так вы еще и пить не умеете, – с удовлетворением отметила Аннет. – Сколько вам, тридцать? Пора бы научиться.

– Тридцать два, – поправил ее господин Молинаро смущенно. – У моего организма есть одна дурацкая особенность. Я могу в любом количестве пить чистый спирт, крепчайший джин,

виски... даже рисовую водку, которую так любят на востоке, и не пьянеть. Но стоит мне выпить бокал вина, как мозги затуманиваются на пару часов. Хочется петь песни, ходить на руках, задира́ть полицейских и совершать прочие необдуманные поступки. А на том банкете ничего, кроме вина, не было. Пришлось произносить тост за партнера фирмы.

Аннет презрительно фыркнула.

– Но это еще не все. Вы ведь заигрывали со мной, не отрицайте! Вели себя как легкомысленная кокетка.

Аннет лишилась дара речи.

– С чего вы взяли? – наконец выговорила она, задыхаясь в приступе праведного гнева.

– Думаете, я не видел, как вы тарасились на меня? Томно склоняли голову к плечу и смотрели вот с эдаким многозначительным прищуром...

Господин Молинаро очень похоже изобразил Аннет, когда та пыталась заглянуть ему в лицо близорукими глазами.

– Опять сели в лужу. У меня плохое зрение, вот и все. Когда впервые увидела вас, я заинтересовалась, не скрою. Сами знаете, такие глаза, как у вас не часто встречаются. Вот я и хотела вас разглядеть. А еще я люблю фотографировать, и представляла, каким вы выйдете на портрете. Внешность у вас весьма экзотическая, но это был интерес художника, а не кокетки.

– Ну а очки у вас есть, госпожа художник? – саркастично поинтересовался господин Молинаро.

Аннет молча открыла сумочку, достала пенсне, надела и с вызовом посмотрела в разноцветные глаза босса.

– Прелестно! – умилился босс. – Не снимайте их. Вы теперь напоминаете мою учительницу младших классов. Помню, эта старая дева любила носить толстые шерстяные носки под открытые туфли, трубно сморкалась в клетчатый платок и считала мужчин исчадиями ада.

Аннет мысленно застонала и торопливо сдернула пенсне.

– Хорошо. Но если я не интересовал вас, как мужчина, какого дьявола вы зашли в мой кабинет, виляя бедрами, как одалиска, взгромоздились на стол, да еще и принялись задира́ть юбку и облизывать губы? Все же решили проверить на мне свои чары?

– Ничего подобного! – возмутилась Аннет. – И в мыслях не было вас соблазнять. Я вас вообще не видела. Думала, кабинет пуст. У меня расстегнулась застежка на чулке, и я решила ее поправить. Заодно представила себя в роли Лили Роуз.

– Кто такая Лили Роуз? – наморщил лоб Максимилиан и потер подбородок укороченным мизинцем. – Машинистка со второго этажа?

Аннет снисходительно разъяснила.

– Это шпионка из киноромана «В плену у кровавого барона» в исполнении непревзойденной Мэри Рикфорд. Ленту крутили в синемаатографе «Сфинкс» в прошлом месяце.

– Понятно, – закивал головой Максимилиан. – Я-то по наивности решил, что вы приглашаете меня быть посмелее, а вы, оказывается, просто кривлялись. Обезьянничали. А я и не понял, дуралей.

– Вот именно, – многозначительно подтвердила Аннет. – Я мечтаю стать актрисой и не упускаю случая попрактиковаться.

– Надеюсь, впредь вы будете более осмотрительно выбирать момент для вашей актерской практики. Хорошо. И все же я очень на вас зол. Мало того, что вы съездили мне по физиономии. Вы принялись распускать обо мне глупые слухи. Старик Абеле, мой дядя, был весьма недоволен, когда они до него дошли. Мы чуть не разругались.

– Я здесь ни при чем, – отрезала Аннет.

– Прочие свидетели той сцены свою вину отрицали и заявили, что сплетни исходили именно от вас.

Аннет стало обидно – даже слезы на глазах выступили. Она горячо заговорила, так громко, что за соседним столиком обернулись, а бородавчатый грубиян заинтересованно подался вперед.

– Я никогда бы ничего подобного не сделала! Как вы не понимаете... нет, я не могу ничего доказать – и не буду. Думайте, что хотите. Но я не сплетница.

Господин Молиаро смутился.

– Простите, – сказал он. – Стоило раньше поговорить с вами. Как раз собирался это сделать, когда мне вручили ваше прошение об увольнении.

– Вы вели себя мелочно. Начали мне мстить.

– Здравствуйте, пожалуйста! – вскипел господин Молиаро. – Какая еще месть? Я просто старался избегать вас.

– Вы переселили меня в подвал.

– Не я. Распоряжение это сделала Ванесса.

– Вы лишили меня премии и урезали жалованье.

– Вполне заслуженно и не вам одной. Вы допустили серьезную ошибку в экспертной оценке. Ничего личного. Многие служащие были наказаны за халатность. Дела конторы шли наперекосяк. Прежний управляющий вас всех разбаловал.

– Я уверена, что ошибки не было, – упрямо проговорила Аннет.

– Нет, Аннет, была, – мягко произнес господин Молиаро. – Вы не очень стараетесь, когда используете свой талант хронолога. Возможно, вам действительно стоит выбрать другую профессию.

– Именно это я и собираюсь сделать. – Аннет понемногу успокаивалась.

– Ну что, мир? – спросил господин Молиаро и пытливо заглянул собеседнице в глаза.

– Мир, – неохотно согласилась Аннет. – Но все же давайте обговорим кое-какие правила.

– Ставите условия своему боссу? – изумился он и тут же капитулировал. – Хорошо, давайте послушаем, что вы задумали.

– Условие одно. Вы будете относиться ко мне как к мужчине.

– То есть? – Господин Молиаро нахмурился. – Хотите, чтобы я угощал вас сигарами, хлопал по плечу и травил охотничьи байки?

– Никаких ухаживаний. Никаких двусмысленных шуток. Будете держать руки при себе.

Босс картинно подпер подбородок рукой, задумался, а затем медленно произнес:

– Вот, значит, какого вы обо мне мнения. Считаете меня пошлым, сальным типом. Ждете от меня домогательств. Знаете, говорят, человек получает именно то отношение, которого тайне ожидает. Вести себя с вами как с женщиной? Это будет непросто.

– А вы постарайтесь.

– Хорошо, – тон господина Молиаро внезапно изменился. Он стал очень серьезен и даже сух. – И хотя вы говорите со мной так, как нельзя говорить служащей со своим начальством, признаю – ваш гнев я полностью заслужил. Обещаю, что больше ничем не оскорблю вас. Но не обещаю, что буду относиться к вам исключительно как к мужчине. Это невозможно. Я не вижу в вас мужчину или бесполое существо. Вы красивая девушка, вы мне нравитесь. Я оставляю за собой право оказывать вам знаки внимания. Можете сказать мне, если вам будут неприятны какие-то мои слова или поступки, и я постараюсь держать себя в руках. Вы же перестанете дерзить и будете вести себя уважительно. Договорились?

Аннет от его слов одновременно испытала приступ раздражения и острое удовольствие. Одна ее часть, которая втихую любовалась мужественным лицом господина Молиаро, хотела верить в его искренность. Другая, которая отмечала лукавый блеск в его разноцветных глазах, догадывалась, что он водит ее за нос, делает вид, что потакает ее прихоти. Во время своей тирады он походил на обаятельного злодея, который принял брошенный вызов и теперь строит коварные планы. Да, определенно босс что-то задумал. Придется быть настороже.

Аннет насупилась и нехотя кивнула

– Вот и славно. Теперь я уверен: мы не уйдем друг друга до конца поездки. С вашего позволения оставлю вас: я всю ночь разбирался с делами и глаз не сомкнул, и теперь хочу пройти в каюту и вздремнуть. Советую поступить так же. «Порфирион» прибудет в город Фрибур через восемь часов.

Сначала Аннет решила последовать совету босса. В узкой каюте, похожей на элегантно обставленный чулан, устроилась на жесткой койке, но уснуть так и не смогла. Полистала найденный в тумбочке путеводитель. Механисбургу там отводилась пара строк. «Уникальный город с необычной историей и традициями, полный удивительных легенд и достопримечательностей. Туристическая жемчужина, знавшая лучшие времена». Любопытно!

Она отложила путеводитель, полежала с закрытыми глазами, но сон не шел. Может, воспользоваться «Книгой сладких сновидений»? Нет! Зачем спать, когда кругом столько интересного! Достала из саквояжа фотографический аппарат фирмы «Фронтир» – подарок отца – и отправилась на экскурсию по «Порфириону».

На дирижабле было не так много мест, куда позволялось ходить пассажирам. Аннет обошла их за час. Делала снимки, испросив разрешения у стюардов и офицеров, потом познакомилась со штурманом и еще час мучила его расспросами об устройстве «Порфириона», пока штурман не сбежал, ссылаясь на поручение капитана. Аннет узнала, что кроме пиромансера на борту присутствовал еще один сенситив, отвечающий за безопасность полета – метеомант. Он безошибочно предсказывал изменение погоды и силы ветра, а еще мог укротить ураган и потушить грозу.

Затем наведальась в салон-ресторан. Обедать после плотного завтрака не хотелось, но от еще одной порции блинчиков с малиной и взбитыми сливками отказаться не смогла.

Недавний обидчик Аннет сидел в дальнем углу и недобро зыркал. В этот раз ему прислуживал дюжий стюард. Присмиривший грубиян общался с ним заискивающим тоном. Уходя из опустевшего ресторана, Аннет мстительно навела на толстяка фотоаппарат и нахально сделала снимок. Тот зажмурился от вспышки магния и скорчил такую страшную гримасу, что Аннет струсила и сбежала в кают-компанию.

Здесь было многолюдно. Кто-то сдвинул панели на окнах, и теперь по помещению гулял свежий ветерок. Аннет присела на широкий подоконник и смело высунулась. Внизу проплывала сказочная страна. В узкой ленте реки сверкало солнце, зеленели пушистые рощи, краснокирпичные домики выглядели нарядными, как новенький детский конструктор в витрине магазина. На горизонте темнели очертания гор.

– Осторожно, госпожа Вик! – подошел господин Молинаро, румяный и бодрый после отдыха в каюте. – Неровен час, сорветесь. А не сорветесь, так обгорите и испортите ваш нежный цвет лица. Горное солнце коварно.

От его покровительственного тона в Аннет моментально разыгрался дух противоречия, и она высунулась еще дальше.

Господин Молинаро сделал движение, словно хотел схватить ее за руку и стащить с подоконника, но передумал: отошел и завел беседу с пожилым господином.

На свободное место возле окна тут же втиснулась бойкая девочка лет пяти. Она положила на подоконник дорогую тряпичную куклу с фарфоровым личиком и принялась болтать с Аннет. При этом крутилась на месте, как чертенок, и оживленно жестикулировала. Мать девочки, молодая, изысканно одетая дама, поминутно одергивала дочь – без толку. Во время рассказа о проделках какого-то сорванца Поля девочка неловко взмахнула рукой и задела куклу. Кукла скользнула по подоконнику и исчезла за окном. Девочка завопила как сирена.

Аннет не растерялась.

– Посмотри, – она показала рукой вниз. – Видишь тот маленький домик у дороги? Там живет бедная девочка Жаклин. У нее никогда в жизни не было игрушек. Твоя куклолка упала ей

прямо в руки. Жаклин думает, что получила подарок от небесных фей за хорошее поведение. Видишь, как замечательно получилось? Радовать людей очень приятно. Ты теперь небесная фея!

Девочка успокоилась и заинтересовалась брошью Аннет в виде грозди смородины. Забралась к Аннет на колени, попросила разрешения потрогать темно-рубиновые шарики и попыталась украдкой лизнуть их.

Год назад Аннет получила эту брошь на день рождения от Бастиана, ее первого и единственного возлюбленного. Бастиан был подающим надежды скульптором. Они расстались полгода назад, когда он увлекся очередной натурщицей.

История была банальная и печальная. Аннет поклялась, что никогда больше не свяжется с мужчиной, который искренне увлечен лишь собой, который не уважает ни ее саму, ни ее интересы; который глумливо фыркает, услышав рассуждения Аннет о взаимных обязательствах, а в женщинах больше всего ценит покладистость. Иначе говоря, ни с каким мужчиной она больше не свяжется. Все они на один лад скроены. Вспомнила слова Максимилиана о раскрепощенных женщинах и скривилась: и этот недалеко ушел от Бастиана.

Аннет посмотрела на припухшие детские глаза, решительно сняла брошь с лацкана и вручила девочке. Та, не веря своему счастью, умчалась в каюту. Кукла была забыта.

– Вам не жалко броши? – поинтересовался наблюдавший за сценой господин Молинаро. – Мне показалось, она была вам дорога. Вы часто касались ее пальцами и грустно улыбались. Это был подарок от жениха?

– Нет, – коротко ответила Аннет. – Мне не жалко броши. Девочки не должны плакать. Ей, как и любой женщине, еще придется испытать много разочарований в жизни и пролить немало слез.

Слова прозвучали пафосно, и Аннет устыдилась. Господин Молинаро саркастически хмыкнул и ушел. Наверное, подумал, что она процитировала строку из пьесы.

Кают-компания понемногу пустела. Пассажиры готовились к высадке. Путешествие подходило к концу.

Вскоре Аннет осталась одна. Саквояж она не распаковывала, и решила наслаждаться проплывающими внизу видами до самого прибытия.

Поправила шарф, положила фотоаппарат на подоконник, крепче схватилась рукой за стойку и замерла. Щеки пламенели на солнце, а ветерок приятно охлаждал кожу. Горы на горизонте росли, небо становилось темнее, вдалеке появились очертания города.

Как красиво! Будет за что помянуть добрым словом господина Молинаро: благодаря ему она смогла совершить это удивительное путешествие. Впрочем, она наверняка объедет весь мир, когда станет знаменитой актрисой.

Сзади раздалась шаги, и звучали они так, словно кто-то тяжелый старался ступать тише. На подоконник рядом с Аннет легла черная тень. Девушка встрепенулась, повернула голову, но в тот же миг ее лодыжки больно и крепко сжали чьи-то пальцы. Затем ее ноги грубо дернули вверх, неизвестный ухарски крикнул и выпихнул Аннет наружу.

Аннет повезло: она не полетела к земле подарком для выдуманной девочки Жаклин. Конец длинного шарфа зацепился за крюк для ставней и не дал ей упасть. Впрочем, удача была сомнительной: второй конец шарфа сыграл роль удавки. Он плотно обвился вокруг шеи, Аннет ударилась о наружный борт гондолы и почувствовала, что ей вот-вот оторвет голову. В момент падения ей удалось ухватиться за стойку, и только поэтому она ускользнула от обеих смертей: не превратилась в висельника и не разбилась в лепешку.

Сначала Аннет испытала безмерное удивление. Затем осознала: это происходит не во сне, не в ее фантазии о съемках в приключенческой ленте... это происходит взаправду!

Одурев от ужаса, она запаниковала. Хрипела, била ногами о стенку гондолы, безуспешно пыталась подтянуться на руках! Внизу скользила бездна. Она ждала, когда Аннет разожмет онемевшие пальцы, чтобы проглотить ее.

Холодный ветер рвал юбку, грохотали моторы, приближалась громада причальной мачты, похожей на гигантского ферзя. Без пяти минут покойница краем глаза видела, как далеко внизу скользят красные квадраты крыш, по ленте дорог бегут жуки-автомобили и игрушечные экипажи. Тень гигантского дирижабля напознала на них как туча и неслась дальше.

Раздался свисток, крики, топот. Чьи-то руки больно ухватили Аннет за запястья и, не церемонясь, потащили наверх, словно куль с балластом.

«Я жива, – мелькнула мысль. – Меня спасли. Но до этого хотели убить».

– Безобразие! – завопил ей кто-то в ухо басом, брызгая слюной и размахивая перед глазами руками, торчащими из обшлагов форменной куртки – Возмутительная неосторожность!

– Тихо! – грозно рявкнул голос господина Молиаро. – Перестаньте орать на нее, матрос. Видите, она не в себе.

– Кто-то выкинул меня за борт, – прохрипела Аннет, к которой медленно вернулась способность соображать. – Я не виновата.

– Ишь чего выдумала, – пробормотал бас и нервно хохотнул.

Вокруг Аннет собралось ужасно много людей: стюарды, матросы и механики. Все принялись взволнованно переговариваться. Старший штурман устроил допрос, а затем и разнос дежурному, грозил ему за недосмотр страшными карами. Скрипучий голос капитана в переговорном устройстве заставил экипаж разбежаться. Дирижабль причаливал.

В кают-компанию остались стюард и Максимилиан. Стюард суетился без толку, но босс отдал несколько скупых распоряжений, и дело пошло на лад. Принесли теплое одеяло и укутали Аннет, в руку ей сунули чашку с какао, но тут же забрали: у Аннет стучали зубы, тряслись руки, и она расплескала горячий напиток на колени. Появился молоденький доктор в кожаном пальто и круглых очках, осмотрел шею Аннет, оттянул ей веки, заглянул в глаза, пощупал руки-ноги и поразился ее везению.

– Целехонька, – успокоил он сердитого и бледного господина Молиаро. – Позвонки на месте. На шее, возможно, будет синяк, вот такой, – доктор чиркнул пальцем по своему горлу, как заядлый головорез, обещающий врагу скорую расправу. – Сильнее всего пострадали нервы. Пусть денек полежит в постели. Вы ее супруг? Обеспечьте ей полный покой.

Затем доктор строго покачал головой:

– Как же вы не уследили за ней? Женщины – существа любопытные, неосторожные. Перегнулась через борт далеко – и вот результат.

Господин Молиаро рыкнул что-то неразборчивое, и доктор осекся.

– Послушайте, меня пытались убить! – Аннет попыталась вскочить. Доктор глянул с веселым изумлением, вынул из саквояжа успокоительные пилюли, предложил потереть виски ментоловым карандашом, получил отрицательный ответ и ушел.

Максимилиан поправил плед на плечах Аннет, поднес ей к губам кружку с какао, но Аннет не смогла сделать ни глотка. Она совершенно ослабла от пережитого ужаса.

– Вы мне не верите? – горько спросила она, отпихивая кружку. – Считаете идиоткой, которая свалилась за борт, как дурная кошка с крыши?

– Я этого не говорил.

– Вы так подумали.

– Известно, что у артистических натур богатая фантазия, – обидно заметил господин Молиаро. Аннет всхлипнула.

– Кто напал на вас? – Он не мигая смотрел в глаза Аннет, его губы были сжаты в тонкую линию.

– Я не видела. Он подкрался сзади, схватил меня за лодыжки и перебросил через борт.

– Вы разглядели его?

– Нет. – Аннет поколебалась. – Кажется, это был высокий человек. С вас ростом. И здоровый, как тот грубиян из ресторана.

Господин Молинаро щелкнул языком и покачал головой как взрослый, вынужденный выслушивать фантазии ребенка.

– Я поговорю с капитаном. Пусть даст радиogramму в полицию. Нужно провести расследование. Аннет... вы уверены, что вам не показалось? Вы всего лишь приструнили этого господина. Считаете, он так рассердился, что решил покарать вас смертью? Верится с трудом.

Аннет молчала. Она уже ни в чем не была уверена. Она не разглядела напавшего. Был ли он вообще? Она слышала шаги. Или это стучали моторы? Сзади пошевелилась высокая тень. Или ветер играл занавесками? Она почувствовала прикосновение к голеням, затем был рывок, а затем...

По телу пробежала дрожь, на спине выступил липкий пот.

Максимилиан встал и протянул руку. По его лицу блуждало сочувствие, с каким обычно смотрят на лунатиков. Аннет покосилась на руку и встала сама. Ноги немедленно подогнулись, но она сумела выпрямиться, гордо сделала шаг, второй, и тут мир закружился, к горлу подкатила тошнота, Аннет нагнулась, и ее вырвало прямо под ноги боссу.

Ее тело сотрясалось в спазмах, и сквозь пелену слез Аннет увидела, как ноги в дорогих ботинках и идеально отутюженных брюках быстро отступили. Одна крепкая рука поддержала ее за плечо, а вторая подобрала волосы и удержала на затылке.

– Простите, – выдавила Аннет, выпрямляясь и сгорая от стыда.

Босс промолчал. Сунул ей в руки носовой платок, принес стакан воды и позвал стюарда убрать беспорядок.

Очень хотелось провалиться на месте или стать невидимкой. В фильмах с героинями случались многие неприятности, но такие – никогда. Как бы, интересно, поступила храбрая Лили Роуз после того, как ее вывернуло наизнанку под ноги герою? Задорно подмигнула ему как ни в чем не бывало и послала воздушный поцелуй?

Аннет по стенке поплелась в каюту, морщась от мерзкого вкуса во рту, щедро сдобренного ароматом малины с жирными сливками. Максимилиан догнал ее, поддержал под локоть и отвел до двери дамской комнаты.

Когда она привела себя в порядок, он проводил ее в каюту и велел лечь. Сам ушел и пропадал не меньше получаса. Дирижабль не двигался, он уже был пришвартован к причальной мачте, а прочие пассажиры давным-давно покинули его.

Наконец, Максимилиан вернулся в сопровождении носильщика с чемоданами. Пришло время сойти на землю.

К этому времени Аннет несколько прибодрилась и без посторонней помощи вышла на мостик, соединяющий пассажирскую гондолу с причальной мачтой.

Ярко светило солнце, воздух был так свеж и чист, что начала кружиться голова. Внизу раскинулся невысокий город, куда они спустились на допотопном винтовом лифте, работающим от паровой машины: кабина шла по огромному винту и вращалась, как гайка.

У выхода причальной мачты их ждали двое полицейских.

– Вас расспросят о том, что произошло, – коротко пояснил Максимилиан, – раз вы утверждаете, что на вас было совершено покушение. Правда, боюсь, толку от этого не будет. Члены экипажа уже дали показания, никто ничего не видел. Капитан настроен скептически и склонен считать ваши слова о нападении выдумкой. Он обещал наказать дежурного матроса, а нужные меры не принял – все пассажиры уже покинули борт. Но их имена известны. Заставим полицейских найти и допросить их.

Расположились в кабинете начальства административного здания компании воздушных перевозок. Полицейские откровенно скучали и не верили ни единому слову Аннет. Она сби-

валась и путалась от волнения, господин Молинаро мрачнел и хмурился. Представитель страховой компании и офицер службы безопасности заполнили отчет. Причиной происшествия указали неосторожность госпожи Вик и халатность капитана, который не оставил дежурного в кают-компании. Полицейские пообещали побеседовать с пассажирами, но было ясно, что делать этого они не станут.

– Найдите этого подозрительного пассажира, гельманша. Как его... господин Швиц, верно? – потребовал господин Молинаро. – Вы же понимаете, кто он на самом деле и чем занимается. И у него была стычка с госпожой Вик. Она предполагает, что нападение – его рук дело.

Полицейские сделали кислые лица, переглянулись и распрощались.

Господин Молинаро неодобрительно покачал головой и сказал:

– Придется оставить дело на самотек. Я свяжусь с начальником полиции Фрибура и потребую отчета, когда мы вернемся из Механисбурга. Идемте, Аннет. Нас ждет поездка по канатной дороге.

Город Фрибур не понравился Аннет. Впрочем, в ее нынешнем состоянии раздражало все, и больше всего – переполненные туристами улицы. Новые однотипные отели теснили столетние дома, которые как будто стыдились своего обшарпанного вида.

Господин Молинаро галантно поддерживал Аннет под руку и поминутно справлялся о ее самочувствии. Аннет отвечала коротко и мечтала лишь об одном – упасть на кровать и закрыть глаза. Заметив ее состояние, босс предложил:

– Если хотите, можем остановиться в гостинице Фрибура, чтобы за ночь вы пришли в себя.

– Не стоит, – бодро произнесла Аннет. – Я в порядке.

– Вы ужасно бледная. Краше в гроб кладут.

– Бледность нынче в моде. Иные дамы чернила пьют, чтобы кожа приобрела правильный оттенок, а мне он, считай, даром достался.

– Всего-то пришлось для этого в воздухе поболтаться на волосок от смерти, – иронично подхватил босс.

– Видите, какая я везучая.

Босс одобрительно хмыкнул.

– Вы, конечно, девушка неосторожная, но храбрая. Не кисейная барышня. Правда, я не знаю, радоваться этому или огорчаться.

От его слов Аннет сразу приободрилась. Даже головокружение прошло! И правда: она молодец. Не растерялась, удержалась, не сорвалась в бездну! Вела себя не хуже авантюристки Аманды в фильме «Сокровища фараона». И сейчас идет себе, как ни в чем не бывало. Другая на ее месте бы хныкала, скулила и цеплялась за руку своего спутника. Раз все закончилось хорошо, будем считать случившееся приключением.

– Вот и станция канатной дороги. Двадцать минут – и мы на месте.

Станция канатной дороги оказалась такой же древней и обшарпанной, как и дома Фрибура. Господин Молинаро провел Аннет в высокий, похожий на пещеру зал. Одну его часть занимали сложные механизмы, лебедки и шкивы, под потолком тянулись канаты, а дальней стены вовсе не было.

Внизу лежала долина, залитая лучами вечернего солнца.

Аннет замешкалась, когда служащий открыл дверцу кабинки, похожей на заржавленную консервную банку с узкими окнами. Господин Молинаро ухватил Аннет за локоть и настойчиво потянул внутрь. Она покорно села на узкую скамейку, босс опустился рядом.

Служащий поставил чемоданы на пол, захлопнул дверь. Утробно зарокотали шкивы, кабина дернулась и поползла.

Сквозь широкую щель в полу между плохо приваренными листами Аннет увидела вершины деревьев. Кабина проплывала над долиной, косо карабкалась в гору по ненадежному

канату, угрожающе покачивалась. И тут, откуда ни возьмись, подступил запоздалый страх. Аннет вспомнила недавний ледяной ветер, чувство пустоты и собственную беспомощность. Мышцы напряглись до боли, сердце затеяло безумную скачку.

– Госпожа Вик! – Господин Молиаро придвинулся ближе и крепко сжал ее пальцы. – Вы опять побледнели. Вам дурно?

– Мне кажется, у этой консервной банки вот-вот отвалится днище, и мы ухнем вниз на камни вместе с нашими чемоданами, – проговорила Аннет, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Она была в шаге от истерики. Куда подевалась отчаянная авантюристка! Босс нахмурился и коснулся ее запястья; не сознавая, что делает, Аннет вцепилась в его руку до боли в пальцах. Однако босс лишь глянул задумчиво, с хитринкой, и поведал:

– Не волнуйтесь, механизм старый, но надежный. Меня волнует другое...

Он легко помассировал пальцы Аннет и продолжил:

– Сейчас разгар туристического сезона, а гостиница в Механисбурге всего одна. Я забронировал место по телеграфу, но ответ получил неутешительный. Свободен лишь двухместный номер. Мы можем оказаться в неловкой ситуации... ваши передовые принципы допускают проживание в одной комнате с женщиной?

Аннет возмутилась, выдернула руку из ладони босса и мигом забыла новоприобретенный страх высоты. Вот, значит, что у него на уме!

– Я не буду жить с вами одним номере! Не пытайтесь убедить меня, что другого выхода нет. Вы можете снять комнату у кого-нибудь в городе.

– Солнце уже садится, не думаю, что отыскать жилье на ночь глядя будет простой задачей, – резонно заметил господин Молиаро, улыбаясь еще шире.

– Как-нибудь справитесь, – отрезала Аннет, все еще кипя как чайник. – Вы, говорят, мастер искать выход из сложных ситуаций. В крайнем случае, устройтесь на диванчике в холле.

– Насколько помню, в «Заводном купидоне» диванчик в холле узкий и короткий. Я на нем помещусь, если только отрублю себе ноги. Бросьте, где ваше человеколюбие? Неужели вы не сжалитесь надо мной и оставите под открытым небом? Ночи в горах студены. Обещаю, что не буду подглядывать, как вы переодеваетесь на ночь. Хотя мне весьма любопытно, что за белье вы носите под вашими яркими нарядами. Неужто панталоны с начесом, как предписывает общество поборниц за высокую нравственность?

Аннет вспыхнула как порох и разразилась горячей тирадой об отсутствии у господина Молиаро приличных манер. Босс посмеивался и задумчиво поглядывал в узкую щель окна.

– Посмотрите, госпожа Вик! – прервал он ее. – Какой великолепный вид! Не стоит менять его на нашу перепалку.

Аннет сердито глянула в окно и вскрикнула от восхищения. Картина оказалась потрясающей. Долина была залита янтарным светом, луга приобрели изумрудный оттенок, вдали синели горы, и краски эти были необычайно яркими. Аннет перевела взгляд на босса, заметила, как подрагивают уголки насмешливого рта, как залучились морщинки возле глаз, и кое-что поняла.

– Вы это специально, верно? – спросила она, успокаиваясь. – Болтали сальности, чтобы заставить меня забыть о страхе. Поздравляю, вам это удалось. Спасибо.

Господин Молиаро неопределенно пожал плечами и сказал:

– Смотрите, госпожа Вик. Воздушные ворота в Механисбург.

Аннет вновь выглянула наружу. Канат тянулся к высокой скале и уходил в черный тоннель. Над аркой тоннеля были установлены гигантские бронзовые барельефы.

Аннет прищурилась.

– Что это?

Пошарила в сумочке и выудила пенсне.

– Кукловод и его марионетки. Видите?

Наконец, удалось разглядеть потемневшие от времени фигуры. Вот арлекин в колпаке с бубенчиками. Угрюмый рыцарь. Кокетливая пастушка. К шарнирным ручкам-ножкам тянутся веревки. Сверху растопырил пальцы исполинский кукловод. Прищуренные глаза смотрят глумливо, крючковатый нос напоминает клюв.

Блики солнца играли на металле, и казалось, что фигуры вот-вот оживут и начнут двигаться.

– Это Панчинелло. Персонаж старинной комедии, хитрый горбун и задира. В детстве вас водили на этот спектакль? Барельеф работы мастера Жакемара, основателя города. Он так любил театр, что построил свой собственный в Механисбурге. Там до сих пор дают представления.

Шкивы застонали, кабина дрогнула, нырнула в черный зев тоннеля и встала.

– Добро пожаловать в Механисбург, госпожа Вик! – торжественно произнес господин Молиаро, распахнул скрипучую дверь, выбрался наружу и протянул руку Аннет. От внезапно наступившей темноты она словно ослепла, и ей волей-неволей пришлось опереться о широкую ладонь.

Глава 5. Знакомство с Механисбургом

Электрические фонари в железных клетках с трудом разгоняли сумрак внутри станции. Лавируя между ржавыми механизмами и бухтами стальных канатов, Аннет и ее спутник поспешили к выходу. У двери их поджидала фигура в длинном черном плаще. Человек поднял руку и дружелюбно позвал:

– Господин Молиаро! Госпожа Вик! Сюда!

– Добрый вечер, – приветствовал его босс. – Госпожа Вик, позвольте представить господина Ангренажа. Он – владелец автомата, которого вам предстоит осмотреть.

– Рад знакомству, – мужчина выступил из теней, вошел в круг фонарного света, учтиво пожал руку Аннет и заглянул ей в лицо смеющимися глазами. Аннет невольно улыбнулась в ответ.

– Господин Молиаро неточно выразился. Право владения автоматом, прозванным «Лазурным поэтом», принадлежит городу и всем проживающим в нем наследникам мастера Жакемара. Нас, ни много ни мало, четверо. Как понимаете, это создает кое-какие трудности при продаже.

Аннет с живым интересом рассматривала наследника легендарного мастера Жакемара. Господин Ангренаж был невысок и, кажется, строен, насколько позволял судить старомодный плащ-крылатка, скрывающий его фигуру. Плащ придавал ему вид опереточного злодея. Сходство усиливали крючковатый нос, небольшой, почти женский рот и волосы цвета воронова крыла, напояженные и уложенные на косо пробор. Судя по легкой седине у висков, господину Ангренажу перевалило за сорок, хотя на бледном лице не было ни единой морщинки. Ну и типаж! Добавить грима – и хоть сейчас на сцену в роли короля вампиров.

И все же Аннет новый знакомец понравился. В его черных глазах плясали веселые искорки, на губах гуляла добродушная улыбка, а приятный тенор больше подошел бы герою-любовнику.

– Я провожу вас в гостиницу. Уже темнеет, стоит поспешить: освещение в Механисбурге дрянное.

Господин Ангренаж шагнул к двери и поманил за собой. Аннет заметила, что он сильно прихрамывает, а спину держит неестественно прямо.

Когда вышли наружу, выяснилось, что солнце приоткрылось нырнуть за гребень горы. В долину опускалась ночь.

Перед Аннет и ее спутниками открылся потрясающий вид.

Они стояли на холме, а внизу, как картинка на развороте детской книжки, лежал пестрый городок.

Аккуратные домики купались в вечерних лучах. Флюгеры над черепичными скатами – драконы, кораблики и двуглавые петушки – отбрасывали длинные тени. Улицы спускались к озеру. Там, над темно-синей гладью, поднималась в небо Часовая башня, нарядная, как сказочный дворец. Золотой циферблат под ее крышей поймал отблеск луча и на миг ярко вспыхнул. Затем солнце ушло, сумрак затопил долину. Начали зажигаться фонари.

Не спеша двинулись вниз по узкой мощеной улице. Было тихо, лишь в питейном заведении играл патефон, да припозднившиеся туристы вполголоса переговаривались, торопясь к станции канатной дороги. Но кроме этих обыденных звуков до Аннет доносились и другие, непривычные: шелчки, тиканье, стрекотание пружин.

Раздалось жужжание, которое сменилось переливчатым звоном. За ним эхом последовал второй, третий, и вскоре город заполонила мелодия. Она становилась все громче, складывалась из тысячи трелей, что звучали со всех сторон, из каждого дома на узкой улице.

– Что это? – воскликнула удивленная Аннет.

– Часы бьют девять, – виновато улыбаясь, пояснил господин Ангренаж.

– Что это за часы такие? Как будто целый оркестр вооружился колокольчиками и молотками.

– В Механисбурге много уличных и башенных часов. Очень много. Столько, что хватит на все королевство. Куранты на Часовой башне, часы на кукольном театре «Мимезис». В каждом магазинчике и питейном заведении есть свои уличные часы с боем. Большинство из них сделал сам мастер Жакемар двести лет назад.

– Как жители спят среди этой какофонии? Если часы бьют каждый час...

– В городе есть правило: после девяти громкий бой уличных часов отключают до утра. Не беспокойтесь, ваш сон ничто не потревожит.

Наконец, молоточки ударили в последний раз с долгим тягучим отзвуком. В наступившей тишине зашелестел горный бриз. Он принес аромат фиалки, корицы и свежееобжаренного кофе. Аннет глубоко вздохнула и почувствовала себя уютно.

Растворившийся в ночи город с голосом музыкальной шкатулки заинтриговал ее. Он казался декорациями к сказочному спектаклю, которые до поры до времени скрывались в полутьме сцены.

Спуск закончился, улица привела к ратушной площади, откуда свернули в переулок. Здесь господин Ангренаж распроцался.

– Автоматон будет ждать вас в музее после обеда, – сообщил он. – Вы проведете исследование и заполните бумаги. Госпожа Вик, – добавил робко после секундной заминки, – не хотите с утра совершить небольшую экскурсию по городу? Предлагаю свои услуги в качестве гида. Соглашайтесь, не пожалеете. Города, подобного Механисбургу, нет ни в одной стране. Вы уже бывали здесь, господин Молинаро, но буду рад, если и вы пожелаете присоединиться к нам.

– Нет, благодарю. У меня есть кое-какие дела, я бы хотел ими заняться.

– Но вы позволите вашей ассистентке отлучиться на пару часов?

Босс нахмурился. Аннет ждала ответа с замиранием сердца: ей очень хотелось прогуляться по городу при свете дня.

Господин Молинаро глянул на Аннет и пожал плечами.

– Не возражаю.

Аннет расцвела и радостно закивала.

– Прекрасно! Госпожа Вик, буду ждать вас в ресторане гостиницы после завтрака.

Господин Ангренаж взял Аннет за руку, легко пожал, затем раскланялся, повернулся – плащ прошелестел, как крылья летучей мыши – и растаял во мраке.

Гостиница «Заводной купидон» располагалась в двухэтажном здании с остроконечной черепичной крышей. Вход ярко освещали шестигранные фонари, в щели ставен лился желтый свет.

Вестибюль гостиницы казался низким из-за массивных потолочных балок. На стенах, покрытых дубовыми панелями, висели олени рога и гравюры со сценами охоты, на деревянной стойке портье красовалась начищенная медная шишка звонка.

Господин Молинаро не соврал: в вестибюле имелся один-единственный диванчик, узкий и жесткий. Такой крупный мужчина, как он, и сидеть на нем нормально не смог бы, не то, что лежать. И все же Аннет приготовилась настойчиво предложить ему этот вариант ночлега, если он не соврал и в остальном, а именно, если им двоим отвели один-единственный номер.

Босс завязал беседу с портье, а Аннет уселась на диванчик, с облегчением вытянула ноги и принялась глазеть по сторонам. Любопытное местечко, ничего не скажешь.

В углу напротив стояла высокая, в человеческий рост, бронзовая статуя крылатого мальчика с луком. Традиционного бога любви она напоминала с трудом. Пухлые руки и ноги статуи крепились на шарнирах. В животе купидона скульптор прорезал окошко. Внутри вращались шестеренки. На крыльях топорщились острые как бритва перья. В массивном основании за

выпуклым стеклом тикали часы. Вероятно, когда они били время, статуя приходила в движение. Может, качала головой или шевелила крыльями, как курица, собирающаяся взлететь.

Лук в бронзовых руках выглядел необычно: сплошные острые углы, на концах плеч шкивы, и тетива на них натянута самая настоящая. Наконечник стрелы хищно нацелился чуть влево от диванчика, на котором разместились Аннет. Она поспешила вскочить и подойти к господину Молинару, которому в этот момент низенький портье выдавал ключи.

К ее облегчению выяснилось, что насчет номера господин Молинару все же пошутил. Им отвели два отдельных номера на втором этаже. Юнец в красной форме и смешной круглой шапочке занес чемоданы и получил от господина Молинару на чай. Аннет поспешила в свою комнату, но босс остановил ее:

– Госпожа Вик, с вашим лицом беда.

– Что такое? – перепугалась девушка, встревоженно касаясь щеки. Повод беспокоиться был: последний час кожа на лице пылала как от жара невидимого огня.

– От вашей модной бледности не осталось ни следа. Как я предсказывал, вы умудрились не только вывалиться в окно, но и обгореть.

А затем подытожил с покровительственной ноткой:

– Женщины редко умеют позаботиться о себе в дороге. Советую вам впредь слушать опытных людей.

Ну разумеется, она знала, что рано или поздно он это скажет! Снисходительно заметит, какая она бестолковая неумеха. Без мужской опеки ни на что не годится. И Аннет, измученная напряжением тяжелого дня, взорвалась.

– Ну а я советую вам впредь оставлять мрачные прорицания при себе. Подозреваю, вы накаркали все неприятности, что обрушились на меня сегодня.

Высказалась и тут же узнала, как быстро может лопнуть терпение ее босса.

– Вы никогда не признаете свою неправоту, верно? – рассердился господин Молинару, – Ведете себя как капризная примадонна. Чем лучше вас узнаю, тем меньше вы мне нравитесь.

Аннет захлопнула дверь. Вот и славно, что она ему меньше нравится. Какое ей вообще дело до его симпатий?!

Номер оказался роскошным. Низкая кровать под старомодным балдахином, широкое плюшевое кресло, массивный шкаф из темного дуба и похожий на надгробие письменный стол с лампой под оранжевым абажуром.

Даже небольшой камин имелся. Сверху на мраморной доске стояли часы с бронзовой фигурой – точной копией мальчишки с луком, что красовался в вестибюле. Стрела размером с дротик нацелилась на жирного лебедя на картине рядом с кроватью. Аннет подошла к камину и из любопытства сунула палец в окошко на животе, в механические внутренности купидона, но быстро отдернула руку – рядом лежала деревянная табличка с надписью: «Просим уважаемых постояльцев не трогать часы! В противном случае пеняйте на себя».

Подивившись странному объявлению, Аннет вернулась к кровати, откинула полог и рухнула на мягкий матрас. Бил озноб, разболелась голова, а к глазам внезапно подступили слезы.

Впервые Аннет путешествовала без друзей и семьи, уехала за тысячу миль от дома и зависела от мужчины, которому не доверяла. И которому она в минуту позорной слабости испортила ботинки. И которому она нравилась все меньше. Да, еще на нее было совершено покушение! Она чуть не погибла. И ей очень хотелось чая и сладкой булки.

Нужно разобрать вещи. Аннет открыла саквояж и тут же расстроилась еще больше. Вот ее платья. Вот старательно упакованная шляпка. Вот дурацкая книжка, подарок Ванессы. Но где же ее замечательный фотографический аппарат «Фронтир»? Выпал в окно дирижабль...

Раздался стук. Аннет наскоро вытерла слезы, открыла в дверь и горько вздохнула, не испытывая ни малейшей радости при виде босса. Смотреть в его разноцветные глаза после ее недавней вспышки было стыдно. И чего, спрашивается, вернулся?

– Возьмите, – господин Молинаро сунул ей в руки кувшинчик, в котором плескалась белая густая жидкость.

Аннет машинально понюхала ее и скривилась:

– Что за гадость?

– Прокисшие сливки. Специально спустился на кухню и выпросил их для вас. Смажьте лицо, не то утром будете выглядеть как вареный окорок. Можете не благодарить – вижу, у вас язык отнялся от восхищения моей заботливостью.

Господин Молинаро шагнул в сторону и впустил в номер горничную с невинным лицом деревенской простушки и бесстыдно глубоким декольте. Горничная несла поднос.

– Попрошу сделать вам ромашковый чай. Он поможет успокоиться и снять лихорадку. Вы нужны мне завтра свежей и готовой работать. За чай тоже не благодарите. Спокойной ночи.

Чай Аннет выпила, а прокисшей вязкой субстанцией воспользоваться так и не решилась. Ее запах вызвал воспоминания о съеденной на завтрак малине с взбитыми сливками и последующих неприятных событий на дирижабле. К горлу подкатил горький комок. В конце концов Аннет выплеснула сливки в умывальник – и пожалела об этом утром. Предсказание босса опять сбылось. Когда Аннет подошла к зеркалу, чуть не вскрикнула от ужаса. Цветом лицо напоминало спелую клубнику.

Умывание холодной водой не помогло, не помог и кольдкрем. Пришлось прицепить к шляпке вуалетку. С легким весенним костюмом головной убор сочетался плохо, но лучше выглядеть лишенной вкуса дамочкой, чем напугать своим видом постояльцев и учтивого господина Ангренажа, который должен скоро зайти за ней. На шею Аннет повязала платок, чтобы скрыть синяки. Чучело, да и только.

Когда Аннет спустилась в ресторан, босс уже завтракал за столиком в углу. Ресторан был просторным. Окна украшали клетчатые занавески, стены оклеены голубыми с позолотой обоями. Бронзовые купидончики на столах держали в пухлых ручках меню.

«Миленько», – отметила Аннет.

Максимилиан учтиво встал и отодвинул стул, взгляделся сквозь вуалетку и не сказал ни слова, но взгляд его был весьма красноречив. Аннет сняла шляпку и внезапно пришла в хорошее расположение духа.

– Утолите мое любопытство, господин Молинаро, – лукаво произнесла она, принимаясь за горячие бриоши с маслом и апельсиновым вареньем. – Каким чувствительным даром вы обладаете? В конторе ходят всякие слухи...

Господин Молинаро поднял бровь, усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

– А как вы считаете? Знаю, болтают, что я странгулятор или пиромансер. Вы этому верите?

– Нет-нет! Я считаю, что вы провидец и умеете точно предсказывать грядущие несчастья. Мои вы угадали безошибочно.

– Стоило воспользоваться кислыми сливками, и последнего несчастья удалось бы избежать. Вы их выбросили, так? Выходит, вчера я унижался перед поваром почем зря. – Максимилиан посмотрел на Аннет с упреком, она виновато отвела глаза. Он продолжил: – Нет, я не провидец. У меня три чувствительных дара. Они скучные, но для бизнеса полезные.

Она ждала, когда он назовет свои таланты, однако босс замолчал и принялся неторопливо помешивать чай.

«Напускает туману, интересничает», – решила Аннет. Больше ничего разузнать не удалось, потому что в ресторане появился господин Ангренаж.

Он опять укутался в черный плащ и для долгой прогулки захватил тяжелую палку с лакированным набалдашником. Приглядевшись, девушка поняла причину его хромоты: каблук остроноса ботинка на левой ноге был выше, чем на правой – одна нога у бедняжки ока-

залась короче. Вероятно, плащ скрывал и другие физические недостатки. Он облегал худощавую фигуру господина Ангренажа не очень ладно и некрасиво топорщился у лодыжек.

– Готовы отправиться в путь, госпожа Вик? – поинтересовался увечный потомок мастера Жакемара после обмена приветствиями. – Тогда вперед! Вас ждет удивительное зрелище.

Аннет поднялась и успела отойти от столика на пару шагов, когда ее остановил голос босса:

– Господин Ангренаж, если вы не против, я приму ваше приглашение и присоединюсь к прогулке. Дела подождут. Давненько я не был в Механисбурге.

– Буду рад! – с фальшивым энтузиазмом воскликнул Ангренаж.

Аннет продела руку под учтиво подставленный локоть господина Ангренажа, и троица поспешила наружу.

– На ратушную площадь не пойдем, – предложил новоиспеченный гид. – Сердце города – самая скучная его часть. Площадь недавно перестроили по распоряжению бургомистра Гильоше, и уж он постарался, чтобы она вышла в его любимом казарменном стиле. Право слово, там не на что смотреть. Другое дело – площадь Роз.

– Как скажете, господин Ангренаж, – согласилась Аннет.

Мужчина лукаво прищурился. Его горбоносое лицо на миг стало похоже на физиономию хитреца Панчинелло, чей барельеф украшал воздушные ворота в город.

– Прошу, зовите меня по имени – Карл.

– Тогда и вы зовите меня по имени.

– С удовольствием, Аннет, – обрадовался Ангренаж. – Не считите за навязчивость, но я вами очарован. Всегда представлял себе хронологов пожилыми, скучными малыми, наподобие вашего несчастного коллеги, доктора Вальвазора.

– Вы знали его? – заинтересовалась Аннет.

– Более того, я косвенно виновен в его гибели. Рассказал ему о наскальных рисунках, которые оставили древние племена в долине за озером. Господин Вальвазор загорелся исследовать их своим сенситивным талантом. Ушел и не вернулся. Предположительно, погиб во время обвала. Весной такое случается часто. Не перестаю себя корить, что не отговорил его. Экспертиза автоматона так и не была проведена. Надеюсь, с вашим приездом дело будет закончено.

– Поиски тела все еще ведутся, – коротко заметил господин Молинарo. Он держался позади, и Аннет спиной чувствовала его взгляд. – Гибель опытного хронолога и знающего антиквара стала тяжелым ударом для фирмы. Я собираюсь побеседовать с полицейским и наведаться туда, где пропал Вальвазор.

Ангренаж вздохнул, ненадолго опечалился, но тут же озорно улыбнулся, легко подтолкнул спутницу локтем и очертил палкой полукруг в воздухе:

– Смотрите же, Аннет! Торговый квартал. Здесь начинаются чудеса Механисбурга. Что скажете?

Вышли на улицу. Солнце заливало мостовую, выложенную мозаичной плиткой. Пахло свежей выпечкой и горячим шоколадом. Громко переговаривались торговцы, отпирая двери магазинов.

Дома удивительных форм и расцветок стояли, сомкнувшись боками. Дома со ступенчатыми фасадами, дома с двускатными красными крышами, окнами круглыми и окнами стрельчатыми. Улица была яркой, как в кукольном городе. Впрочем, время неплохо потрепало свою игрушку: краска на домах была кое-где ободрана, черепица местами отвалилась, на тротуаре полно выбоин. Хозяева города либо не желали, либо не могли поддерживать порядок.

И все же Аннет была удивлена как никогда в жизни. Она крутила головой и прислушивалась. На каждом доме, у входа в каждое заведение красовались часы, движущиеся куклы или хитроумные приспособления.

Тиканье механизмов задавало ритм городской жизни.

В витрине пекарни щелкало и вращалось колесо с установленными ажурными полочками. Перед туристами проплывали корзиночки с кремом, лимонные меренги и ореховые тортики, украшенные шоколадными шестеренками. Туристы восторженно причмокивали, доставали кошельки и спешили войти.

Миновали лавку портного. Аннет подошла к открытой витрине, но тут же вскрикнула и отскочила. Зажужжали шкивы, из глубины лавки вылетели готовые платья и костюмы на специальных распорках и принялись весело болтать рукавами, как разнuzданные привидения. Ангренаж рассмеялся, рассмеялась и Аннет. Господин Молинаро держался в стороне и снисходительно наблюдал.

Перешли к чайной лавке. В витрине семейство кукол чинно сидело за столом. Крошечные ручки на шарнирах дерганым движением подносили к фарфоровым губкам ярко расписанные чашечки. Куклы разевали роты и вращали стеклянными глазами. Все это действие сопровождала веселая, несколько однообразная мелодия автоматической шарманки.

И часы – часы были повсюду. Круглые, шестиугольные, размером с колесо детского велосипеда или колесо речного парохода, часы со стрелками в виде листьев, перьев или алебард. Часы висели на железных цепях, венчали ажурные столбы, красовались на каменных башенках и над высокими резными дверями.

– Вижу, Механисбург не зря получил свое имя, – отметила Аннет. Ей было так любопытно, что она, немного стесняясь, откинула вуалетку и нацепила ненавистное пенсне. Она гордилась своими зелеными глазами, а под стеклами очков они казались круглыми и слепыми как у кролика. Впрочем, господина Ангренажа перемены в ее внешности не отпугнули. Он по-прежнему смотрел на нее с вежливым восхищением.

Аннет нравилась его компания. Несмотря на зловещий вид, он оказался безобидным как муха. В беседе между делом признался, что любит поэзию, немного рисует и на досуге изучает ботанику. При этом улыбался чуть виновато, как будто стеснялся своих увлечений, хотя в глазах вспыхивало озорство. До чего милый мужчина! Не чета господину Молинаро. У того в уголках губ постоянно пряталась насмешка, будто он потешался над каждым словом и жестом Аннет.

– Вы еще не видели главные диковины Механисбурга. Они вам понравятся, – пообещал господин Ангренаж. – Это город для людей с фантазией. Увы, сейчас для него настали не лучшие времена.

При этих словах лицо Ангренажа омрачилось, губы сжались, палка сердито стукнула о выбоину на мостовой. Он переживал всерьез.

Аннет спросила с сочувствием:

– У города трудности?

– Верно. Источники, что многие годы питали водную лечебницу, иссякли лет пятьдесят назад. Богатеи больше не приезжают к нам лечить подагру. Туристы – наш единственный источник дохода, а он скудеет с каждым годом. Молодежь предпочитает соседний Фрибур. Жизнь там кипит ключом. – Ангренаж пошевелил в воздухе пальцами, что должно было изобразить бурное туристическое веселье. В его голосе слышалась досада. – Синематографы, казино, ипподром... Механисбург интересен лишь историкам. Кроме того, до нас нелегко добраться. Дорога в горах неудобная и часто страдает от обвалов и разливов озера. Канатная дорога пока еще работает, но ее нужно обновить, а для этого тоже требуются деньги. Время от времени городу приходится продавать коллекционерам кое-что из наследия Жакемара. Бургомистр нашел еще один способ пополнить муниципальную казну, но он не по душе многим горожанам. Впрочем, не будем рассуждать о печальном будущем города. Поговорим о его славном прошлом. Что вам известно о Механисбурге, Аннет?

– Ровным счетом ничего, – призналась Аннет, рассматривая рекламную вывеску, на которой жестяной человек медленно двигал рукой, сжимающей плоскую пивную кружку.

– Двести лет назад город основал мастер Жакемар, бывший придворный часовщик короля Хильдебранда и мой предок, – принялся рассказывать господин Ангренаж, постукивая палкой по мостовой и рассеянно кивая в ответ на приветствия спешащих по своим делам горожан. – В то время в моду вошли автоматоны – куклы с часовым механизмом. Их заводили ключом, и они делали разные удивительные вещи. Жакемар превзошел всех мастеров. Он был сильным репликатором, тонко чувствовал природу материала и силой своего дара создавал призрачную схему будущего механизма, а затем воплощал ее в металле. Правда, тогда сенситивов считали колдунами, и свой дар он держал в тайне, чтобы не отправиться на плаху. Мой предок и так имел немало странностей, из-за которых на него поглядывали косо. Он был полиматом, амбидекстром и сомнамбулой.

– Кем-кем он был? – поразилась Аннет. – Это какие-то породы ящериц?

Господин Молиаро кашлянул, пытаясь скрыть смех. Ангренаж мягко пояснил:

– Он был разносторонним ученым, одинаково хорошо владел обеими руками и при этом страдал от лунатизма. Некоторые считали, что он заключил договор с дьяволом. Жакемар делал удивительных кукол. Заводных скрипачей и арфистов, ангелов и демонов, шкатулки с секретом и говорящие зеркала... знаменитого механического дракона. Дракону скармливали живых поросят. Алхимический состав в его внутренностях преобразовывал мясо в огненную субстанцию и... обычную физиологическую субстанцию. Короче говоря, дракон умел испражняться и дышать пламенем.

Ангренаж неловко усмехнулся и продолжил:

– Но самым удивительным творением Жакемара стала старуха-оракул. Она умела предсказывать будущее точнее, чем любой нынешний сенситив-провидец. Однажды кукольная карга нашептала королю Хильдебранду, что тот умрет от яда. Вскоре короля отравили недруги. Король выжил и, как настоящий деспот и сумасброд, обвинил в своем несчастье Жакемара. Отравителя так и не нашли, вот и повесили на моего предка всех собак... Пришлось мастеру спешно бежать из столицы. Он укрылся в скромном поселении в независимом горном кантоне. Но Жакемар был не только репликатором. У него был и второй дар – лозоходство. Он видел скрытые под землей богатства. Жакемару удалось обнаружить залежи золота и драгоценных камней. Он стал чертовски богат и основал этот город, где жил в свое удовольствие.

Аннет заворуженно слушала. Господин Молиаро заскучал: видимо, история была ему знакома.

Ангренаж остановился у фонтана в виде трех жаб и перевел дух. Босс отошел к рядам лавок и принялся о чем-то расспрашивать торговков. С видом знатока нюхал пряности, рассматривал на свет баночки с медом, продегустировал кусок сыра и одобрительно покивал. Аннет, недоумевающая, вполглаза наблюдала за его манипуляциями. Как придиричивый шеф-повар во время закупки продуктов, честное слово! В конце концов он протянул деньги, получил от торговки три груши и какой-то сверток и вернулся к фонтану.

Сверток спрятал в карман, груши ополоснул в фонтане, достал белоснежный платок, вытер и предложил спутникам. Господин Ангренаж поблагодарил кивком и рассеянно сунул грушу в карман плаща. Аннет впиалась в розовый бок зубами, изгвадалась соком и завистливо посмотрела на босса, который кушал не спеша и очень аккуратно. Не глядя на Аннет, он достал из кармана второй белоснежный платок и сунул ей в руки.

– Расскажите ей про сокровища и мастерскую Жакемара, – предложил он. – Госпожа Вик обожает приключенческие синемаграфические романы, а эта история даст фору любому из них.

Ангренаж охотно продолжил рассказ.

– Жакемар построил много необычных достопримечательностей. Они до сих пор украшают наш город и приманивают туристов. Я покажу вам кукольный театр «Мимезис», аттрак-

цион «Корабль-в-бутылке» в старом Луна-парке, Живой лабиринт и водную лечебницу. Но вернемся к истории сокровищ мастера.

Жакемар работал в мастерской, которую устроил в пещерах под городом. Никто не знает, где она находится. Многие пытались разыскать мастерскую по важной причине. Рудники Жакемара давно истощились, но в мастерской он спрятал свое последнее детище: еще одну куклу-оракула, сделанную из чистого золота и рубинов. Если бы удалось найти ее, все проблемы города были бы решены. После смерти Жакемара его наследники переругались. У мастера было трое детей. Одним из них был мой прапра... семь раз прадед. Другие потомки мастера тоже живут в городе, вы с ними познакомитесь сегодня. Так вот, перед смертью Жакемар вручил наследникам небольшие безделушки... золотые брелоки. Пошел слух, что именно они являются ключом в тайную мастерскую, но где находится вход – по-прежнему неизвестно.

– А где эти брелоки сейчас? – поинтересовалась Аннет.

– Всего было три брелока, – пояснил Ангренаж. – Два были утеряны, когда дочь и сын Жакемара покинули город.

– А третий?

– У меня, – улыбнулся Ангренаж. – Хотите, покажу?

Он распахнул плащ, запустил руку в жилетный карман и извлек кругляшок желтого металла на тонкой цепочке. Аннет с любопытством взяла его в руки. На брелоке красовалось изображение часов. Ажурные стрелки показывали пять с четвертью.

– Как интересно! – воскликнула Аннет, вздыхая от удовольствия.

– Позвольте, я удивлю вас еще больше, – заметил господин Молиаро. Он порылся в часовом кармане и вложил Аннет в руку небольшой предмет. Не успела она поднести ладонь к лицу и рассмотреть, что же такое дал ей босс, как Ангренаж пришел в сильное волнение и перехватил ее запястье:

– Позвольте! – вскричал он. – Но ведь это... не может быть! Это утраченный брелок Жакемара... тот, что он вручил дочери... вот изображение пчелы... все верно! Откуда он у вас?!

– Фирма Молиаро приобрела его у одного коллекционера за бесценок.

– Я готов выкупить его у вас за любые деньги.

– Посмотрим, – спокойно ответил господин Молиаро и забрал брелок у Ангренажа. Так Аннет и не удалось рассмотреть его.

Ангренаж рассмеялся.

– Впрочем, пусть остается у вас. Вероятно, история с мастерской и золотым оракулом не более чем легенда. К тому же третий брелок был потерян навсегда, когда второй сын Жакемара утонул во время морского путешествия. Идем дальше?

Экскурсия продолжилась. Торговые ряды постепенно сменялись жилыми домами, возле которых хозяйки прямо на тротуар выставили горшки с цветами. Когда городские часы хором принялись отбивать одиннадцать, по улице разлетелось звенящее эхо. Горожане побросали свои дела и прислушивались к музыке часов с видимым удовольствием. Некоторые даже прихлопывали в такт, а владелец овощной лавки самозабвенно дирижировал морковкой. «Это ж надо так любить свой город!» – удивилась Аннет.

Часы замолчали, с озера налетел ветерок и принялся полоскать юбку. Прохлада оказалась кстати, потому что солнце жарило все сильнее. Босс достал портсигар, щелкнул крышкой, покосился на Аннет и убрал папиросы обратно. Его лицо приняло страдальческое выражение.

– Что вы купили у торговки? – поинтересовалась Аннет у Максимилиана, чтобы отвлечь от пагубной тяги.

Тот усмехнулся.

– Дядя попросил привезти ему гостинец. Баночку особого меда, который можно достать только в Механисбурге.

– Ваш дядя сладкоежка?

– Мой дядя, глава династии Молиаро, – старый пройдоха и любитель острых ощущений. Знаете, чем славится этот мед? Его собирают пчелы в горах, где растут заросли олеандра, дурмана, мака и горного лавра. У этих растений есть особые свойства. Короче говоря, горный мед, который собирают жители окрестных деревень, вызывает галлюцинации. Его запрещено вывозить и продавать в других кантонах. Чем и пользуются контрабандисты.

– Никогда не пробуйте этот мед неразведенным, Аннет, – поморщился Ангренаж. – Такое привидится ... я сам развожу пчел, но свой мед продаю только аптекарям. В лечебных целях. Кстати, первым свойства меда исследовал тоже мой предок. Крайне разносторонний был человек, и, надо признать, некоторые его увлечения носили далеко не безобидный характер.

Глава 6. Живой лабиринт

Свернули на улицу победнее. Трехэтажные дома стояли тесно, над головами полоскалось белье на веревках, протянутых от балкона к балкону. Пахло сыростью. Солнце сюда почти не проникало, и когда улица закончилась, Аннет зажмурилась от ослепительного блеска.

– Площадь Роз! – сообщил Ангренаж тоном трамвайного кондуктора, объявляющего остановку. – Прекрасней ее нет на свете!

Когда глаза Аннет обрели способность видеть, она согласилась с добровольным гидом.

Во-первых, площадь Роз поражала идеальными пропорциями. Она была небольшой и круглой. По периметру стояли хорошенькие домики, выкрашенные в розовый цвет.

Во-вторых, черную гладкую плитку площади расчерчивал золотой узор.

– Он выполнен в виде розы, – пояснил Ангренаж. – Нет, это не настоящее золото, всего лишь бронзовые прутья. Они покрыты специальным составом, который не дает металлу потускнеть.

В-третьих, посреди площади возвышалась игла солнечных часов – высокая, как двухэтажный дом. А у основания иглы росли удивительные цветы. Когда подошли ближе, Аннет опознала в них розы. Эти розы не издавали пьянящий аромат и не радовали сочными красками.

Розы тикали и стрекотали. Каждый бутон на бронзовом пруте был размером со средний кочан капусты и крепился на перфорированных распорках. Бронзовые стебли ошетинились колючими шипами. Соцветия напоминали внутренности часов: среди лепестков медленно вращались шестеренки.

– Головки цветов следуют движению солнца, а когда наступает ночь, лепестки закрываются в бутоны, – объяснил Ангренаж.

– Восхитительно! – заметила Аннет. – Обожаю розы. Но выращивать их – головная боль. Капризные цветы. Наверное, с металлическими розами проще.

– Увы, нет. Ухода они требуют немало. Смазка, чистка... кому как не мне это знать. Я главный механик города. Моя обязанность – поддерживать жизнь во всех изделиях Жакемара. Жаль, природа не наделила меня даром репликатора. Да и вообще никаким сенситивным даром... жестоко она со мной обошлась. Как видите, я рожден калекой. Короткая левая нога и одно плечо выше другого. Хорошо хоть руки в порядке.

Ангренаж нагнулся, запустил руку в карман, вытащил раздавленную грушу, вполголоса чертыхнулся и отбросил ее в сторону, спугнув стаю голубей. Затем опять пошарил в кармане, выудил круглую масленку и пролил несколько капель на полураскрывшийся бутон. Лепестки щелкнули и распахнулись.

– Вы очень умелый механик, – безыскусно похвалила его Аннет. Ангренаж выпрямился и слегка порозовел от удовольствия.

Над площадью разлились скрипучие звуки шарманки.

– Здравствуй, хромой родственник, – окликнул Ангренажа долговязый старик живописной наружности – потрепанный рабочий комбинезон и куртка, на шее клетчатый шарф с перекинутыми на спину концами, из-под полей широкополой шляпы торчат сальные седые космы.

Старик с остервенением крутил ручку ящика из красного дерева. Ангренаж сморщился, словно хлебнул уксуса.

– Старик Петр уже на посту, – вздохнул он. – Сейчас я познакомлю вас с еще одним наследником старого мастера. Прошу, не обращайтесь внимания на его болтовню. Петр выжил из ума лет десять назад.

– Аннет, господин Молиаро, – позвольте представить Петра Колезвара, прапрапра- ну и так далее... внука мастера Жакемара, – сухо произнес Ангренаж, когда компания приблизилась к шарманщику. Аннет вежливо поздоровалась. У шарманщика было темное морщинистое

лицо, пустые голубые глаза и слюнявый рот. На плече у него сидела мохнатая рыжая кошка, вторая, черная, развалилась у ног. От шарманщика несло кошачьей мочой и пивом. Рядом, прислоненный к фонарю, стоял велосипед. Неуклюжая старинная модель, на которой двести лет назад мог развезжать сам мастер Жакемар.

– Солнце пойдет сегодня, – поведаль старик дребезжащим голосом, – и ты узнаешь что-то новое, прекрасная краснощекая дама. Восторг, волнение! А ты, – Петр на секунду бросил ручку шарманки и ткнул пальцем с черным ногтем в сторону господина Молиаро, – смотри за ней в оба. Свист, стук – опасность близко! Машет крыльями!

Шарманка крякнула и возобновила тягучую мелодию. Озадаченная Аннет широко раскрыла глаза. Механическая обезьяна на крышке шарманки скорчила ей насмешливую рожу. Господин Молиаро важно кивнул. Казалось, он отнесся к странным словам вполне серьезно. Ангренаж потянул Аннет прочь.

– У Петра есть сенситивный дар. Он провидец. Правда, частенько ошибается, а когда впал в маразм, стал предсказывать то, что и так всем известно: солнце сядет, солнце взойдет, ужин через час, а завтра срок платить налоги. Иногда несет чушь. Вот, например, что такое он вам предсказал? Крылатую опасность? Советую не кормить голубей на площади, а то они вам испортят костюм.

Аннет улыбнулась.

– Слушай, слушай меня, прекрасная дама! – крикнул чокнутый шарманщик ей вслед. – Этот с разноцветными глазами захочет тебя съесть!

Аннет обернулась. На миг ей показалась, что на лице шарманщика мелькнуло лукавство, но взгляд его тут же стал пустым.

Господин Молиаро злодейски хохотнул.

– Неужели он говорит правду? – иронично заметила Аннет.

– Все может быть. Думаете, я не знаю, что меня в конторе прозвали Людоедом? Я даже польщен. А вы лакомый кусочек, госпожа Вик. Здорово разжигаете аппетит.

Аннет покраснела, но тут же забыла о фривольном замечании. Ее внимание привлекла группа мужчин, которые сидели за деревянными столами перед пивной. Мужчины были все сплошь грузные, краснолицые, одетые в короткие брюки, клетчатые пиджаки, гетры и картузы. Мужчины громко разговаривали, хлопали огромными ручищами по толстым ляжкам и задирали туристов. Туристы пугались, втягивали головы в плечи и спешили прочь. Вслед им неслись раскаты хохота. Солнце ослепительно играло в бокалах с янтарным пивом.

– Господин Молиаро! – яростно прошипела она. – Смотрите! Вон тот грубиян с дирижабля... с которым я повздорила – Швиц, как его там!

– Наденьте пенсне, Аннет, – холодно посоветовал босс. – Похож, но не он. Это богатые жители окрестных деревень – гельманши. Вполне вероятно, что все они контрабандисты, как и ваш невоспитанный приятель, но того самого среди них нет.

– Эти господа – наша беда, – горько вздохнул Ангренаж. – Хамы и наглецы. Напиваются и буянят. Старина Пендельфедер – единственный полицейский Механисбурга – ничего не может с ними поделать. Да и не хочет – ему милей всего его рассада. Он страстный огородник. Каждый год берет первый приз на сельскохозяйственной выставке за самый крупный редис. Куда ему преступников ловить! Держитесь от этих господ подальше, Аннет.

– Это я уже поняла, – ответила Аннет, прячась за спину босса. Его широкие плечи и сломанный нос гарантировали, что буяны подумают дважды, прежде чем завязать ссору.

Ангренаж повел спутников прочь от площади Роз, ниже к озеру. Улица уперлась в сочно-зеленую стену из переплетенных веток.

– Живой лабиринт! Еще одна удивительная достопримечательность Механисбурга, – объявил Ангренаж. – Его высадил Жакемар и его помощники. Несколько тысяч саженцев привезли со всех краев света. В основном это тис, есть и гигантские розовые кусты. Тех, кто дой-

дет до центра, ждет статуя Органиста. Еще одна механическая кукла Жакемара, которой он придал собственные черты.

– Войдем, – предложил господин Молиаро и уверенно двинулся вперед.

Стоило попасть в зеленый коридор, как шум города отступил и сменился звуками, которые можно услышать лишь в лесу. Невидимые птицы заходились в трелях, деликатно шелестели листья. Воздух был насыщен ароматом весенней травы и примулы.

Аннет стало хорошо и спокойно. Она брела не спеша, мужчины подстроились под ее шаг. Ангренаж рассеянно поворошил палкой в сплетениях ветвей. Прыснула стая пичуг. Господин Молиаро сорвал бутон розы и невозмутимо вручил Аннет. Она неловко поблагодарила, покрутила бутон в руках и вставила в петлицу на лацкане.

В лабиринте были не только зеленые стены. Иногда они сменялись полянами, где стояли затейливо подстриженные кусты. Выглядели они причудливо: гигантские пирамиды, сферы, шахматные фигуры и мифические животные казались сделанными из зеленого бархата. Аннет словно попала в картину новомодного художника, чьи полотна напоминали иллюстрацию к учебнику геометрии.

Узкие зеленые коридоры петляли, раздваивались, водили по кругу, но господин Ангренаж подсказывал правильное направление.

– Идти далеко, – извинился он. – Общая длина дорожек около пяти километров. Вы не устали, Аннет?

– Ни капли, – ответила она и, поколебавшись, спросила: – А вы? Вам, должно быть, тяжело совершать долгие прогулки...

Аннет засмушалась и замолчала. «Наверное, не стоило напоминать ему о его увечье. Какая бестактность с моей стороны!»

– О, за меня не переживайте! Я хороший ходок, хоть и хромым.

В молчании шли еще десять минут, а затем Аннет умудрилась потерять спутников и заблудиться.

Произошло это так. Господин Молиаро заинтересовался системой труб, полускрытых густыми зарослями. Ангренаж взялся объяснить их назначение. Он рассказывал о том, что трубы идут из пещер под городом, от горячих источников, и когда-то подавали воду в расположенную неподалеку лечебницу.

Аннет наскучили его объяснения, и она решила свернуть в коридор, в глубине которого разглядела белоснежную беседку. Она стояла в центре небольшой полянки, в которую вели несколько проходов. К великому разочарованию Аннет, красивая лепнина беседки была изуродована сколами и выцарапанными надписями «Поль любит Белинду», «Жакемар жив!» и «Бургомистр – баранья башка». В самой беседке обнаружилась гора мусора. Когда девушка решила вернуться к спутникам, чьи голоса приглушенно доносились сквозь зеленую стену, она обнаружила, что нырнула не в тот проход, из которого пришла. Голоса стали тише, а затем и вовсе пропали.

Позвать на помощь Аннет постеснялась – представила, как Максимилиан скорчит насмешливую гримасу и снисходительно пошутит о женщинах, умеющих в трех соснах заблудиться. Она заранее обиделась и решительно потопала дальше, пока совсем не потерялась. Делать нечего: пришлось подать голос.

– Карл! – позвала она. – Господин Молиаро! Вы где?

Никто не откликнулся. Цикады застрекотали громче, а потом внезапно замолчали. Отчего-то наступившая тишина показалась сигналом опасности. Чуть ли какая! Откуда здесь опасность? Она же не в лесу с дикими зверями.

Коридор закончился тупиком. Когда Аннет свернула в узкую щель среди насаждений, она услышала в соседнем проходе тяжелые шаги. Человек топал как слон и пыхтел. Аннет осторожно раздвинула ветви и увидела грузную фигуру в брюках-гольф и клетчатом пиджаке.

От фигуры исходила весьма ощутимая угроза. Незнакомец угрюмо наклонил голову, будто шел в атаку, бормоча под нос ругательства. Солнце светило ему в спину, и лица было не разглядеть, однако Аннет готова была об заклад биться, что вблизи она бы увидела обвисшие щеки и нос с бородавкой.

Незнакомец встал столбом, затем вытащил из кармана толстую веревку, намотал на кулаки и несколько раз дернул, словно пробуя на прочность и представляя, как поудобнее затянуть ее на чьей-то тонкой шейке.

Аннет всполошилась, осторожно отступила на шаг, другой, а затем на цыпочках бросилась прочь, в глубину бесконечных зеленых коридоров.

«Только тихо! – приказала она себе. – Молинаро и Карл далеко, а этот – вот он, рядом. Доберется до меня первым, утащит в кусты, и поминай как звали».

Сердце колотилось, душа ушла в пятки, а ноги позорно ослабели от страха. Аннет была уверена, что цель незнакомца – поймать ее и сделать что-то ужасное. Никто не смог бы убедить ее, что она натолкнулась на отбившегося от своей группы туриста или орнитолога-любителя.

По коридору промчалась троица мальчишек. Они смеялись и швыряли друг в друга ранцами. Аннет проводила их отчаянным взглядом. Этим на помощь не позовешь!

Шаги в невидимом проходе за зеленой стеной ускорились, преследователь перешел на бег. Затем кустарник захрустел, как будто туда вломился медведь. Листья заколыхались, над живой стеной лабиринта высунулась голова. В своем картузе она напоминала кособокий горшок, насаженный на плетень. Голова посмотрела налево, потом направо, выругалась, а затем прислушалась.

Сейчас он ее заметит!

Аннет запаниковала, плюхнулась на четвереньки и короткими перебежками, путаясь в юбке, двинулась вперед, стараясь держаться в тени кустарника. За последние сутки ее инстинкт самосохранения раздулся до грандиозных размеров и заставлял совершать удивительные поступки.

Заросли кончились. Впереди открылась поляна, в центре стоял огромный куст, которому искусный садовник придал вид грозного льва.

И тут из соседней гряды кустов вылетел преследователь.

Неподалеку рассмеялись невидимые мальчишки. Мужчина засуетился, воровато огляделся, пытаясь найти укрытие, и решился – ласточкой нырнул в пасть зеленого зверя. Во все стороны полетели ошметки листвы, вспорхнула стайка разноцветных бабочек. Бока льва заходили ходуном, а затем между его задних лап, прямо под хвостом, появилась голова в картузе. Аннет показалось, что морда льва приняла страдальческое выражение. Преследователь неопрятной кучей свалился на землю, подскочил, отряхнулся и метнулся в следующее укрытие – заросли живой ограды недалеко от Аннет.

Следовало убраться подальше, в соседний проход. Аннет увидела прореху в стене и протиснулась в нее, усердно виляя задом. Ветви били по щекам, норовили сорвать шляпку, пришлось придержать ее рукой. Вторая рука неловко подогнулась на корневище, и Аннет немного пропахала землю подбородком. О том, во что превратились ее лицо и одежда, она старалась не думать. Ей было очень страшно.

Послышались шаги. Аннет ускорила и чуть не вскрикнула, когда уткнулась носом в черные ботинки хорошей кожи. Знакомый баритон с глубочайшим изумлением произнес:

– Мы вас повсюду ищем, а вы, оказывается, решили поползть по земле. Собираете грибы? Или опять репетируете роль? Какую на этот раз? Дождевого червя из детского спектакля «Гадкий крот и кошка»?

Аннет застыла как сеттер в стойке. Максимилиан Молинаро не спеша подтянул на коленях идеально заутюженные брюки, опустил на корточки, заглянул ей в лицо и присвистнул.

– Беда с этими артистическими натурами, вечно их тянет на приключения! – посетовал вполголоса. Встал, придержал ее за локоть и потребовал:

– Рассказывайте.

Аннет вскочила, кое-как отряхнула руки, вытерла лицо предложенным белоснежным платком и угрюмо сообщила, сгорая от стыда:

– Меня преследовали!

– Кто? Опять ваш поклонник с дирижабля?

– Вполне возможно. Я не разглядела, но это точно был один из той компании на площади.

Он ругался и гнался за мной.

Господин Молинаро недоверчиво хмыкнул.

– Признайтесь, вы это только что выдумали, верно? Вы, артистки, постоянно нуждаетесь в драме. Стремитесь привлечь к себе внимание любым образом.

Гнев вспыхнул как спичка.

– Считаете меня лгуньей?! – воскликнула она, чувствуя: еще чуть-чуть, и брызнут слезы.

Босс пожал плечами.

– Возможно, вы и вправду видели одного из гельманшей. Наверное, бедняга перепил пива и скрылся в этих зарослях, повинуясь зову природы, а вы его спугнули во время деликатного занятия.

– У него в руках была веревка. Он поигрывал ей так, словно мечтал затянуть ее на моей шее.

– Ого, какая живописная деталь.

Аннет от досады чуть не затопала ногами. Максимилиан вздохнул.

– Давайте отдохнем и поговорим. Времени у нас полно. Ангренаж задержался: беседует с садовником, учит его правильно подрезать кусты. Этот потомок Жакемара на все руки мастер – и в механике смыслит, и в садоводстве. Не удивлюсь, если на досуге он вышивает гладью или пробует создать философский камень. Сказал, будет ждать нас в центре. Я бывал в этом лабиринте раньше, знаю, как туда выйти.

Он потянул Аннет в узкий проход в зарослях. Они оказались в небольшом закутке, посреди которого стояла скамья с резной спинкой, утопающая в кустах цветущих роз.

Здесь было очень красиво. Солнце почти не проникало сквозь ветви. В зеленой пещере царил интимный полумрак, от сладкого аромата кружилась голова.

– Это место называют Бельведером влюбленных, – пояснил господин Молинаро. – По вечерам оно всегда занято какой-нибудь романтической парочкой.

Аннет насупилась и на босса не смотрела. Отдыхать так отдыхать. Сердце все еще тяжело колотилась. Она плюхнулась на скамью, сняла шляпку и провела рукой по растрепавшимся русым локонам. Максимилиан сел рядом, так близко, что его твердое бедро коснулось ноги девушки.

Хотела было встать, но босс положил ей руку на плечо и удержал.

– Госпожа Вик... Аннет. – Он вздохнул. – Послушайте... почему все идет не так? Почему вы без конца злитесь? Я считал, мы разобрались с тем эпизодом в кабинете. Да и ничего страшного я не совершил, чтобы вы взъелись на меня как на врага всей жизни.

– Вы постоянно говорите со мной как с дурочкой, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал холодно и с достоинством.

– Ничего подобного. Не могу удержаться, чтобы не поддразнить вас. Вы очень забавная, когда на вас находит блажь изображать великую актрису.

– Рада, что сумела вас повеселить, – сказала Аннет сухо и поджала губы.

Рука на ее плече стала как будто тяжелее.

– Аннет, дайте мне шанс, – вдруг твердо сказал он. – Я не так плох, как вам кажется. Мы можем весьма приятно провести время в этой поездке.

– Я не собираюсь затевать с вами пустую интрижку, – парировала Аннет, чувствуя, как сильнее заалели и без того красные щеки.

– Кто говорит о пустой интрижке? – удивился босс. – Мы заполним пустоту чудесными впечатлениями. Уверен, мы не скоро наскучим друг другу.

Только этого не хватало! Тон Максимилиана изменился, и она слегка встревожилась. Ей показалось, что в нем появилась чувственная хрипотца и бархатистые обволакивающие нотки. Аннет мучительно искала подходящий ответ. От ее бойкости не осталось ни следа. Опешила еще сильнее и непроизвольно дернулась, когда Максимилиан обхватил ее подбородок и мягко, но решительно повернул ее лицо к себе.

– Тихо, тихо! – успокоил босс. – У вас на лице грязь. Позвольте-ка...

Второй рукой он отобрал у нее носовой платок и принялся осторожно оттирать ее щеку. Прodelывал он это очень долго. Аннет было неловко: его лицо оказалось совсем близко, отвернуться она не могла. Волей-неволей пришлось смотреть ему прямо в глаза. Их взгляд стал сосредоточенным и острым, словно гипнотизировал.

Аннет затаила дыхание. Ткань платка больше не касалась ее кожи: горячие пальцы скользнули к виску, коснулись мочки, погладили шею.

Она сидела неподвижно, вцепившись в край скамьи. Сердце совершило сальто-мортале, а затем замерло. Охватила растерянность пополам с возмущением: от роли заботливого насмешника к роли завязанного соблазнителя господин Молиаро перешел в мгновение ока.

Аннет вывернулась и вскочила, чувствуя, как задрожали ноги. Поднялся и Максимилиан. Он крепко взял ее за лацканы жакета и притянул к себе. Она чуть не потеряла равновесие. Чтобы не рухнуть ему на грудь, как отчаявшаяся героиня в финале драмы, пришлось привстать на цыпочки и заглянуть ему в лицо. Его зрачки расширились, и разноцветные глаза стали одинаково темными.

Еще миг – и он ее поцелует, осознала Аннет, и от этой мысли бросило в жар. Что делать? Опять угостить наглеца пощечиной? Пожалуй, это слишком.

Они заключили договор! Нужно сказать, что ей не нравится его поведение, и он оставит ее в покое.

Беда в том, что Аннет происходящее очень даже нравилось. Ей нравились его уверенные руки, складки возле уголков его рта, в которых пряталась насмешка, и окутавший ее аромат гвоздики. Если бы он вел себя иначе, и не был ее боссом, она бы не противилась его ухаживаниям; но саркастичные мужчины, указывающие девушкам, что делать, вызывали острое желание бунтовать и действовать наперекор.

Сердце часто заколотилось о ребра, как молоток в часовых механизмах Жакемара, и с каждым ударом из головы улетучивались все толковые мысли. Остались мысли бестолковые и шальные. Например: мужчина с такими властными манерами и красивыми губами наверняка отлично целуется, и сейчас подходящий случай проверить догадку. В конце концов, она девушка свободная и раскрепощенная, разве нет?

Вот только Максимилиан свое искусство демонстрировать не спешил. Он не двигался, и смотрел пристально, не говоря ни слова, словно давая ей шанс принять решение самой. От этого взгляда Аннет вспыхнула так, что миг – и кожа расплавится. Она едва слышно выдохнула и непроизвольно облизала губы. Вероятно, он понял это как приглашение, потому что едва заметно улыбнулся и наклонился ближе. Аннет приготовилась зажмуриться.

– Вот вы где! – Лакированная палка с шумом отодвинула кусты, и среди веток показался запыхавшийся Карл Ангренаж.

Аннет встрепенулась, уперлась ладонью в грудь Максимилиана и сделала шаг назад. Он дернул уголком рта, многозначительно шевельнул бровью и отпустил Аннет. Не оглядываясь, она поспешила наружу. Воздуха не хватало, голова кружилась.

Ангренаж встретил ее обиженным взглядом. Черт, как неловко вышло! Теперь будет думать невесть что.

– Который час, Карл? – спросила она, чтобы рассеять неловкость. – Мне кажется, мы гуляем здесь целую вечность.

Ангренаж принужденно улыбнулся и выудил диковинные карманные часы. Были они величиной с крупную свеклу, сделаны из массивного потемневшего металла, имели двойную крышку с гравировкой и пять колесиков подзавода. Не часы, а целый агрегат, и стоят явно недешево – недаром хозяин посадил их на цепь в два раза толще обычной часовой. Ангренаж, немного красуясь, щелкнул кнопкой, часы лязгнули, крышка распалась на две части и раздвинулась, как крылья майского жука. Внутри, помимо выпуклого циферблата, обнаружилось немало интересного: кружево шестеренок с острыми зубцами, линзы и множество стрелок.

– Скоро полдень. Мы почти пришли. Вон там, за кустом, что подстрижен в форме пирамиды, – цель нашего путешествия.

В неловком молчании двинулись дальше. Наконец, вышли к центру лабиринта. На круглой лужайке, обрамленной бордюром из роз, возвышалась бронзовая статуя. Изображала она стройного человека в камзоле и парике, восседавшего перед странным инструментом, который напоминал клавесин с рядом вертикально приваренных труб. Бронзовый человек откинул голову, его длинные пальцы лежали на клавишах, на губах застыла лукавая усмешка.

– Статуя Органиста! – пояснил Ангренаж. – На самом деле, это вовсе не статуя. Это автоматон. А это – гидравлос, водяной орган. Вон в том ящике – механизм управления. Если его включить, в трубы будет нагнетаться вода из подземных источников. Вода обеспечит давление воздуха, пальцы органиста придут в движение, и он будет играть марш. Я включаю Органиста каждое воскресенье во время праздника для туристов и жителей города. Вы задержитесь здесь до воскресенья? А хотите, включу Органиста прямо сейчас? Правда, придется подождать, пока давление в трубах поднимется до нужного уровня...

– Мы задержимся до воскресенья, – ответил господин Молиаро. – Сейчас нам пора возвращаться: скоро привезут автоматон для экспертизы, и госпожа Вик захочет отдохнуть.

– Я не устала, – огрызнулась Аннет, все еще чувствуя растерянность. – Почему вы вечно считаете женщин слабыми, быстро устающими существами?

– Простите, – извинился босс. – Я забыл, что вы особа неумолимая и выносливая, как мул. И такая же упрямая.

Аннет отвернулась. Она злилась на себя за недавнюю слабость. Нужно держать оборону! Не будет она его очередной подружкой. Не хватало еще повторить судьбу той девушки из приморского отделения, которая, если верить Ванессе, прижила от него ребенка. Решение было правильным, однако сердце все еще колотилось и сладко замирало, когда она вспоминала, как теплое дыхание Максимилиана щекотало кожу ее лица. Еще чуть-чуть, и он бы... и тогда...

– Карл, – обратилась она к Ангренажу. – Этот Органист удивительно похож на вас! А еще на барельеф Панчинелло у станции канатной дороги.

– Ничего удивительного, Аннет! – улыбнулся Ангренаж. – В этом Органисте мастер изобразил самого себя. И в том изваянии тоже. А еще его лицо вы увидите у автоматона «Лазурный поэт», которого скоро будете проверять. Мой предок был самовлюбленным малым. Идем! Обратно проведу вас коротким путем.

Действительно, дорога наружу из лабиринта не заняла и десяти минут. Подошли к ограде, Ангренаж отвел широкую ветвь. Открылся проход на просеку, а оттуда – наружу из лабиринта. Вид города здесь был совсем иной.

Никаких аккуратных домиков и игрушечных улиц. Ржавый высокий забор, за которым простирался пустырь, а в отдалении стояло двухэтажное мрачное здание со ступенчатым фасадом. Темно-красный кирпич зарос вьюном, часть крыши провалилась, но даже на расстоянии было видно, что окна в здании украшали витражи необычайной красоты.

– Зброшенная водная лечебница, еще один проект Жакемара. Наш городской дом с привидениями. Вокруг этого заведения ходит немало легенд. Одна из них – о пациенте с железными руками, который по ночам бродит окрест лечебницы и вырывает припозднившимся гулякам сердца. В разгар туристического сезона здесь прохода нет от любителей сверхъестественного – даже палатки разбивают на ночь.

– Расскажите, расскажите! – потребовала Аннет, которая очень любила кинематографическую ленту ужасов «Чудовище Бронштейна».

– Я сам вам расскажу эту историю, вечером в гостинице, – перебил господин Молиаро. – Я ее знаю. Постараюсь напугать вас посильнее, чтобы вы боялись ночевать одна.

Господин Ангренаж поднял брови и перевел ревнивый взгляд с Аннет на босса. «Думает, какие отношения нас связывают», – с досадой поняла Аннет. Ей казалось, что Ангренаж был бы не прочь поухаживать за ней, и его внимание ей льстило. С ним она чувствовала себя в безопасности; он был ей интересен, в нем скрывалась загадка, а увечье вызывало жалость, которая могла легко перерасти в нежную симпатию. Вот такой мужчина ей и нужен: мягкий, вежливый и уступчивый. Был бы он еще помоложе...

– А это что такое? – девушка показала на механизмы, которые стояли на пустыре неподалеку от лечебницы. Одни машины на колесах вздымали к небу стрелы, с которых свисали крюки и какие-то огромные штуки, похожие на стальные челюсти. Другие были снабжены конвейерами и шкивами. Возле машин курили мужчины в комбинезонах и кепках.

– Золотодобывальные машины и экскаваторы компании Форса, – сквозь зубы проговорил господин Ангренаж. – Идиотский проект нашего бургомистра. Тот, что приводит в отчаяние жителей города. В этом году истекает срок аренды земель, на которых когда-то были расположены рудники Жакемара. Можно продлить аренду, если город найдет деньги. Но где их взять? Форс и его партнеры решили, что могут при помощи своих паровых чудовищ вгрызаться в недра и найти новые залежи золота и драгоценных минералов. Его лозоходцы дали благоприятный прогноз. Если Форс перекупит право аренды, город обречен. Они начнут копать и снесут старый Луна-парк и эту лечебницу. Живому лабиринту тоже придет конец. Осталась неделя до торгов. Бургомистр не хочет искать выход: Форс неплохо его подмазал. Видите, он уже пригнал сюда технику и рабочих.

– Что можно сделать? – забеспокоилась Аннет.

– Я не знаю, – с досадой ответил Ангренаж. – Можно попробовать продать оставшиеся автоматы Жакемара, чтобы выкупить право аренды. Какой-никакой, но выход, однако бургомистр категорически против. На причину я уже намекнул. Ах, если бы удалось отыскать ту мастерскую Жакемара и золотого оракула! Мы бы продали его, и проблема была бы решена. Знаете, я даже приглашал лозоходца на свои деньги. Сильного, способного видеть на три метра в толщу земли. Он ничего не обнаружил, кроме уже известных пещер с горячими источниками. Мастерская потеряна навсегда. Даже сумей мы ее отыскать, попасть внутрь без всех брелоков невозможно, как утверждает легенда. Их два, вместе с тем, что господин Молиаро прячет в своем кармане. Третий сгинул навсегда в глубинах океана.

Тем временем вышли к центру города.

– Вон и ваша гостиница! – воскликнул Ангренаж. – Какая жалость, Аннет, я не успел показать вам Луна-парк и Корабль-в-бутылке. Встретимся завтра, хорошо? – затем нагнулся и прошептал ей на ухо. – Постарайтесь отделаться от вашего босса. Хочу провести время только с вами.

Аннет криво улыбнулась и кивнула. Расшаркавшись напоследок, Ангренаж удалился, а Аннет вслед за помрачневшим боссом зашла в дверь «Заводного купидона».

Глава 7. Музей автоматов

– Ну-с, пообедаем, а потом отправимся в музей, – жизнерадостно сообщил господин Молиаро. – Там нас будет ждать вся честная компания в лице бургомистра и наследников Жакемара, а также «Лазурный поэт». Вы продемонстрируете свой талант хронолога, подтвердите возраст автоматона, заполните кое-какие бумаги, и ход сделке будет дан.

Аннет ничего не ответила. Она молчала, пока заходили в гостиницу и поднимались в номера. Не проронила ни слова и позднее, когда, оставив в номере надоевшую шляпку с вуалеткой, присоединилась к боссу за столиком в ресторане. Не глядя в меню, наугад ткнула в первое попавшееся блюдо, а затем приступила к еде, не чувствуя вкуса и даже не пытаясь понять, что ей принесли.

Она ужасно устала. И распереживалась: вот-вот ей предстояло выступить в роли эксперта, и она боялась, что результат ее работы босса отнюдь не порадует. Пришло неприятное волнение. В животе заурчало.

Максимилиан бодро расправлялся с тарелкой спагетти, политых чем-то ярко-красным, и поглядывал на свою подчиненную озадаченно. Наконец, положил вилку и поинтересовался:

– В чем дело, Аннет? Ваше лицо полно драматических переживаний, как у пленного повстанца перед расстрелом. Обдумываете новую роль? Или вам опять привиделся ваш преследователь? Где он на этот раз? Прячется за спиной того официанта или под стойкой бара?

– Не смешно, – отрезала Аннет и нервно поднесла к губам стакан минеральной воды. Не сделав ни глотка, поставила стакан на место, собралась с духом и поинтересовалась:

– Скажите, господин Молиаро... время изготовления автоматона известно точно, не так ли?

– Более или менее, – кивнул босс.

– Зачем тогда экспертиза хронолога? Насколько важно подтвердить подлинность? Что будет, если я допущу ошибку?

Босс откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и проницательно заметил:

– Так вот в чем причина. Вы боитесь опростоволоситься. Ваш дар развит слабо, редко используется, и вы сомневаетесь в своих силах. Угадал?

Аннет неопределенно качнула головой и отвела взгляд.

– Аннет, – голос босса утратил насмешливость, – не переживайте. Все у вас получится. Вы сенситив и должны этим гордиться. Нас уважают и ценят. Помните историю о том, как благодаря достижениям науки сенситивов перестали считать колдунами?

– Ну конечно, – пожала плечами Аннет. – Об этом рассказывают на вводных лекциях в Академии Одаренных.

– И что вы помните? Выкладывайте, – потребовал господин Молиаро. Кажется, он решил устроить ей экзамен. Наверное, считает ее полным неучем. Аннет вздохнула, собралась и отграторила:

– Семьдесят лет назад доктор Зигфрид Фрейд проводил исследования подсознательного и обнаружил, что при нужном умении оно может использоваться, чтобы пробудить скрытые способности человека управлять эфиром – тем невидимым силовым полем, что заполняет пространство и обеспечивает взаимодействие вещей.

– Ну-ну, продолжайте, – голосом строгого преподавателя приказал босс.

– Теорией эфира параллельно занимался физик Марли. Ученые объединили усилия и установили, что примерно десять процентов людей рождается с талантом управлять эфиром и совершать действия, не поддающиеся на первый взгляд логичному объяснению. В конце концов, государство научилось извлекать из таких людей пользу. Таланты сенситивов развивают в Академии Одаренных. Лозоходцы проводят геологические разведки, врачи спасают людей,

репликаторы помогают инженерам, гидроманты умирят штормы на море, медиумы передают сообщения на огромные расстояния, когда невозможно воспользоваться телеграфом или телефоном.

Максимилиан довольно кивнул. Аннет язвительно добавила:

– И все эти замечательные таланты мужчины приписывают себе. Ученые – кстати, в их числе мой отец, профессор Вик, – утверждают, что женщины-сенситивы обычно рождаются эмпатами, лекарями, релаксаторами и морфеомантами. Ах да, еще иллюзионистами. Устраивают фейерверки и зрительные иллюзии на детских праздниках.

– Весьма полезные таланты, надо сказать, – нравоучительно заметил босс. – Они вполне соответствуют предназначению женщины – утешать, исцелять, поддерживать и развлекать.

Аннет негодуя задрала подбородок.

Босс принялся рассуждать:

– Теперь, когда способности сенситивов признаны государством и подтверждены учеными, на нас порой полагаются больше, чем на старые добрые знания и опыт. Многие до сих пор считают сенситивов волшебниками – или напротив, достижением науки, которое вошло в моду и которым пользуются, чтобы не прослыть ретроградами. Например, у некоторых антикваров заведено прибегать к услугам хронологов, даже когда в них нет нужды. Так вот, вернемся к нашему автомату... Провести хронологическую экспертизу – идея бедняги Вальвазора. Может, он хотел произвести впечатление на клиента или же содрать больше денег – теперь не узнать. Подлинность Лазурного поэта несомненна. Не страшно, если ошибетесь на год-другой. На паспорте артефакта нужна подпись хронолога, и вы ее поставите. Повторю: это лишь формальность.

– Значит, вы могли убедить клиента, что в экспертизе нет нужды, и отпустить меня подобру-поздорову? – подозрительно поинтересовалась Аннет.

– Пожалуй, мог бы.

– Почему же вы так не сделали? Зачем лишние хлопоты и траты?

– Не догадываетесь? – изумился босс. – Разумеется, я затеял все это, чтобы увезти вас сюда, на край света, и коварно соблазнить при первом удобном случае. Такого ответа ждете?

Чтобы усилить эффект, Максимилиан сладострастно прищурился и изобразил злодейскую ухмылку с умением, которому позавидовал бы и Дуглас Бербенкс, исполнитель роли Кровавого барона.

Оторопев, Аннет не сразу нашла, что ответить, строго посмотрела в разноцветные глаза босса, и с облегчением фыркнула: опять он за свои шуточки.

– Конечно, была еще пара причин, но вряд ли вы их сочтете важными, – продолжил Максимилиан. – Во-первых, для паспорта артефакта желательна точная дата его изготовления, а она неизвестна. Во-вторых, мне было интересно, чем именно руководствовался доктор Вальвазор и не таится ли в продаже автомата какой-то подвох. Поэтому-то и понадобился хронолог, чтобы рассеять подозрения. Пустые, я уверен. Но кто знает: вдруг вы увидите в хронограмме что-то любопытное? Бывает, сенситивам открывается то, что не обнаружит простой эксперт. Доедайте свое рагу из кукурузы с салом и идем. Что ж вас так тянет на жирную пищу... Слышите, городские часы звонят полтретьего? Нас ждут в музее автоматов Жакемара ровно в три. Поедем.

Снаружи буйствовало солнце. Аннет зажмурилась, а господин Молиаро пожурил ее:

– Зря вы оставили вуалетку в номере. Щеки у вас помидорного цвета. Вечером опять достану скисших сливок. Не вздумайте возражать, а то сам окуну в них ваше личико. Солнечные ожоги нужно лечить.

Над городом затихал звон: два раза часы пробили басовито и один раз – тоненько.

Аннет покорно продела руку под подставленный локоть босса и шла, опустив голову и стараясь справиться с волнением. Господин Молиаро был прав: Аннет еще не доводилось

демонстрировать свой талант в присутствии такого количества важных господ, за исключением выпускного экзамена в академии, который она чуть не провалила.

Неважный из нее вышел хронолог. Когда она станет актрисой, и думать забудет о своих недоразвитых талантах, которыми ее частенько попрекали.

Музей автоматов располагался в нижней части города, у озера, в здании с плоской крышей. Основание здания имело форму правильного треугольника. На каждом углу возвышалась круглая башенка. На серой каменной кладке были выложены узоры из позолоченных плиток, из-за чего башенки напоминали леденцы в нарядной обертке.

– Обойдем музей, чтобы вы осмотрели его снаружи, – предложил господин Молинаро.

В каждой стене здания был отдельный вход. Над высокими дверями поблескивали циферблаты часов – куда же без них в этом городе, помешанном на измерении времени! Но кроме часов театр украшали и другие диковины.

Над первой дверью висела раскрытая книга величиной со стол. Каждую минуту переворачивалась латунная страница, словно невидимый великан стоял у входа и вчитывался в неведомые письма.

Над второй дверью покачивал колючей головой дракон, скаля медные зубы.

А над третьей, самой высокой и богато украшенной дверью, хитро улыбалась маска горбуна Панчинелло и водила влево-вправо стеклянными глазами. Ниже огромные блестящие буквы складывались в странное слово: «Мимезис». Буквы поочередно опускались вверх и вниз, будто покачиваясь на волнах.

Здание тикало и постукивало. Под крышей каждой башенки, похожей на остроконечную шляпку, там, где обычно находится чердачное оконце, торчал хвост гигантского заводного ключа и медленно поворачивался.

Будь Аннет пятилетней девочкой, она бы захлопала от восторга в ладоши. Но ей было двадцать три, и поэтому она лишь тихо ахнула и зажмурилась от удовольствия.

– Это все придумал и построил Жакемар?

– Он самый, – подтвердил босс.

– Старый мастер был добрым волшебником! Город похож на заводную табакерку или сказочное кукольное царство.

– Волшебником он был бесспорно, но вряд ли добрым. Кое-какие его увлечения были весьма кровавыми. Помните, я обещал вам городскую легенду о Железноруком? Монстра, чье привидение поселилось в заброшенной лечебнице и привлекает отчаянных туристов, тоже создал Жакемар. Поведаю вам эту сказку на ночь глядя.

– Жду не дождусь. Но напугать меня не рассчитывайте. Лучше скажите, почему в здании три входа?

– Под книгой – вход в библиотеку, – пустился в пояснения господин Молинаро. – Под маской, как вы уже, наверное, догадались, – вход в театр. Нам налево, в музей кукол Жакемара. Над входом копия его первого механического дракона. Однако поросят он не жрет, огнем не плюется и не делает никаких прочих предосудительных вещей.

Поднялись на крыльцо. Тем временем стрелки часов (каждая в форме драконьего хвоста и заканчивается острейшим шипом) показали три: дракон разинул пасть и издал дребезжащий рык. Проходившие мимо крыльца туристы – уважаемая семейная пара – вздрогнули от неожиданности. Их сынишка лет семи радостно взвизгнул и полным надежды голосом поинтересовался, может ли дракон откусить голову его гувернантке.

У высоких резных дверей стоял Петр Колезвар. Придурковатый шарманщик где-то оставил свой музыкальный инструмент и избавился от потрепанной шляпы. Теперь на нем была черная униформа, заляпанная кошачьей шерстью. Два толстых кота крутились у ног Петра, третий развалился на балюстраде и умильно шурился на визитеров.

Аннет настороженно глянула на Петра, однако шарманщик вел себя прилично и изрекать бредовые прорицания не собирался. Он кивнул, учтиво открыл дверь и произнес скрипучим голосом:

– Вас ждут. Все в сборе.

Вестибюль выглядел как и в любом другом музее. Узкий коридор с черно-белой плиткой, дубовые каталожные шкафы и картины с видами Механисбурга в позолоченных рамах. Однако пахло здесь не вековой пылью и не мастикой, а машинной смазкой и розами с ноткой валерьяновых капель.

Гулкое музейное эхо принесло шум голосов. Петр достал табличку с надписью «Закррито», повесил снаружи, тщательно запер дверь, подхватил на руки просочившегося в вестибюль кота и пошел прочь, шаркая ногами. Аннет и ее спутник двинулись следом и вскоре оказались в прямоугольном зале с высоким потолком. Из стрельчатых окон лились потоки света, но углы помещения оставались в тени. Ставни были открыты, по подоконнику снаружи карабкались плети ползучих роз. Несмотря на жару на улице, в зале было прохладно как в склепе.

Аннет надела пенсне – плевать на красоту, нужно выглядеть солидно – и осмотрелась. Сначала ей показалось, что зал полон народа – точнее, народца, странных людей и существ ростом с десятилетнего ребенка. Стеклянными глазками ее рассматривали шуты, солдаты, фрейлины и факиры с мертвенными лицами. Скелеты тарасились провалами глазниц. Вампиры плотоядно скалили фарфоровые клыки.

Это были автоматы маэстро Жакемара. Каждый стоял на низенькой мраморной колонне. Казалось, куклы застыли при виде гостей, но стоит отвернуться, они придут в движение, начнут перешептываться, а то и спрыгнут со своих мраморных подставок и заковыляют по залу, покачивая шарнирными ручками.

Аннет крепче вцепилась в локоть своего спутника.

– Добрый день, – господин Молиаро сдержанно приветствовал группу людей в центре зала.

– Добрый! – рявкнул дородный мужчина средних лет с генеральской выправкой, одетый во френч и широкие штаны с лампасами. От его зычного голоса по залу прокатилось гулкое эхо, в руке кукольной пастушки звякнули колокольчики.

– Госпожа Вик, хронолог. Бургомистр Гильоше, – представил их друг другу босс.

Бургомистр выпучил оловянные глаза, поднял белесые брови и озадаченно наморщил лоб с глубокими зальсынами. Его квадратное лицо, изрытое оспинами, как поле боя ямами от артиллерийских снарядов, выражало изумление.

– Никогда не слышал о женщинах-хронологах, – с военной прямоотой сообщил он и фыркнул.

– Ничего удивительного, – заметила Аннет с улыбкой, стараясь не показывать негодование. – Нас мало, наше существование признают с неохотой, и живется нам немногим лучше, чем ведьмам в темные века. Самые интересные чувствительные таланты мужчины приписывают исключительно себе.

Бургомистр шутку не оценил.

– В вашей фирме нормального чувствительного не нашлось? – обратился он к господину Молиаро, отворачиваясь от Аннет, как будто она была насекомым, не заслуживающим внимания.

Девушка от неожиданности стушевалась, а босс спокойно отрезал:

– Уверю, госпожа Вик обладает необходимыми способностями и опытом. Если вы отказываетесь от ее услуг, мы приостановим сделку.

Бургомистр буркнул что-то неразборчивое и насупился.

– По условиям завещания Жакемара все его изделия принадлежат не только наследникам, но и городу Механисбургу, – пояснил босс. – После продажи половина суммы пойдет

на нужды города, который представляет почтенный бургомистр, а половина будет разделена между наследниками мастера. Все они считаются почетными жителями города, имеют немалый вес среди горожан и присутствуют здесь, чтобы подписать соответствующие бумаги. Вот господин Пендельфедер, местный полицейский и потомок Жакемара.

Полицейский выпятил солидный животик, обтянутый форменным кителем, поправил уютно расположившуюся на складке жира кобуру, кивнул лысеющей головой и посмотрел на Аннет без малейшего интереса.

– С господином Ангренажем и почтенным Петром Колезваром вы уже знакомы.

Карл Ангренаж помахал рукой и подошел. Аннет была рада видеть любезного гида, который даже в помещении не расстался с плащом. Интересно, а на ночь он его снимает? Или спит, закутавшись в него, как летучая мышь в крылья?

Аннет представила, как упакованный в черный кокон механик висит вниз головой, зацепившись острыми носками туфель за потолочную балку, и уютно похрапывает. Его вороньи волосы подметают пол, а паук протянул нить к длинному носу. Захотелось хихикнуть. Нервы шалили.

– Скажите, а разве Петр может принимать решение о сделке наравне со всеми? – шепотом поинтересовалась она у Ангренажа, косясь на старого шарманщика, застывшего возле механического барабанщика в красном мундирчике. – Он ведь того... – Аннет деликатно покрутила пальцем у виска.

– Петр вполне разумен, когда ему это нужно, – загадочно ответил Ангренаж, сверкнул плутовскими глазами и усмехнулся. – Петр – мой помощник и неплохо ухаживает за изделиями старого мастера, когда трезв.

В это время Петр полез рукой за спину барабанщика, нашарил что-то и покрутил. Точно в предсмертной судороге барабанщик дернул зажатые в руках палочками и выбил звонкую дробь. Присутствующие подскочили от неожиданности, приبلудившийся кот зашипел и убрался в коридор.

«Ну и чудная компания!» – подумала Аннет.

Последним представителем чудной компании наследников мастера Жакемара оказалась высокая, как гренадер, женщина в черном узком платье. Она приблизилась к Аннет строевым шагом и принялась разглядывать ее в упор. Мастер Ангренаж отчего-то занервничал и скованно произнес:

– А это госпожа Луиза Соннери, наш библиотекарь и городской гид. Проводит для туристов экскурсии по договоренности.

Женщине было около тридцати. У нее был вызывающий взгляд, а несимпатичное лицо с тяжелой челюстью наводило на мысли о породистых кобылах, известных злым нравом, – тех, что не упустят случая подло куснуть зазевавшегося всадника за голень.

Аннет почувствовала себя неуютно. Таких людей она немного побаивалась. Не угадаешь, что они выкинут или скажут в следующую минуту. Беседовать с ними все равно, что по краю пропасти идти. И пахло от госпожи Соннери странно – табаком и валерьянкой, аромат которой Аннет уловила еще в коридоре.

– Повезло вам родиться сенситивом, – бесцеремонно заявила госпожа Соннери. Голос у нее был под стать внешности – грубый, неприятный. – Хотелось бы мне получить такой дар при рождении. Не хронолога, конечно, а что-нибудь поинтереснее. Хотя бы дар провидца, как у моего юродивого кузена Петра.

– Уверен, госпожа Вик счастлива быть хронологом, – вступился Ангренаж за Аннет. – Проникать в тайны времени, видеть прошлое... что может быть увлекательнее?

– Например, видеть будущее и получать за это неплохие денежки? – парировала госпожа Соннери, показав в неприятной улыбке длинные зубы. – Или лечить наложением рук ревматизм старым бездельникам, тоже за приличное вознаграждение. Я бы от таких талантов не

отказалась. Не обижайтесь, – добавила госпожа Соннери с напускным сочувствием, и Аннет сразу же смертельно обиделась. – Всем известно, что хронологи – самая никчемная каста сенситивов, а вы еще и женщина вдобавок. Вот наш предок был молодец – репликатор, да еще и лозоходец. Лучше бы нам по наследству его таланты достались, а не глупые механические куклы, от которых избавиться сложнее, чем от геморроя.

– Почему? – натянута поинтересовалась Аннет.

– Во-первых, наследники вечно грызутся друг с другом и не могут решить, оставлять ли городу его наследие или распродать всем желающим. Во-вторых, куклы стоят немало, но покупать их никто не хочет. Товар на любителя.

– Наша фирма готова приобрести не одного, а несколько автоматов, – сообщил господин Молинаро.

– За бросовые деньги, – огрызнулась госпожа Соннери. – Вы, дельцы, своего не упустите. С зимы здесь крутятся. Вон один уже докрутился. Сгинул в горах, как заблудившийся баран.

Библиотекарша явно получала удовольствие, выставляя свою прямолинейность напоказ.

Ангренаж зажмурился от неловкости. Полицейский опустил глаза и сделал шагок вбок, словно желая спрятаться за куклу монаха. Бургомистр протопал к письменному столу в углу и принялся перебирать бумаги с отсутствующим видом. Кажется, в городе госпожу Соннери побаивались.

Господин Молинаро спокойно глянул на грубоватую наследницу и ничего не ответил.

Ангренаж пояснил:

– Некоторые куклы стоят дорого, потому что мастер использовал в механизмах драгоценные камни и редкие металлы. Эти куклы – произведения искусства. Мастер Жакемар называл свои творения «сундучками с сокровищами» и придумал хитрую защиту. Заводной механизм работает без сбоя уже две сотни лет, но стоит попытаться открыть корпус, кукла ломается, внутренности рассыпаются в прах. Секрет раскрыть не удалось. Я умелый механик, но потерпел поражение. Сломавшихся кукол никак не отремонтировать... Ах, если бы найти мастерскую Жакемара! Говорят, он оставил там не только изделия, вроде Золотого оракула, но и слитки, и драгоценности, и, главное, чертежи! Плевать на золото, за чертежи я душу готов отдать!

– Если бы нашлась мастерская, город бы разбогател и решил свои проблемы, – проблеял толстяк Пендельфедер из своего угла. – Мы бы выкупили право аренды на землю и заставили компанию Форса убраться прочь вместе с их чудовищными машинами. Представляете, они собрались рыть на моем огороде! Там, где я выращиваю призовые сорта редиса!

Полицейский обиженно засопел.

– Отставить глупости! – громогласно возмутился бургомистр и бросил бумаги на стол. – Сделка с компанией принесет городу куда больше пользы, чем ветхие бумаженции и железяки, которые неизвестно где спрятаны. Да и спрятаны ли они вообще! Сдается, ваш предок сыграл злую шутку. Нет никакого клада! Нет никакой мастерской! Золотой оракул – пустая выдумка! Есть лишь город, который переживает не лучшие времена. Нужно продать все, что осталось от Жакемара, и пустить деньги на развитие промышленности. Открыть химическую фабрику. Деньги потекут рекой!

– Деньги потекут в ваш карман, а по городу потекут ядовитые отходы и потоки сезонных рабочих, бродяг и прочего отребья, – робко пробормотал Пендельфедер.

– Вы своего не упустите, бургомистр, – госпожа Соннери азартно бросилась в атаку. – Спите и мечтаете, как превратить Механисбург в казармы или закопченный рабочий городок. Впрочем, лично мне плевать, что станет с городом. Я бы убралась отсюда при первой возможности, будь у меня деньги. Эй вы, барышня-хронолог! Приступайте. Кое-что от сделки перепадет и нам, бедным наследникам, поэтому не тяните. Хочу поскорее получить свою долю.

Господин Молинаро растянул губы в любезной улыбке, но Аннет отметила, что добродушие его как рукой сняло; в лице босса проявилось что-то недоброе, хищное, глаза смотрели остро и настороженно. Исчез насмешливый балагур, вернулся Тигр-людоед.

– Извините мою кухню, Аннет, – произнес Ангренаж и неловко развел руками. – У Луизы что на уме – то и на языке, и с хорошими манерами она сроду не дружила.

– Я понимаю, – ласково произнесла Аннет, хотя на деле ничегошеньки не понимала. – Я готова. Где автоматон?

Наследники Жакемара дружно расступились, и Аннет оказалась лицом к лицу с Лазурным поэтом.

Глава 8. Крылатая опасность

Заводная кукла в половину человеческого роста сидела на изящной оттоманке за лакированным столиком. Автоматон имел облик худощавого мужчины в камзоле аквамаринового цвета, зеленых панталонах, белых чулках и туфлях с золотыми пряжками. На голове у куклы красовался парик с косичкой и треугольная шляпа. Фарфоровое горбоносое личико было хорошо знакомо Аннет: за последние два дня она видела его не раз. Мастер Жакемар придал лицу куклы собственные черты, так похожие на маску хитреца Панчинелло. Эти же черты получил от Жакемара по наследству его потомок, механик Карл Ангренаж: крючковатый нос, женственный рот, плутовские черные глаза.

В занесенной над листом бумаги руке Лазурный поэт держал карандаш, вторая рука со сложенными щепотью пальцами небрежно покоилась рядом. Выпуклые веки куклы были мечтательно прикрыты, как у охваченного вдохновением стихоплета. Красные губы, однако, кривились в усмешке, с которой с не меньшим вдохновением обдумывает злодеяние преступник.

– Что он будет делать, если его включить? – любопытствовала Аннет. Автоматон вызывал смутную неприязнь.

– Писать стихи, разумеется! – воскликнул Ангренаж. Он был доволен, словно сделал Лазурного поэта сам. – Он может написать пять стихов, по четыре строфы каждый. Куплеты, что были популярны двести лет назад. Вот, например... «Шлет в сердца девиц невинных стрелы сладкие Эрот...»

– Карл, катись к черту со своими стишками! Приступайте уже к делу! – раздраженно сказала госпожа Соннери.

Принесли складной столик и стул и поставили рядом с автоматом. Аннет вздохнула, достала из сумки папку, разложила на столе цветные таблицы дат и чинно уселась. Взяла карандаш и занесла над таблицами. Лево́й рукой она осторожно коснулась фарфорового запястья Лазурного поэта. Гладкая поверхность была липкой и холодной.

Аннет не на шутку разнервничалась. Перед глазами всплыл экзаменационный зал в Академии Одаренных. Экзамены ей пришлось пересдавать три раза. «Ну какой из нее хронолог!» – сокрушался почтенный наставник, а члены комиссии смотрели с обидным сочувствием.

Почетные жители Механисбурга встали вокруг Аннет как подле обезьяны в зоопарке, которая собралась выкинуть удивительный трюк. Им было интересно посмотреть на хронолога в работе. Кроме нее сенситивами среди присутствующих были лишь господин Молинару и Петр. Шарманщик бездумно уставился в потолок, а босс поглядывал на свою ассистентку с беспокойством. Именно его мнение волновало Аннет больше всего.

Сердце громко колотилось. Она словно актриса, которая плохо выучила роль. Вот-вот зрители в зале затопают и засвистят. Ее единственный союзник сбежал: Карл Ангренаж отошел к окну и теперь с заинтересованным видом тянул к себе ветку ползучих роз.

Аннет закусилa губу и поймала взгляд Максимилиана. Он едва заметно кивнул, подмигнул зеленым глазом и неожиданно скорчил смешную гримасу. Сначала Аннет удивилась, а затем невольно улыбнулась и приободрилась. Вдохнула, сконцентрировалась и призвала свой талант.

Реальность исчезла. Автоматон превратился в призрак, что переливался цветами радуги; ярче всего сверкали желтые и оранжевые пятна. Однако уловить их точный оттенок и отметить на карте не получалось. Вспыхнули яркие полосы, призрачные очертания шестеренок, валиков, пружин; они рассыпались искрами и сбивали с толку. Аннет плохо удавалось подавить свой второй талант – талант репликатора. Во время хронологических экспертиз он проявлялся некстати и мешал. Чем больше усилий она прилагала, тем хуже шло дело. Это канареечный

цвет или абрикосовый? Охра или шафран? Карандаш неуверенно прыгал с одной клетки на другую и рвал бумагу.

Краски начали блекнуть, в голове зашумело, призрачный образ поплыл и потух. Аннет растерялась. Неужели талант окончательно отказался ей служить? Что происходит?

По спине тек пот, в висках заломило. Девушка шумно перевела дыхание и опустила голову. Ее окружало ледяное молчание.

– Я так и знал, – рубанул грубый голос бургомистра. – Женщин-хронологов не бывает.

И буркнул под нос:

– Шарлатанка.

Госпожа Соннери засмеялась. Шарманщик Петр рассеянно насвистел похоронный марш.

Аннет покосилась на босса. Он выглядел озадаченным, на его лице застыло непонятное выражение, но смотрел он вовсе не на свою подчиненную. Он неторопливо изучал присутствующих. Под его цепким взглядом праправнучка кукольного мастера всхрипнула и осеклась, бургомистр дернул щекой, а полицейский смущенно прокашлялся. Ангренаж почувствовал неладное и, припадая на левую ногу, приблизился. В руке он держал сорванную за окном розу.

– Все в порядке, Аннет? – встревоженно поинтересовался он.

– Это была первая попытка, – ответил Максимилиан. – Сейчас госпожа хронолог отдохнет и проведет вторую. Использование талантов отнимают у сенситива немало сил. Обычное дело. С первого раза редко все получается. Входить в транс – это вам не редиску выращивать.

Наследники Жакемара молчали. Босс склонился над расстроенной Аннет и тихо произнес:

– Аннет, соберитесь. Я вам помогу. Один из моих сенситивных талантов – эмпатия. Я умею активизировать подсознательное, а также повышать у людей уверенность в их силах. У сенситивов при этом кратковременно растет способность использовать талант. Мне нужно ваше согласие. Решайтесь.

– Да, да, пожалуйста! – отчаянно зашептала Аннет, забыв о чувстве собственного достоинства. – Мне нужна помощь. Я очень волнуюсь, понимаете?

– Приступаем! – Максимилиан выпрямился, легко коснулся ее запястья длинными пальцами и тут же убрал руку.

По телу Аннет пробежала теплая волна. Стало весело: значит, Людоед – сенситив-эмпат! Ну и дела! Он только что использовал свой дар. Ну конечно, теперь она со всем справится. Плевое дело! Она прекрасный хронолог и сейчас это докажет.

Аннет вновь погрузилась в мир красок, которые показывали год, когда мастер создал артефакт. У каждого предмета своя цель и свое предназначение, и у каждого предмета есть невидимая обычному человеку взгляду аура, его незримая копия. Пусть артефакт создан из разных материалов и деталей; важен лишь момент, когда артефакт обрел свой конечный вид, отвечающий замыслу и цели его создателя. Хронологам аура является пятном цвета, что указывает на время изготовления артефакта, а репликаторы видят его энергетическую копию и даже могут воссоздавать ее.

На этот раз пятна не дрожали и не прыгали; призрачный контур налился канареечным цветом. Аннет определила оттенок без колебаний и уверенно отметила в таблице нужный квадратик.

Все вышло замечательно! Впрочем, не совсем: талант репликатора вновь дал о себе знать, проступили призрачные очертания деталей механизма. Разбирайся Аннет в механике, она бы разгадала тайну автоматов Жакемара, узнала бы секрет, который не позволял разбирать и чинить его изделия. Нужных знаний у девушки не было, но она не могла не заметить странное: в верхней части канареечного пятна, повторяющего очертания Лазурного поэта, загорелись несколько алых точек. Откуда они? Что это?

Аннет поколебалась, придвинула вторую таблицу и отметила квадрат алого цвета, а затем тряхнула головой и вернулась в реальность.

– Готово, – произнесла устало. – Канареечный оттенок означает год одна тысяча семьсот двадцать четвертый.

– А почему вы отметили еще алое поле? – поинтересовался внимательный Ангренаж.

– С этим мы потом разберемся, – ответил босс. – Господин Пендельфедер, прошу заверить эти копии. Господа, поставьте ваши подписи. Фирма «Раритеты Молиаро» согласна приобрести автоматон, известный под названием «Лазурный поэт».

Наследники Жакемара сгрудились возле дальнего стола, на котором господин Молиаро разложил нужные документы. Аннет кое-как поднялась и побрела к окну. Каждый раз после использования таланта она чувствовала себя как человек, которого выдергивают из приятной горячей ванны и выпихивают под ледяной дождь. Ее колотил озноб. Запах роз за окном вызвал головную боль.

– Вы были великолепны, дорогая Аннет, – раздался дружелюбный голос Ангренажа, который неслышно приблизился и встал рядом. – За последнее столетие наука всячески пытается уверить нас, что дар сенситивов – вещь обыденная и естественная, но мы, бесталанные люди, всегда будем считать вас магами.

– Да что тут магического, – с досадой отозвалась Аннет. – Я знаю, как выгляжу со стороны, когда нахожусь в трансе: сидит девица с остекленевшими глазами и отвисшей челюстью и водит карандашом по бумаге с цветными квадратиками. Хорошо, если слюна не капает изо рта, как у идиотки.

– Ваше лицо приобрело удивительное, неземное выражение, – искренне возразил Ангренаж, – и я чувствовал, что лицезрею чудо. Чудо соприкосновения с незримым для меня миром. Возьмите, – он протянул Аннет розу темно-красного, почти черного цвета.

– Спасибо, – девушка подавила желание выбросить издававший назойливый аромат цветок обратно в окно и громко заговорила, чтобы галантный собеседник не заподозрил о ее порыве. – Обожаю розы. Как только вижу розу, мне сразу хочется зарыться носом в ее лепестки и...

– Эти кусты за окном давно пора обрезать, – не могла не удержаться от колкости госпожа Соннери. – Разрослись как репейник.

Она смотрела на цветок в руках Аннет с нескрываемой недоброжелательностью.

– Давно пора, – неожиданно поддержал ее бургомистр. Он отчего-то вспотел и сердито вытирал щеки клетчатым платком. – У меня от пыльцы дерет в горле и свербит в носу.

В подтверждение своих слов он чихнул – так громко, что, казалось, градоначальника разорвет на части.

К окну подошел старик Петр, посмотрел на розу в руках Аннет с нежностью, глянул на бургомистра с укором и захлопнул ставни. Стало темно.

– Дело завершено, мы уходим, – заявил господин Молиаро. – Господин Гильоше, не откажите в любезности – распорядитесь, чтобы Поэта доставили вечером в гостиницу. Позднее я еще раз наведаюсь в музей и, возможно, решу приобрести пару изделий дополнительно.

– Завтра вечером в театре «Мимезис», где я имею честь служить главным механиком, состоится торжественный прием и представление для почетных туристов, – сообщил Ангренаж. – Я приготовил для вас пригласительные билеты; надеюсь, вы не откажетесь принять участие в нашем скромном развлечении?

– Не откажемся. Я бывал на спектакле раньше, зрелище незабываемое – особенно для любителей острых ощущений. Вам понравится, Аннет.

– Не сомневаюсь, – вежливо ответила Аннет. Больше всего на свете ей хотелось попасть в свой номер, скинуть тесные туфли, повалиться на кровать и вдоволь поразмышлять. Некая странность не давала ей покоя...

– Всего хорошего, господа, – весело произнес господин Молиаро, подхватил Аннет под руку и быстро повел прочь от господина Ангренажа, который робко поглядывал на девушку и, казалось, был не прочь увязаться следом.

– Живые розы вам нравятся больше механических? – шепотом поинтересовался господин Молиаро, глядя на цветок, который Аннет все еще сжимала в пальцах. – Не удивлюсь, если следующий раз Ангренаж ради вас опустошит ту клумбу на площади.

В гостиницу возвращались медленным шагом. После холодного зала музея дневной жар казался приятным, теплый ветерок забирался в ворот блузки и ласкал шею. Босс шел молча и что-то обдумывал. Вид у него был сердитый, отчего Аннет почувствовала настоящую потребность повиниться. Она несколько раз глянула на его профиль и, наконец, отважилась завязать разговор:

– Простите, господин Молиаро, я чуть не провалила экспертизу. Это вы помогли мне почувствовать себя уверенно, не так ли? Вот уж не думала, что вы эмпат.

– Разочарованы? – отозвался Максимилиан, моментально приходя в добродушно-насмешливое расположение духа. – Поди, верили, что я странгулятор или пиромансер? Пиромансеры, конечно, интересные ребята. Горячие и опасные. Не то что мы, скучные эмпаты.

– С эмпатами тоже нужно держаться начеку. Вы повелеваете подсознанием, а значит, имеете власть над людьми, – произнесла Аннет с некоторой опаской.

– Это не обо мне, – сухо открестился Максимилиан. – Мои эмпатические способности довольно ограничены. Лучше объясните, что произошло возле Лазурного поэта. Вы сделали странные отметки в хронограмме.

– Потом расскажу, ладно? – смешалась Аннет. – Я сейчас плохо соображаю. После вхождения в транс я чувствую себя как выжатый лимон. Сами видели, сенситив я слабый и бестолковый. Да чего уж там, признаюсь: мне сертификат в академии дали только благодаря заслугам отца.

– Не наговаривайте на себя. Вы прекрасно справились.

– С вашей помощью.

– В знак благодарности не откажетесь вечером поужинать со мной в ресторанчике у озера? Пора нам узнать друг друга поближе.

Ей почудилось, что вопрос прозвучал твердо, словно и не вопрос это был, а приказ.

Аннет нахмурилась. Опять Максимилиан молниеносно перешел от игривой насмешки к жесткой напористости! Он что, теряет терпение? Рассчитывает, что теперь она станет более склоннее и после ужина отправится в его номер? Нет уж, дудки.

– Посмотрим, – туманно пообещала Аннет и решила, что запрется вечером у себя в комнате и носа оттуда не высунет.

Стало неловко за домыслы, которые могли оказаться беспочвенными. Она покосилась на своего спутника и сказала:

– Послушайте, господин Молиаро, – вы ступайте в гостиницу, а я пройду по магазинам.

– Я с вами.

– Спасибо, не стоит.

Максимилиан насупился, пожал плечами, учтиво кивнул и ушел. Кажется, обиделся. Аннет устало опустилась на нагретую солнцем скамью у фонтана и принялась наблюдать. За два последних дня столько всего произошло! Ей была нужна минутка покоя – привести мысли в порядок.

Красивое место! Фонтан не уступал прочим диковинам Механисбурга: это был и фонтан, и часы одновременно. Прозрачный циферблат с медными цифрами крепился к стальной арке. Под циферблатом раскачивался массивный маятник. Арку венчала бронзовая обнаженная фигура Хроноса. Длиннобородый хранитель времени держал в руках кувшин, из которого

витой струйкой вытекала вода и с шумом разбивалась о движущиеся шестеренки в основании фонтана.

Сооружение журчало, булькало, скрипело и тикало, и шум этот успокаивал, а вода давала приятную прохладу.

На площади было полно людей. Гуляли туристы. Дети подставляли ладошки под струи воды. Голуби ворковали и дрались из-за куска хлеба.

Неуклюже лавируя среди детворы, сквозь толпу прошел бургомистр Гильоше и поспешил к ратуше. Следом, увлеченные разговором, брели мастер Ангренаж и госпожа Соннери. Механик что-то сердито выговаривал своей кухне, а та слушала, поджав губы. Аннет проводила их любопытным взглядом.

Пыхтя и отдуваясь, к уличному кафе подошел полицейский Пендельфедер, обмахивая лысину платком, потребовал кружку лимонада.

Шарманщик Петр прокатил свой смешной велосипед. На багажнике ехала шарманка.

Аннет принялась размышлять, и не последнее место в ее мыслях занимал Максимилиан Молинаро.

Сегодня он немало ее удивил. Надо же, он эмпат и умеет управлять чужим подсознанием! Пришел на помощь и, кажется, вовсе не сердился на нее. Однако его шутки начали надоедать. Понятно, что босс развлекается: разыгрывает перед ней эдакого ловеласа, киношного злодея-соблазнителя. Мол, что хотите видеть – то и получайте. Пытается преподать ей урок. Неужели он и впрямь твердо намерен закрутить с ней ни к чему не обязывающую интрижку? Нет, нет, это не для нее. Хватит с нее Бастиана и его натурщиц.

А может, Максимилиан всерьез ею увлекся?

Аннет не на шутку разволновалась. Глупости какие. С чего вдруг? Ясно одно: человек он хитрый, непростой, и, если захочет – будет действовать настойчиво. Разделается со своей жертвой так ловко, что и не заметишь, как пропала.

Порыв ветра разбил струи на каскад брызг. Аннет промочила блузку, нехотя поднялась и застыла как вкопанная, увидев в толпе у пивной лавки знакомый клетчатый пиджак и картуз. Швиц! Теперь ошибки быть не могло: несомненно, это был грубиян, с которым она повздорила на дирижабле! Звякнул колокольчик, Швиц вошел внутрь.

Аннет замешкалась. Хорошо бы последовать за ним и задать пару вопросов. Смелая, уверенная в себе женщина так бы и поступила, но Аннет колебалась. Страшновато! Кто знает, что взбредет ему в голову?

Может, рассказать Молинаро о встрече? Он человек бывалый. Механисбург – городишко небольшой; босс сумеет найти Швица и потолковать о том, что случилось на дирижабле. И не он ли гнался за ней в лабиринте? Впрочем, Аннет и сама уже сомневалась, что Швиц хотел с ней разделаться. Воображение у нее богатое, что есть, то есть. Одно дело – перепалка, другое дело – убийство. На него не пошел бы даже такой дикарь, как этот гельманш.

Возбужденная Аннет поднялась в номер. Захлопнула дверь, бессильно прислонилась к ней спиной и на секунду закрыла глаза. Внезапно ноздри защекотал приторный запах розового масла с оттенком валерьяновых капель. Ни с того ни с сего сознание царапнула острая тревога. Кто знает почему, но ей показалось, что в комнате спрятался посторонний. Нехорошо: теперь ей везде чудится преследователь! Так и неврастеничкой стать недолго.

Аннет скинула туфли, уронила сумку на пол и прошла в комнату. Раздался шорох, взметнулась белая тень; девушка ойкнула, схватилась за сердце, но тут же отругала себя. Это всего лишь ветер ворвался через открытую балконную дверь и запутался в занавеске. Однако тревога не отпускала.

Запах роз стал сильнее. Аннет в раздражении огляделась: откуда он? А когда увидела источник, возмутилась.

На каминной полке, у ног механической скульптурки купидона, что украшала часы, лежала темно-красная махровая роза. Кто-то побывал в номере в отсутствие Аннет и оставил этот знак внимания. Ну разумеется, невыносимый наследник династии Молиаро, кто же еще! Приревновал к Ангренажу и решил сделать ответный шаг. Проник в ее комнату без спроса. Как пить дать, перелез через балкон или забрался по пожарной лестнице. Это уж слишком!

Аннет обожала театр, но мужчин, способных на театральные выходки, с недавних пор недолюбливала. Таких, как ее бывший возлюбленный Бастиан.

Однажды романтичный скульптор нанял группу музыкантов, чтобы они поздно вечером исполнили под ее окнами балладу. Аннет тогда жила с родителями. На первом этаже особняка снимала комнату семейная пара с тремя малолетними детьми. Пронзительное пиликанье скрипки и блеющий тенор певца разбудили капризных отпрысков. Взбешенный отец семейства выскочил на улицу и затеял перепалку, которая в один миг переросла в драку. Вскоре потасовка захватила всю улицу. К развлечению охотно присоединились нетрезвые завсегдатаи студенческого кафе из дома напротив. Скрипки с жалобным треньканьем ломались о головы, звенели разбитые бутылки, жители домов выплескивали на драчунов помои и громко судачили о легкомысленной профессорской дочке. Почтенный профессор Вик спрятался в своем кабинете, мать бранилась, а сестра хохотала.

Приехала полиция и увела буянов в участок. Отцу Аннет пришлось давать показания. На этом дело не кончилось: когда музыкантов выпустили из каталажки, они опять заявили под окна квартиры профессора Вика и принялись громко требовать денег – как выяснилось, Бастиан оплатил лишь задаток, а затем уехал на выходные из города, забыв отдать остальное. При воспоминании о пережитом позоре Аннет до сих пор мутило.

И Молиаро туда же! Вломился как вор, чтобы тайно подбросить розу. Глупая выходка, и ни капли его не красит.

Кипя от возмущения и испытывая глубокое разочарование, Аннет решительно зашагала к камину. Пришла пора объясниться раз и навсегда. Сейчас она предъявит Молиаро цветок, выскажет все, что думает о его навязчивом поведении, а затем потребует оставить ее в покое.

Она встала у каминной доски, осторожно потянула за длинный стебель, но тут же отвлеклась: шелковая ткань чулка неприятно обвисла и поползла вниз по бедру. Аннет торопливо задрала край юбки: патентованный каучуковый зажим опять подвел! Выругалась и наклонилась. Раздался щелчок: над головой свистнуло, что-то с шумом пронеслось по комнате и глухо стукнуло.

Девушка от неожиданности дернулась, уселась на пол и растерянно подняла глаза на часы с механическим купидоном. Бронзовый мальчишка по-прежнему хищно всматривался в невидимую цель, сжимая лук в пухлых руках, но стрелы – острой, тяжелой, размером с охотничий дротик – в нем не было. Зажужжало, крылья за спиной купидона плавно опустились.

Медленно-медленно перевела взгляд: из деревянной опоры кроватного балдахина торчало бронзовое оперение. Не нагнись Аннет поправить чулок, стрела бы вошла в ее левый глаз.

Аннет икнула от страха и поднесла дрожащую руку к губам, пытаясь осмыслить произошедшее. Бронзовый купидон оказался не простым украшением каминных часов, а опасным оружием, которое чуть не прикончило ее!

С этой пугающей мыслью девушка кое-как поднялась с пола, на дрожащих ногах вышла в коридор и заколотила в соседнюю дверь.

Дверь распахнулась, на пороге появился удивленный босс. Он был без пиджака, в рубашке и брюках со спущенными подтяжками, в руке зажженная сигара.

– Что происходит у меня в номере?! – набросилась на него Аннет, не дав раскрыть рот. Максимилиан вздернул бровь и задумчиво почесал косо подрезанный бак.

– Не имею ни малейшего представления. К себе в номер вы меня пока еще не приглашали.

Аннет схватила его за рукав и потащила за собой. С веселым недоумением Максимилиан подчинился.

– Вот, – Аннет направила палец на торчащую в опоре стрелу, затем указала на купидона, а затем ткнула в грудь босса:

– Эта штука меня чуть не убила, когда я пыталась взять вашу розу.

– Терпеть не могу розы, – рассеянно отозвался Максимилиан, приблизившись к часам и потрогав указательным пальцем тетиву миниатюрного лука. – Они благоухают, как духи гуляющих девиц на площади Разбитых надежд.

Затем он подошел к кровати, взялся за бронзовое оперение, потянул, но тут же выпустил.

– Ну и дела, – отрывисто произнес он и бросил на Аннет непонятный взгляд. – Говорите, вы подошли к часам, и купидон выстрелил?

– Именно. Я бы погибла, если бы не наклонилась. Мой чулок опять... – Аннет осеклась.

Максимилиан прошелся по номеру, зачем-то вышел на балкон, а когда вернулся, запер балконную дверь и решил:

– Вызовем управляющего. Будем разбираться.

Низенький управляющий, одетый как местный житель – в короткие брюки на помочах, гетры, свитер и кожаный жилет, – в возмущении потрясал руками и пыхтел как взбесившийся паровоз.

– Уважаемая госпожа Вик, – наконец выговорил он, гневно вытаращив глаза, – вы не можете обвинять гостиницу в том, что чуть не пострадали по собственной неосторожности. Такие часы стоят в каждой комнате. Да-да, созданные самим мастером Жакемаром! Это старинное приспособление для охраны миниатюрных сейфов. Корпус часов и есть сейф. В былые времена постояльцы держали там драгоценности. Стоит грабителю попытаться открыть дверцу – хоп-ля! – купидон выпускает стрелу, грабитель лишается глаза и зарекается нарушать закон. Двести лет назад с преступниками не церемонились. Но по соображениям безопасности гостиница давным-давно превратила купидонов в номерах в совершенно безобидных мальчишек... предохранители зафиксированы, выстрела произойти не может, если не убрать зажим. Сделать это непросто, но среди постояльцев бывают люди настойчивые, и, скажем, не очень умные. Вот поэтому мы и оставили возле часов таблички. Госпожа Вик обучена читать, не так ли? «Просим уважаемых постояльцев не трогать часы! В противном случае пеняйте на себя», – гласит она.

– Вы в своем уме, господин Туррель? – спросил Максимилиан таким ледяным тоном, что управляющий моментально скис. – Вы подвергаете людей опасности. А если бы часы захотел разобрать ребенок?

– Он бы не справился, – не пожелал сдаться господин Туррель. – Предохранитель надежен, как слово королевского банкира!

– Вы плохо знаете детей. Эти часы-ловушки нужно убрать из номеров немедленно.

– Невозможно, невысказано! Они стоят здесь две сотни лет, с того дня, как в «Механическом купидоне» остановился первый постоялец! Это изюминка гостиницы, то, что привлекает туристов! Госпожа Вик, признайтесь, вы залезли внутрь купидона и сняли предохранитель, верно?

– Нет! Вчера я всего лишь потрогала шестеренки, а сегодня хотела забрать розу...

– Вот! – управляющий торжествующе поднял палец. – Признайтесь, вы не просто трогали шестеренки. Вы спустили предохранитель!

– Какую розу? – спросил Максимилиан раздраженно. – Вы не в первый раз упоминаете о розе.

– Ту самую, которую вы принесли тайком в мой номер.

– Никаких роз я не приносил, да еще тайком. Я вам что, зеленый, по уши влюбленный мальчишка? Вы можете вообразить меня карабкающимся по пожарной лестнице с розой в зубах? Уму непостижимо. Я бы подарил вам лилии. Открыто, не таясь. Ну и где эта роза?

Аннет оглядела номер. Роза пропала. Ее не было ни на камине, ни на полу, ни под кроватью.

Управляющий сочувственно произнес:

– Вероятно, вы, уважаемая госпожа Вик, перегрелись на горном солнце и видите вещи, которых нет, и делаете вещи, которых не помните.

– Послушайте, как я сейчас поступлю, господин Туррель, – медленно произнес Максимилиан. – Я приглашу полицию и зафиксирую факт причинения вреда постоялице по вине гостиницы. Затем я вызову своего поверенного, вчиню иск, и вам придется продать это заведение, чтобы рассчитаться по претензии.

Господин Туррель побледнел.

– Полноте, полноте господин Молиаро! К чему такие радикальные меры? Два разумных человека прекрасно могут договориться. Ладно, я признаю, что мы поступили несколько неосмотрительно... Что если я предложу вам компенсацию: бесплатное проживание в номере на протяжении месяца, плюс бесплатное питание в лучших ресторанах города – тех, что принадлежат владельцам «Купидона», – плюс бесплатный прокат лодок на озере? И бесплатные экскурсии в горы с нашим лучшим проводником! Вы не станете писать своему поверенному, а проведете в Механисбурге незабываемый отпуск! По рукам?

– Я посоветуюсь с госпожой Вик. В конце концов, она пострадавшая сторона.

– Не надо никакого поверенного и никакого иска, – пролепетала сбитая с толку Аннет. – И подарков ваших мне не надо, господин Туррель.

– Я бы хотел поговорить с горничной, – потребовал Максимилиан. – Нужно узнать, не заходила ли она в номер. Идемте, господин Туррель. Аннет, ждите здесь. Из номера ни шагу.

Глава 9. Тайна Лазурного поэта

Следующий час царила суматоха. Максимилиан ушел и долго не возвращался. Стрелу извлекли из кровати, злополучные часы убрали, бурные извинения принесли. Когда Аннет осталась одна, от огорчения решила послушаться босса и спустилась на первый этаж в ресторан, где ей принесли коллекционное шерри за счет заведения. Так, потягивая светло-янтарный напиток, размышляя о случившемся и слушая звон городских часов, она просидела до заката.

Наконец, появился Максимилиан. Он недовольно покачал головой, занял соседний стул, положил ногу на ногу и закурил сигару. Аннет поджала губы – она не одобряла его дурной привычки – а затем торжествующе сообщила:

– Меня опять хотели убить. И не вздумайте утверждать, что я драматизирую.

Максимилиан неопределенно пожал плечами и выпустил струю дыма.

– Кто-то проник в мой номер и зарядил ловушку. Роза послужила приманкой. Как только я ее потянула, ловушка сработала. Злодей все время стоял на балконе. Пока я бегала за вами, он забрал розу и спустился по пожарной лестнице.

– Ваш мифический злодей придумал смелый, но ненадежный план.

– Вы мне верите?

– Есть шанс, что вы не сочиняете, – произнес Максимилиан с некоторым сомнением. – Кстати, я побеседовал с горничной – эта девица ничего не видела, ничего не слышала и никакой розы к вам в номер не приносила.

– Зачем кому-то меня убивать?

– Вот и мне интересно. Сдается, в Механисбурге не любят хронологов. Вальвазор, наш прежний хронолог, пропал в его окрестностях. Завтра собираюсь зайти в полицейское отделение и расспросить, как идут поиски тела на месте обвала. Ранее в гибели Вальвазора не нашли ничего подозрительного, но теперь я полон сомнений.

– Почему? – спросила Аннет, трепеща.

Несмотря на ужасные предположения, ее охватил азарт от мысли о том, что она оказалась в гуще странных происшествий. Живот свело сладкой судорогой, сердце забило от ужаса и возбуждения. Кто-то счел ее настолько важной персоной, что пожелал убрать! В точности как случайную свидетельницу в синематографической ленте «Убийца не носит свитер». Мэри Рикфорд там была великолепна. Как храбро она разделалась с негодяем при помощи спиц для вязания! А когда главный герой страстно прижал ее к своей груди...

– Что вы увидели на хронограмме? – спросил босс, вернув Аннет в реальность.

– Не только на хронограмме, но и на энергетической реплике автомата. Мне показалось, я увидела вкрапления алого цвета. Этот оттенок характерен для деталей, сделанных в наше время. Кроме того, некоторые узлы на реплике пульсировали, что говорит о вмешательстве в механизм, нарушении изначального замысла мастера... неужели автоматон хотели подделать? Но зачем? И хронограмма указывает на конец восемнадцатого века, то есть о подделке речь не идет...

– На энергетической реплике? – Босс подался вперед и даже сигару отложил от изумления. – Вы что, репликатор? И умеете видеть и создавать энергетические копии предметов? Быть того не может.

Аннет внезапно прорвало.

– Да, мой второй талант – репликация! – произнесла она с вызовом. – Когда это поняли мои наставники в академии, у них были такие же дурацко-удивленные лица, как и у вас. Вечно на меня смотрели как на корову с куриными крыльями! Вроде и забавно, но и пользы от них никакой, разве что от мошкары отмахиваться. Я и хронолог-то неважный, а репликацией поль-

зоваться и вовсе не умею. Меня не учили. «Женщин-хронологов не бывает! Женщина-репликатор – что-то неслыханное!» – передразнила она скрипучим голосом и отвернулась.

– Эй, – позвал ее босс. – Не обижайтесь. Для неуча вы весьма бегло рассуждаете об энергетических репликах. Вы знаете, что в королевстве всего десять зарегистрированных репликаторов? Вы, выходит, одиннадцатый... то есть одиннадцатая.

– Знаю, – ледяным тоном ответила Аннет. – Десять репликаторов-мужчин.

– Что ж вы не настояли, чтобы вашим вторым даром занялись всерьез? Вы же эта, как ее... суфражистка. Хотите, чтобы женщины могли выбирать род занятий наравне с мужчинами. Вот и вдохновили бы своих сестер личным примером. Стали бы первой женщиной-репликатором. Прищучили бы нас, самцов-зознаек.

Аннет пожала плечами.

– Обязательно прищучу, но иначе. Механизмы и древности меня не интересуют... скучно. Да и к чему лишние препоны в виде твердолобых репликаторов-мужланов, не желающих принимать в свои ряды женщину? Сражаться с ними бессмысленно. Я согласилась с наставником и не стала зря время тратить. И вообще, сенситивы – рабы своего таланта. Никто из них не волен выбирать свою судьбу. Они делают то, что от них ожидают. Вы слышали хоть раз о сенситиве-медиуме или лозоходце, который наплевал бы на свой дар и пошел в цирюльники или рестораторы? То-то же. Я вот хочу стать звездой театра. Или синематографа! К моему мнению будут прислушиваться, мне будут подражать сотни тысяч женщин! Я способная, трудолюбивая и ничего не боюсь!

Скептический вид босса уязвил ее, и Аннет распалилась. Ей очень хотелось, чтобы Максимилиан принял ее всерьез. Пусть поймет, какая она молодец. Выбрала свой путь и не свернет с него. Никакие трудности ей не страшны.

Максимилиан внимательно слушал, и его лицо поочередно отражало целую гамму не поддающихся определению чувств. Несколько раз он порывался что-то сказать, но лишь крепче сжимал губы, пока они не побелели; пробарабанил пальцами быструю мелодию по столешнице, поерзал на месте, страдальчески наморщил лоб и, наконец, смущенно прокашлялся.

Аннет замолчала, чтобы перевести дух, и Максимилиан решился. Он покачал головой, потер длинный подбородок и медленно произнес:

– Поразительно. Никогда не видел настолько неуверенного в себе человека с потрясающе низкой самооценкой.

В его голосе не было ни капли иронии. Аннет похолодела. Максимилиан подался вперед и продолжал:

– Наконец-то до меня дошло... ваш показной бунтарский дух, ваши выдумки и причудливые наряды говорят об одном: вы боитесь. Вы выбрали маску и носите ее лишь потому, что постоянно сомневаетесь и считаете себя хуже окружающих. И поэтому решили зарыть свой настоящий талант в землю. Это проще, не так ли? Сейчас каждая поломойка и кухарка мечтает стать актрисой. Допустим, у вас получится. Но даже сделав решительный шаг, вы сомневаетесь. Могли ведь отказаться поехать со мной. Подумаешь, деньги и рекомендации! Записались бы на актерские курсы и вечерами работали. Упорно шли к цели. Но вы так не поступили, нет! Потрепыхались и сдались. Эта поездка позволила вам потянуть время еще немного, а заодно переложить право принимать решения на чужие плечи.

Аннет чувствовала, как по шее ползут красные пятна. Максимилиан словно раздел ее – нет, не раздел – освежевал, препарировал, и теперь она сидела перед ним, уязвимая и беззащитная. Как есть людоед!

Людоед смотрел на нее с досадой и сочувствием.

– Вы и сами этого не осознавали, верно? – сказал он, наконец. – Люди часто не понимают, что они действительно хотят и могут.

Аннет стало очень жарко, потом она ужасно разозлилась, а потом внезапно остыла и почувствовала смертельную усталость. Прекрасно. Максимилиан видел ее в самые неприглядные минуты, а теперь еще и знает все ее слабости. Ну и пусть. Хуже уже быть не может.

Максимилиан тем временем продолжал говорить, тихо, но внушительно.

– Наверное, я сильно уязвил вашу гордость и в эту самую минуту вы меня ненавидите. Пускай. Вот что скажу: не уходите в мир фантазий, Аннет. Жизнь – не синематографический роман, где героине все подносят на блюдечке только потому, что она хорошая, красивая и острая на язык. Битву нельзя выиграть только на словах. Часто приходится идти на жертвы и не думать о последствиях. А вы, Аннет, куда сильнее, чем думаете.

Она молчала. Как теперь с ним разговаривать? Наконец, сухо произнесла:

– Закончили разбирать меня по косточкам? Если да, то вернемся к Лазурному поэту, вы не против?

Максимилиан откинулся на спинку, вздохнул и сделал неопределенный жест рукой. Аннет спросила, стараясь, чтобы голос ее звучал спокойно:

– Вы думаете, Вальватор тоже увидел в хронограмме что-то странное, и его решили убрать? А теперь пришел мой черед? Может, и с дирижабля меня хотели выбросить неспроста?

– Пока у нас нет оснований делать такие выводы.

– Это был кто-то из наследников Жакемара, – решила Аннет. – Кстати, все они слышали, как я расписывалась в любви к розам. Поэтому злоумышленник решил использовать розу как приманку в ловушке. Ставлю на бургомистра или госпожу Соннери. Оба грубияны, и обоим я не понравилась.

– Весомый довод, ничего не скажешь. Ладно, допустим, вы правы.

– Ну а вы кого подозреваете?

– Ставлю на шарманщика или хромого механика.

– Почему?

– Это я следую вашей логике. Называю тех, кто мне не нравится. Петр прикидывается простачком. А Ангренаж разбирается в механике и выглядит как заправский злодей из романа ужасов.

– Нельзя судить людей по внешности.

– А по чему еще их судить? Не преувеличивайте способность людей к мимикрии. Характер так или иначе отражается на лице, в манере одеваться и вести себя. Дамочки из благотворительных организаций любят повторять, что внешность не главное в человеке, и смело подбирают на улице оборванца с клеймом каторжанина. Знаете, сколько таких дамочек потом находят с перерезанным горлом?

– И все же вы не правы. Я разбираюсь в людях. Карл на злодейство не способен.

– Не обижайтесь, но вы разбираетесь в людях как кошка в огурцах. Сужу по вашему отношению ко мне.

– Зря вы так про кошек, – парировала Аннет. – В поместье моего деда есть кот, который лакомится огурцами в теплице. Он грызет только самые сладкие, а горькие не трогает.

Ехидный обмен любезностями, полный взаимных уколов, помог ей прийти в себя. Неловкость и злость первых минут, когда Максимилиану вздумалось вывалить на нее свои умозаключения, исчезли. Теперь она чувствовала себя в его компании иначе – свободнее, легче. Можно говорить что хочешь и вести себя как хочешь.

Максимилиан рассмеялся.

– Ладно, уговорили. И все же хромой механик мне не нравится. Он смотрит на вас таким приторным взглядом, что хочется отхлестать его по щекам.

– Экий вы задира! – заметила Аннет с упреком. – Когда вы ушли в гостиницу, я сидела у фонтана и видела, как наследники Жакемара прогуливались рядом. О, послушайте! Вспом-

нила: я ведь встретила Швица – ну, того грубияна с дирижабля! Это точно был он. Любой из них мог прокрасться ко мне в номер.

– Вот как? – скептически произнес Максимилиан. – Если призвать здравый смысл, то никого подозревать мы не можем просто потому, что ничегошеньки пока не знаем и все наши подозрения ни на чем не основываются. На дирижабле вы никого не видели. Происшествие с купидоном могло быть простым совпадением. Как утверждает скользкий управляющий, вы могли спустить предохранитель случайно. А роза... сами положили ее к ногам купидона и забыли. А потом по рассеянности выбросили, когда ринулись ко мне в номер. Кстати, где тот цветок, что всучил вам в музее Ангренаж?

– Кажется, выкинула, как только мы вышли на улицу. Максимилиан, я что, совсем дурочка, по-вашему?

– Тихо, тихо, не заводитесь, – успокоил ее Максимилиан. – Я просто перебираю варианты. Больно все странно. И мне, уж простите, хорошо известно, что вы особа с богатым воображением.

Аннет надулась, но Максимилиан примирительно сказал:

– Я склонен вам верить. Передайте меню, будьте добры. Поужинаем, а потом поднимемся в гостиную и хорошенько изучим Лазурного поэта. Его доставили час назад. Заодно подумаем, чем вы могли не угодить злоумышленникам.

После ужина, за которым Аннет не смогла проглотить ни кусочка, поднялись в номер Максимилиана. Босс отпер дверь, опустил шторы и зажег настенный светильник под оранжевым абажуром. Аннет с любопытством осмотрелась.

Оказалось, Максимилиан на правах начальника поселился в куда более роскошном номере, чем тот, что отвели Аннет. Здесь было две комнаты: полупустая гостиная, в которую они вошли, и спальня. Заметив, с каким интересом Аннет изучала старинную мебель из темного дуба – восемнадцатый век, не иначе! – босс кивнул на соседнюю дверь и предложил с усмешкой:

– Хотите осмотреть спальню? Кровать там впечатляющая, раза в два больше вашей. И никаких часов с луком и стрелами.

– Нет уж, спасибо, – отозвалась Аннет и прошла к предмету, который занимал ее больше всего: автоматону «Лазурный поэт». Как и в музее, он сидел на своей оттоманке перед изящным столиком и хитро всматривался в сумрак из-под полуприкрытых век. Он выглядел удивительно живым, хотя пропорции его фарфоровой физиономии были кукольными – глаза слишком большие, скулы слишком острые, а нос слишком тонкий.

– Его доставили днем, когда вы гуляли возле фонтана, – объяснил Максимилиан.

Он по-своему скинул пиджак, повесил на спинку стула и встал плечом к плечу с Аннет, сложив руки на груди. Аннет покосилась на босса и отошла. Запах его одеколona был приятным, но будил в ней странные чувства. Он вызывал образы горячего песка и экзотических, загорелых путешественников, ведущих по пустыне караваны, груженные специями.

– Удивительно, насколько эта кукла похожа на Ангренажа, – заметила она, чтобы отвлечься. – Эти черты я узнала и в маске над театром, и в каменном изваянии у входа в канатную станцию.

– Старый мастер присутствует в этом городе повсюду. В своих изделиях и в своих наследниках, – заметил босс. Он сделал шаг и опять встал рядом, даже плечом коснулся. – Удивительный был человек. Свободно говорил на двенадцати языках. Изучал алхимию, медицину, механику, часовое дело, гидрологию и математику. Умел ходить по канату, стрелял с двух рук. С завязанными глазами без промаха попадал из двух мушкетов в разные цели с пятидесяти ярдов. Он был амбидекстром.

– Да, помню. Одинаково хорошо владел обеими руками.

– Жакемар освоил интересный вид письма: начинал писать фразу с начала и конца одновременно. Заканчивал строфу стихотворения посередине страницы. Стихи он сочинял сам, и весьма талантливо. А ночью, особенно в полнолуние, с ним творилось странное. Во сне он вставал и принимался бродить по городу. Его лунатизм породил немало легенд среди местных жителей. Современники Жакемара утверждали, что он мог беспрепятственно проникать сквозь стены домов, как бестелесный дух. Подслушивал разговоры, а то и прокрадывался в постели хорошеньких горожанок.

Аннет подошла к автомату и опустилась на табурет рядом.

– Хотите еще раз снять хронограмму? – поинтересовался Максимилиан.

– Пока не смогу. Я сегодня уже дважды входила в транс. Силы восстановятся через сутки, не раньше. Да и незачем: ничего нового я не увижу.

– Где вам привиделись алые точки? Те, которые говорят о том, что в механизме кто-то копался?

– Здесь и здесь. Три или пять точек, расположенные в виде короны.

Аннет быстро коснулась затылка и верхней части спины Поэта.

– Он выглядит целым. Я его осматривал. Пломбы не нарушены.

– Он работает?

– Да, я проверял. Хотите посмотреть?

Максимилиан подошел к секретеру и достал из ящика обтянутый бархатом футляр. На красной подушечке лежал бронзовый ключ с причудливой бородкой. Босс подошел к Поэту и оттянул у затылка батистовый воротник. На гладкой фарфоровой спине Поэта обнаружилась бронзовая пластина со скважиной. Максимилиан вставил ключ, повернул несколько раз и нажал расположенный рядом крошечный рычажок. Раздалось жужжание.

Автоматон ожил столь внезапно, что Аннет вскопчила с табурета. Поэт повернул голову и резко поднял веки. Стекланные глаза двинулись налево, а затем направо. Аннет показалось, что они задержались на ней, как будто кукла внимательно рассматривала ее. Затем Поэт наклонил голову и принялся неторопливо водить карандашом по бумаге. Его глаза следили за грифельным кончиком, время от времени он приоткрывал рот и проводил по красным губам острым кончиком языка. Во рту у куклы пощелкивало.

Поэт строчил безостановочно, и Аннет наблюдала за ним в оцепенении. Появилось гадливое чувство. Слишком естественные движения совершала кукла, слишком хитро помаргивали ее тяжелые веки и слишком коварно улыбался чувственный рот – как будто это был заколдованный уродец ростом с десятилетнего ребенка.

Наконец, жужжание стихло. Автоматон в последний раз дернул рукой. Раздался хруст – карандаш сломался. Автоматон медленно поднял руку и затих.

Максимилиан вытащил обломок из сведенных пальцев Поэта, взял исписанный лист бумаги и подал его Аннет. Девушка пробежала строки глазами.

– У него отличный почерк, – пробормотала она и прочитала вслух:

– «Нагих грудей твоих касанье зажгло в моих чреслах огонь...»

Она покраснела и бросила листок на стол. Максимилиан рассмеялся.

– Ну и Лазурный поэт! – сказала она сердито. – Вульгарный стихоплет, вот он кто.

– Жакемар был известный волокита, – заметил Максимилиан. – Четырех жен похоронил, а жители города прятали от него своих дочерей.

– И когда только все успевал, – пробормотала Аннет. – Этот автоматон умеет лишь писать пошлые куплеты, больше ничего?

– Некоторые люди умеют и того меньше.

Аннет в задумчивости обошла куклу по кругу. Казалось, механический уродец вот-вот вскочит со своего стульчика и зловеще расхохочется, клацая фарфоровой челюстью.

– Он страшный. Не боитесь спать рядом с ним в соседней комнате?

– Боюсь, – живо согласился Максимилиан. – Можно я переночую у вас в номере? Если опасаетесь за свою честь, могу положить между нами меч, как рыцарь в старину. Сбегаю вниз и стащу один со стены в вестибюле.

– Что же с ним не так? – продолжала размышлять Аннет. – Нужно найти другого, опытного хронолога. А лучше репликатора. Пусть посмотрит на его внутренности внимательнее.

– Где я вам быстро найду другого репликатора? Да и зачем? Автоматон выглядит отлично, работает исправно. Клиент будет доволен.

– Ну да, какое вам дело. Лишь бы клиент заплатил. Вы ни капли мне не верите.

– Аннет, – Максимилиан взял ее за руку и удержал. – Я вам верю. Во время экспертизы в музее мне кое-что показалось...

Он замешкался, разжал пальцы, отошел к столу, налил из графина воды, отпил и задумался. Затем поведал нехотя:

– Когда вы входили в транс, я почувствовал, что кто-то из присутствующих использовал один редкий, запрещенный прием, которым владеют единицы. Есть люди, наделенные необычным талантом: они умеют подавлять дар других сенситивов. Их называют глушителями. Я ни разу с таким не сталкивался, поэтому не уверен в том, что произошло... но мне показалось, что один из свидетелей экспертизы постарался вывести вас из строя.

– Не может быть! – ахнула Аннет. – Нам рассказывали про глушителей в Академии. Да, да, я тоже почувствовала неладное! Я неумелый хронолог, но не настолько! Но кто? Шарманщик Петр? Он единственный из них владеет даром.

– Этот человек мог быть незарегистрированным сенситивом. Такое редко, но случается. Это необязательно Петр.

– Все встает на свои места! – воскликнула Аннет. – У Лазурного поэта есть тайна, и я подошла к ней слишком близко.

Она вновь села рядом с автоматом и принялась внимательно его разглядывать.

– Жалко, он не умеет говорить. Рассказал бы нам, в чем дело.

– Если он произнесет хоть звук, я умру от страха, – с дрожью в голосе сказала Аннет. – Можно завести его еще раз? Давайте дадим ему целый карандаш.

Максимилиан принялся шарить в ящике секретера, но Аннет опередила его. Достала из сумочки собственный любимый карандаш – позолоченный, из мягкой благородной древесины – и осторожно просунула в щель тонких пальцев автомата.

– Это левая рука, – заметил Максимилиан. – Автоматон пишет правой, вы что, не обратили внимания?

Он покрутил ключ в спине автомата, вставил ему в правую руку второй карандаш и нажал рычаг. И тут автоматон сделал то, чего втайне опасалась Аннет. Он рассмеялся.

Все было так, как нарисовала ее фантазия: фарфоровые челюсти дробно застучали, стеклянные глаза принялись вращаться в орбитах. К счастью, Поэт смеялся беззвучно, но зрелище было без того жутковатое. Аннет вскочила, взвизгнула и кинулась к Максимилиану. Тот немедленно приобнял ее за плечи.

Лазурный поэт резким движением опустил обе руки на стол и принялся писать – сразу двумя карандашами. Руки расходились на ширину листа, торопливо вычерчивали буквы и странные символы, медленно сближаясь. Затем автоматон разводил руки и принимался за следующую строку. Жужжали валики, мерно пощелкивал механизм, шуршал грифель. Максимилиан и Аннет затаили дыхание.

– С ума сойти! – потрясенно воскликнула Аннет, когда завод кончился и автоматон замер. Ей было ужасно любопытно, что такое написал Поэт, но подойти к нему она побаивалась. – Он раньше делал так?

– Нет, – не менее потрясенно произнес Максимилиан. – Никому не приходило в голову дать Поэту два карандаша одновременно. Все верно: именно так и писал Жакемар! Вы слу-

чайно запустили какой-то скрытый механизм, когда сунули ему в руку второй карандаш. Посмотрим, что он нам поведал. Сдается, сейчас мы узнаем страшную тайну.

– Что это такое? – спросила Аннет, когда Максимилиан протянул ей исписанный лист бумаги. – Это не стихи. Здесь всего лишь шесть слов. «Из сердца гор прими бесценный дар», – прочитала она. – Остальное – символы, цифры, рисунки...

Максимилиан заглядывал через плечо Аннет, весьма вольно положив руку на ее талию, но девушка была так увлечена, что не возражала.

– Схематическое изображение циферблата, – уверенно сообщила она, тыкая пальцем в бумагу. – Стрелки показывают пять с четвертью. А это пчела. Видите крылышки и жало? Затем он изобразил колокол. Похож на морской. Вот язык, вот ушко. Орел и рядом цифра пять. Смотрите, рисунок сердца... оно механическое, составлено из шестеренок! Как любопытно! А вот что это за круги?

– План, – медленно произнес Максимилиан. Аннет ощутила, как его теплое дыхание пощекотало ей ухо, спохватилась, неловко сбросила его руку с талии и отошла. Максимилиан продолжил как ни в чем не бывало:

– Я видел подобные схемы в учебнике по лабиринтистике. Поэт нарисовал простой концентрический лабиринт, но видите – здесь стрелка. Она наверняка показывает определенное место, где что-то спрятано...

– Сокровище?!

– Мастерская Жакемара.

Аннет и Максимилиан посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

– Какие мы молодцы! Вывели у Поэта секрет, над которым бьются наследники мастера без малого две сотни лет.

– Не очень-то радуйтесь, – заметила Аннет. – Остаются два вопроса: где этот лабиринт и что это за цифра и символы. И строка про бесценный дар. Лабиринт в горах? Или Живой лабиринт, в котором мы гуляли?

– Мастерская здесь, в городе. Жакемар не стал бы мотаться в горы каждый раз, когда ему приходило в голову вылезти из постели очередной красотки и поработать. Живой лабиринт не концентрический. Ничего общего со схемой. Два символа из пяти мне прекрасно известны. Вы не узнали циферблат? Именно он изображен на брелоке, который показывал Ангренаж. А символ пчелы... вот он.

Максимилиан взял стола свои часы, что-то отстегнул от цепочки и протянул Аннет.

– Вы не успели рассмотреть брелок в прошлый раз. Ангренаж подсутился и перехватил его.

Аннет живо схватила золотой кругляш и поднесла к глазам. На блестящей поверхности раскинула крылья выпуклая пчела. Аннет восторженно погладила пчелу, нехотя вернула брелок Максимилиану, опустила в кресло и откинулась на спинку.

Минуту она сидела молча, потрясенная открытием. В комнате царил таинственный полумрак. В коридорах гостиницы стояла тишина, только за окнами едва слышно шелестел ветер. Стекланные глаза Лазурного поэта мерцали. В окружающих тенях Аннет чудились неведомые существа и ловушки. Она ощущала холод подземелий и видела блеск сокровищ.

Максимилиан зажег верхний свет, сел за стол и принялся внимательно изучать листок, хмурия густые брови.

– Что мы будем делать теперь? – прервала молчание Аннет.

– Сложно решить, – пожал плечами Максимилиан и положил ладонь плашмя на стол. Аннет с жалостью глянула на изуродованный мизинец. Босс перехватил ее взгляд и торопливо убрал руку. – Если поступать по совести, нужно сообщить о находке наследникам Жакемара. Если поступать по закону, можно ни о чем не беспокоиться. Они продали Поэта, и теперь он со всеми его тайнами и механическими потрохами принадлежит фирме Молинаро. Можно

сообщить будущему покупателю, но определенной договоренности с ним нет, поэтому этот вариант я пока рассматривать не буду.

– Да, нужно все рассказать наследникам, – упавшим голосом признала Аннет. – Они могут знать, что означает прочая белиберда, которую нарисовал Поэт. Кому принадлежит клад?

– Сложный вопрос. Обычно две трети нашедшему, треть государству, но, думаю, какая-то доля должна отойти наследникам и городу.

– Они отыщут мастерскую, продадут сокровища Жакемара и спасут город. Выкупят право аренды.

– Или заберут все денежки себе и оставят город самостоятельно разбираться со своими проблемами.

– Максимилиан, – неуверенно произнесла Аннет, – я сейчас предложу одну глупую, неправильную вещь... Что, если пока никому не рассказывать об открытии? Давайте попробуем найти мастерскую самостоятельно! Не подумайте, деньги меня не интересуют! Понимаете, это... это приключение. Когда мы будем возвращаться – вы сказали, через два дня? – мы отдадим схему Ангренажу и его кузенам. Но в эти два дня попробуем разгадать загадку сами! У вас же есть опыт поиска утраченных сокровищ? В конторе болтают, вы сопровождали археологические экспедиции, удирали от дикарей, бродили по джунглям и развалинам древних храмов, искали священные статуэтки, которые потом продали клиенту за баснословную сумму...

– Согласен, предложение глупое и неправильное. Как вам такое в голову пришло? Здесь цивилизованная страна, а не джунгли. Придется нам соблюдать осторожность. С чего думаете начать поиск? Предлагаю расспросить наследников. Завтра будет как раз подходящий случай – мы идем на прием и спектакль в театре «Мимезис». Только, чур, самостоятельностью не заниматься и во всем слушать меня. И еще: если вдруг нам повезет найти мастерскую, мы не будем претендовать на долю сокровищ. Проявим благородство.

Слушаться во всем! Сложное условие. В другое время Аннет принялась бы спорить, но сейчас это было неразумно: во-первых, ей нужно было его умаслить, а во-вторых, с опытом Максимилиана по части приключений стоило считаться.

Аннет улыбнулась и торжественно заявила:

– Клянусь, господин Молиаро, буду слушать вас во всем.

– Отлично. Как бы вам только потом не пришлось пожалеть, что дали такую клятву. Я ведь могу потребовать весьма неудобные для вас вещи. Вот, приказываю: там, на столе – очередная склянка со скисшими сливками. Заберите ее. Это для вас. Намажьте на ночь лицо и вылечите уже, наконец, ожог.

Глава 10. Беглая дочь

Ночью Аннет долго не могла заснуть. За окном было тихо и темно. Городок, в котором происходили удивительные и таинственные вещи, замер до утра. Ночная тишина казалась зловещей. Поначалу Аннет прислушивалась: не раздадутся ли крадущиеся шаги или скрип открываемой балконной двери?

Ничего не происходило, лишь отбивали время уличные часы – приглушенно, не тревожа жителей, то синхронно, то вразнобой, то музыкально, то отрывисто. Пробило час, потом два, Аннет ворочалась с боку на бок и перебирала события дня, пока не загудела голова. Утомившись, от отчаяния собралась достать подарок предусмотрительной Ванессы и проверить, справится ли с бессонницей книга сладких сновидений сочинения почтенного морфеоманта Дормируса. Выбираться из-под теплого одеяла не хотелось, и пока Аннет мешкала, ее, наконец, сморило. Вопреки всему, спала она крепко и сны ей снились яркие. В них не было места ни механическому купидону со смертельной стрелой, ни зловещему фарфоровому поэту с бульварными стишками.

Под мелодию уличных часов она уснула и под нее же проснулась. Аннет показалось, что молоточки выбивают задорную польку не снаружи, а внутри комнаты, прямо у нее под ухом. Вскочила, сладко потянулась, в два счета оделась и умылась. Ее снедала жажда деятельности. День обещал приключения.

Интересно, Максимилиан еще спит? Вряд ли: уже девять! Как можно валяться в кровати, когда на носу поиск сокровищ? Нужно выяснить планы босса на день, и какое место в них отведено его ассистентке.

Аннет надела яркую шляпку, залихватски сдвинула на один глаз, подхватила сумочку, вышла в коридор и громко заколотила в соседнюю дверь.

В номере со вкусом чертыхнулись, раздались торопливые шаги, дверь распахнулась. Аннет взвизгнула и присела от неожиданности. Перед ее близорукими глазами предстал голый незнакомец с седой бородой. В одной руке он сжимал опасную бритву, в другой – окрашенное кровью полотенце.

– Что случилось?! – рявкнул незнакомец голосом Максимилиана, вытирая полотенцем мыльную пену с подбородка. – Почему вы стучите как ненормальная, а потом визжите? На вас опять напали?

Аннет мысленно отругала себя, нацепила пенсне и пояснила:

– Вы голый, окровавленный и в пене. Я вас не узнала.

– Я одет достаточно, – отрезал Максимилиан, подтягивая полосатые пижамные штаны с веселой алой ленточкой у пояса. – А вы не трепетная монашка, которая обязана упасть в обморок при виде обнаженного мужского торса.

Затем он ушел вглубь комнаты и продолжил возмущаться уже оттуда:

– Я брился, когда вы принялись ломиться в дверь. Решил, опять что-то стряслось. Может, вам подбросили отравленный букет, или очередной предмет мебели решил проткнуть вас стрелой. От испуга чуть не отхватил себе бритвой ухо. Мало того, что я девятипалый, так был бы еще и одноухий. Кто такого полюбит?! Заходите. Я уже в приличном виде.

Пройти не получилось, потому что босс вышел сам. Он был полностью одет, в летнем светло-сером костюме и белоснежной рубашке, но Аннет отчего-то смутилась. Перед глазами все еще маячила широкая обнаженная грудь, покрытая золотистыми волосками. Торс у Максимилиана был что надо: поджарый, загорелый, с хорошо развитыми мышцами. Аннет невольно сравнила босса с Бастианом. Сравнение было не в пользу скульптора. Ценитель идеальных тел стеснялся своего начинающего округляться животика и прыщавых плеч и всегда гасил свет, перед тем как раздеться и торопливо увлечь Аннет на кушетку в мастерской. Некстати поду-

малось, что на этой же самой кушетке Бастиан развлекал своих богатых покровительниц и разбитых натурщиц. Настроение испортилось.

– Какие у нас планы на день? – кисло поинтересовалась она у Максимилиана.

– Идем завтракать в город, – решил тот, запирая дверь. – Знаю прекрасное место, где подают лучший в мире омлет с розмарином.

Аннет открыла было рот, чтобы протестовать, но передумала. Завтракать так завтракать. В городе так в городе. И чем ему не угодил ресторан при гостинице?

– Прекрасное утро, – объявил Максимилиан, вышагивая по мозаичной мостовой в такт бою бесчисленных городских часов.

И он был прав. Утро выдалось действительно прекрасное.

На бирюзовом небе лениво плыли облачка, похожие на сахарную вату. Солнце окрашивало их в оттенок свежей карамели. Владельцы магазинов лениво драили тротуар мохнатыми швабрами и делились сплетнями. Чисто вымытая мозаика, изображающая сцены из жизни основателя города, переливалась как глазурь на торте, а цветы на клумбах притворялись кремовыми украшениями. Из булочных доносился умопомрачительный аромат свежей выпечки.

Аннет не выдержала и купила хрустящий багет, тут же впила в него зубами и застонала от удовольствия. Босс сердито приказал не перебивать аппетит, забрал багет, отломил добрую половину и расправился с ней в два счета.

Аппетит Аннет ни капли не пострадал, завтрак оказался выше всех похвал. Колбаски восхитительно хрустели поджаристой корочкой и при укусе брызгались горячим соком. Яичный желток растекался, как жидкое золото. Хлеб – только из печи! – обжигал пальцы.

Завтрак им накрыли на столике на террасе с видом на озеро. Аннет сняла шляпку, подставила лицо мягким утренним лучам и от души наслаждалась жизнью. Максимилиан смаковал свой омлет с розмарином и жмурился от удовольствия. Аннет смотрела на него и удивлялась.

Вчера между ними состоялся непростой разговор, но теперь она чувствовала себя в его компании куда увереннее, чем раньше. Максимилиан понимал ее лучше остальных и не постеснялся вытащить наружу ее секрет. Был неделикатен, но не осуждал, и его жалость не обижала. Рядом с ним она могла оставаться собой. А еще она привыкла к их перепалкам. Они держали ее в тонусе и настраивали на боевой лад.

– Вам понравилось, Аннет? Повар в «Механическом купидоне» начисто лишен кулинарного вдохновения, поэтому я решил вас сегодня побаловать. Вот что, когда вернемся в столицу, приглашаю в гости. На приватный ужин. Приготовлю такой сырный пирог – пальчики оближете. А наутро еще и завтраком угощу. Сделаю ваши любимые блинчики со взбитыми сливками и малиновым вареньем.

– Сырный пирог? Блинчики? – поразилась Аннет, решив проигнорировать двусмысленность предложения. – Неужели вы умеете готовить?

– Еще как, – подтвердил Максимилиан, смеясь глазами. – Недаром в армии я кашеварил на полевой кухне.

У Аннет от удивления вытянулось лицо.

– Вы что, были этим... военным поваром? Не участвовали в сражениях, а варили солонину и раздавали галеты?

Максимилиан расхохотался.

– Ага, я вас разочаровал. Сплетники в конторе сильно приукрасили мою биографию. Верно, я служил в армии, но за дуэль меня разжаловали в рядовые и сослали на кухню. А потом забрал к себе в личные повара генерал. Так что я не только перловую кашу умею сварганить, не сомневайтесь. У старичка были весьма изысканные вкусы.

– По какому поводу вы ввязались в дуэль?

– Юношеская глупость, – махнул рукой Максимилиан. – Принял за чистую монету нежные улыбки сестрички милосердия, которая предпочла лейтенанта. Никто не пострадал. Мой соперник принес извинения, когда его зазноба уехала с полковым капельмейстером. На кухне я неплохо устроился. Сытно, тепло.

– Ну вы и герой половника и сковородки! – съехидничала Аннет.

– И даже был ранен на кухонном поле боя. Вы, поди, думали, что я лишился мизинца в рукопашной схватке с врагом? – продолжал веселиться Максимилиан. – Ничего подобного. Мне его случайно отрубил тесаком для мяса второй кашевар. Нервный был парнишка, страдал после контузии.

– А нос вам сломали скалкой, когда вы не сошлись с поваром во мнении по поводу раскатки теста для пирожков?

– Нет-нет. Нос – другая история. Когда удерживаешь титул полкового чемпиона по боксу, будь готов распрощаться со смазливой физиономией.

– Никогда раньше не встречала повара-боксера.

– С дипломом искусствоведа, заметьте. Получил его, когда ушел в отставку и решил вернуться в семейный бизнес.

– Вас нужно поместить в кунсткамеру. Что же, вы так и прошли всю Бирскийскую войну, отсиживаясь на полевой кухне?

Максимилиан посерьезнел.

– Труса я не праздновал. Через год меня восстановили в звании, забрали поварешку и всучили винтовку. Но любовь к ремеслу повара осталась, и я надеюсь поразить вас своими кулинарными талантами.

– Кстати, о талантах: у вас есть другие чувствительные дары?

– Есть, но я к ним редко прибегаю. Больше полагаюсь на другие свои качества. Однако умение внушать людям уверенность и активизировать подсознание оказалось крайне полезным в бизнесе. Поэтому дядя и любит поручать мне вытаскивать из ямы прогорающие отделения вроде вашего.

– Ладно, не хотите говорить о своих талантах, и не надо. Вам уже удалось произвести на меня впечатление. Ведь это было целью вашей откровенности, не так ли?

– Просто хотел, чтобы вы узнали меня получше и начали относиться с большей симпатией. Вы уверены, что не желаете десерт? Тогда идем гулять. Хочу показать Часовую башню и Корабль-в-бутылке. По пути обсудим планы поиска мастерской Жакемара.

Они двинулись вниз по улице к озеру. Тротуары заполнили прохожие. Сегодня кроме туристов попадалось немало жителей долин, и Аннет то и дело вздрагивала, когда замечала плотных чернявых мужчин в брюках-гольф и клетчатых пиджаках. Ей хотелось поймать Швица и побеседовать с ним в присутствии Максимилиана, но пока никого похожего на своего таинственного преследователя она не встретила.

Но больше всего ее внимание занимали неряшливые мужчины в рабочих комбинезонах и картузах, не похожие на праздных туристов. Они сновали туда-сюда, держа в руках мерные рейки и странные приборы на треножниках, курили вонючие папиросы, сплевывали на мозаичную плитку, по-хозяйски рассматривали нарядные улицы Механисбурга и делали замеры.

– Рабочие золотодобывающей компании Форса, – объяснил Максимилиан. – Помните, у города скоро истекает право аренды земель? Форс фактически купит этот городок вместе с его жителями. Боюсь, тогда Механисбургу придет конец. Форс намерен изрыть его вдоль и поперек, чтобы найти залежи ископаемых.

Эти сведения встревожили Аннет. Ей нравился Механисбург. Здесь она чувствовала себя как в детской фантазии, полной диковин. Даже опасности, с которыми ей пришлось столкнуться, не уменьшали его очарования. В конце концов, какая хорошая сказка обходится без страшных приключений?

Часовая башня стояла на берегу озера. У подножия застыли немногочисленные туристы, задрав головы. Солнце слепило, люди прикладывали к глазам ладони, буклеты и веера. Ветер трепал ленты, шарфы и юбки.

Это было самое высокое сооружение в городе. Башня уходила в синеву неба. Ее двойник отражался в гладком зеркале озера. В стенах из красного кирпича в шахматном порядке разместились прямоугольные окошки. За тонкими, почти невидимыми стеклами сотни кукол разыгрывали сценки городской жизни: жестяные торговцы размахивали пучками моркови, цирюльники орудовали ножницами, пастухи гнали стада деревянных овец, на специальных подставках выезжали парусные лодки, ярко раскрашенные музыканты водили смычками по струнам. Колокольчики вызванивали сказочную мелодию.

Самое длинное окно располагалось в центре стены. Оно поднималось к гигантским позолоченным курантам и показывало часть устройства. Неустанно крутились шестеренки – каждая размером с обеденный стол. В сердце башни раскачивался маятник. Он был огромен. На нем красовалось изображение солнца, как его рисовали на старинных иллюстрациях: пухлые щеки, круглые глаза и строгий взгляд. Маятник то пропадал, то появлялся в узкой щели проема, и тогда от нарисованного лика на туристов прыгали солнечные зайчики. Из глубины башни доносилось мерное уханье, давая понять: там, внутри, скрывается мощный и сложный механизм.

И дети, и взрослые восторженно перешептывались, наблюдая за представлением, которое шло от рассвета до заката. Аннет надела пенсне, задрала голову и так увлеклась, что не замечала, когда ее случайно толкали другие зрители; впрочем, Максимилиан стоял рядом и незаметно оттеснял самых небрежных зевак от своей спутницы.

– Угораздило же меня потерять фотографический аппарат! – посетовала Аннет вслух. – Думаю, он выпал в окно во время того досадного происшествия на дирижабле...

– Досадного?! – поразился Максимилиан. – Чудное слово вы подобрали. Вы тогда чуть не погибли, помните?

– Забудешь такое... но аппарата все равно жаль.

– Куплю вам новый, – неожиданно заявил босс. – Помнится, вы хотели сделать мой портрет. Хочу его получить.

Аннет собралась вежливо отказаться от обещанного подарка и подбирала подходящие слова, но в этот момент ее нежно похлопали по плечу и чей-то голосок с придыханием произнес:

– Вы, должно быть, та девушка-хронолог! Отец рассказывал о вас. Добрый день! И вам добрый день, господин Молиаро!

Ошарашенная Аннет чуть не уронила шляпку и повернулась. Перед ней стояла белокурая девица в воздушном голубом платье. Лицо у девицы было красивое, пухлогубое, в форме сердечка, и выражало оно в этот момент умеренное дружелюбие и неумеренное любопытство. Пшеничные бровки смешно приподнялись над круглыми глазами цвета олова. Вчера Аннет видела похожие глаза, и владелец их, помнится, смотрел на Аннет с острым неодобрением.

– Белинда Гильоше, дочь бургомистра этого городка, – представилась девица, подтвердив предположение Аннет.

– Приятно познакомиться, госпожа Гильоше.

– Зовите меня Линда. Давайте станем подругами! – Девица ловко продела руку под локоть Аннет и увлекла ее прочь из толпы, не забывая метать кокетливые взгляды в сторону Максимилиана.

А тот и рад! Разулыбался, склонил почтительно голову. Аннет отвернулась и с усилием скорчила дружелюбную гримасу.

Девица тархтела как швейная машинка. Через десять минут Аннет знала все о мечтах и пристрастиях бургомистровой дочери. Всю жизнь она провела в Механисбурге. Городишко этот надоел ей до тошноты. Она мечтает уехать в столицу – не правда ли, Аннет, жизнь там

восхитительна?! А сколько интересных кавалеров! И синематографы на каждом углу. А вот в Механисбурге нет ни одного. Приходится ездить в соседний Фрибур. О, она обожает синематографические романы! Особенно с участием актера Дугласа Бербенкса.

Узнав, что новая знакомая разделяет ее увлечения, Аннет немного оттаяла, а когда Линда сказала, что Аннет похожа на актрису Мэри Рикфорд – «У вас точно такие же точеные скулы и русые локоны!» – появились ростки симпатии.

– Я собираюсь стать актрисой. Скоро пойду учиться на театральные курсы, – скромно заметила Аннет и покосилась на Максимилиана – не засмеется ли? Тот сохранял серьезное выражение лица, лишь время от времени умильно поглядывал на бургомистерскую дочь. Его разноцветные глаза сверкали как семафоры.

Записной ловелас! Готов восторгаться каждой встречной.

Признание вызвало новую бурю восторга. Как же Линда ей завидует!

– Вы хотите стать актрисой – но вы же хронолог! – всплеснула ухоженными руками Линда. – У нас в городке мало сенситивов. Есть лекарь, скучная старушенция, которая заговорами лечит подагру таким же старым перечницам, как она сама. Есть медиум, господин Прюк. Ну и еще шарманщик Петр. Этот выжил из ума. Хронологами чаще рождаются мужчины, не так ли? Наверное, вам непросто приходится! Папа пыхтел и негодовал, когда рассказывал о вас. Сказал, что вы столичная вертихвостка и пустоголовая особа, и велел держаться от вас подальше... ой! Извините, я не должна была этого говорить! Он такой ретроград. Ненавидит романтику и любовные синематографические ленты. Считает, что я должна всю жизнь провести здесь, в этом городишке. А я мечтаю стать художницей! Вы мой идеал, Аннет. Так хочется уехать с вами в столицу и поступить в художественную академию! Учителя в школе хвалили мои акварели. Но папа ни за что не согласится. Он требует, чтобы я вышла замуж за сына местного банкира. Я против, но одна в столицу ехать боюсь. Увы, дети, церковь и кухня – вот и все, что меня ждет.

– Хотите, помогу вам? – предложила Аннет, против воли проникаясь к Линде сочувствием. Она была готова встать на защиту каждой угнетенной мужчинами девушки. Заодно ей хотелось насолить бургомистру, который отозвался о ней столь нелестно. Не повезло же бедняжке иметь такого родителя-грубияна! Отец Аннет тоже был не сахар, но, по крайней мере, он говорил дочери гадости неизменно вежливым тоном, каким обращался к своим нерадивым студентам.

Максимилиан, который до этого шел молча, многозначительно кашлянул и метнул на Аннет предостерегающий взгляд. Та сделала вид, что не заметила, и упрямо продолжила:

– Я живу в квартале «Десять муз», где селится артистическая молодежь. У нас весело! Квартирная хозяйка добрая, хоть и бестолковая. Она сдаст вам комнату в мансарде, совсем дешево. Моя соседка Симона – подающая надежды пейзажистка. Она поможет вам пройти вступительный экзамен в академию. Если повезет, дадут стипендию. Поговорите с отцом, объясните, что хотите жить самостоятельно, и уезжайте. Я так и поступила, и ни капли не жалею.

– Милая, дорогая Аннет! – От нахлынувших чувств Линда прижала руки к груди. – Вы открыли передо мной окно надежды. Вы станете моей спасительницей! Но прошу, ни слова папе! Пусть это будет нашей тайной. Заговор бунтарок! Когда вы возвращаетесь в столицу? Через два дня? Решено, я уеду с вами. Оставлю папе письмо и все объясню. Он будет рвать и метать, но я уже улизну на свободу!

Аннет опешила. Линда собиралась действовать в точности по сценарию фильма «Беглая дочь». Такой решительности она не ожидала, но идти на попятный было поздно. Кажется, Максимилиан разделил ее опасения, потому как сухо произнес:

– Ваш план не кажется мне разумным, Белинда. Подумайте хорошенько, прежде чем сделать это шаг.

– Миленький, добрый господин Молиаро! – Бургомистерская дочь схватила его за ладонь и потрясла. Максимилиан моментально улыбнулся, вложив в улыбку все свое обаяние. – Обещайте, что не проговоритесь папе. Он бывает несносным букой.

– Вы ставите меня в неловкое положение, сударыня, – покачал головой Максимилиан, однако улыбаться не перестал. – Могу лишь обещать, что не заведу с ним этот разговор первым. Однако я намерен провести серьезную беседу с вами. На правах старшего и более опытного человека – на правах мужчины, в конце концов, – я должен разъяснить, что вы поступаете несправедливо по отношению к вашим родителям.

– Оставьте свои нравоучения, господин Молиаро, – возмутилась Аннет, раздосадованная его типично мужским высокомерием. – Линда – совершеннолетняя и вольна поступать, как захочет.

– С вами я тоже побеседую. О том, как нехорошо вмешиваться в чужие семейные дела, – пригрозил Максимилиан. Тон его был суров, и Линда всполошилась.

– Мне пора бежать, а то папа хватится, – сообщила она. – Увидимся вечером в театре, Аннет.

Затем приблизила пухлые губы к ее уху и жарко прошептала:

– Там обсудим детали побега. Чтобы ваш шеф не слышал. Он бука, но премилый, не так ли? Он разведен, верно? А невесты у него нет? Интересно, ему нравятся блондинки?

Кокетливо тряхнув белокурыми локонами и вильнув глазами в сторону Максимилиана, бургомистерская дочь скорым шагом пошла к ратушной площади.

Максимилиан повел Аннет в другую сторону. Они поднялись по узкой каменной лестнице, свернули на залитую солнцем улицу и не спеша шли мимо разноцветных фасадов, кокетливых крылечек, мимо витрин, где были выставлены детали часовых механизмов, марионетки и плитки отборного шоколада в золотой фольге.

Босс вышагивал рядом с Аннет, заложив руки за спину, и искоса поглядывал из-под сдвинутых бровей. Выжидательно молчал. Аннет задрала подбородок, неуступчиво сжала губы и настроена была далеко не мирно. Опять он ей недоволен! Как пить дать, сейчас примется ее отчитывать.

Наконец, он произнес назидательным тоном:

– Оставьте это дело. Белинде стоит поговорить с отцом. Что за романтическая блажь – бежать из дома под покровом ночи!

– У нее нет другого выхода, – кротко отозвалась Аннет. – Вы ничего не понимаете. Вы наследник богатой династии, мужчина, которому все принесли на тарелочке. Вы не знаете, каково это – быть девушкой, зависимой от всех и вся.

– А вы не знаете Белинду. Зависимая и угнетенная – это не про нее. Я познакомился с ней несколько лет назад, когда впервые приехал в Механисбург по делам. Она была еще ребенком, из тех, кто кидаются на пол и стучат ногами, пока не получают желаемое. Прошу, не водитесь с ней. Вы и так отчего-то сильно не понравились ее отцу.

– Нехорошо отказывать человеку в просьбе о помощи.

– Нет уж. С нами в столицу она не поедет, и точка. Не хватало проблем с полицией за соучастие в похищении. С бургомистра станется обвинить вас в этом. Его дочь – вредная штучка.

Максимилиан помолчал и добавил мечтательно:

– Но прехорошенькая, этого у нее не отнимешь. Упорная, с характером, и не боится совершать ошибки. Не то что моя бывшая жена...

«И не то, что вы, госпожа Вик», – мысленно закончила Аннет. Она надулась и метнула на босса негодующий взгляд. Он назвал Линду прехорошенькой! Выходит, блондинки все-таки ему по душе. Интересно, бывшая мадам Молиаро тоже красила волосы пергидролью?

Босс вскинул крутую бровь над зеленым глазом и усмехнулся.

– Хорошо. Оставим этот разговор. А вот знаменитый аттракцион «Корабль-в-бутылке». Только, сдается, не вовремя мы собрались посмотреть на него.

Среди полусгнивших остовов каруселей и качелей Аннет увидела необычное сооружение. Пузатая бутылка величиной с небольшой коттедж лежала на боку, а внутри, на высоких подпорках, стоял всамделишный корабль – каравелла размером с рыбацкий баркас. Борта каравеллы были украшены искусной резьбой с позолотой. На носу выпятила пышную грудь русалка с хищной улыбкой. На мачтах повисли белоснежные паруса, на распорке болтался черный флаг с черепом и костями.

К бутылке вели две трубы. Нижняя часть бутылки изнутри позеленела от тины. Старик в мешковатом комбинезоне расхаживал под днищем корабля и, вооружившись шваброй и тряпкой, неторопливо драил стекло. Аннет заметила, что в бутылку он забрался по приставной лестнице через горлышко, оттуда – по перекинутой доске на нос корабля, и спустился вниз по канатной лесенке. В старике она признала вездесущего шарманщика Петра. Кажется, как и его кузен Ангренаж, Петр был мастером на все руки и исполнял обязанности чернорабочего везде, где это требовалось. Вокруг бутылки кто-то натянул канат и повесил неграмотную надпись: «Севодня не работает. Уборка. Приходите зафтра».

Максимилиан щелкнул языком.

– Жаль, жаль.

Аннет уходит не спешила.

– Удивительно! Как этот корабль засунули в бутылку?

– Думаю, Жакемар протащил отдельные детали через горлышко и собрал корабль уже внутри. Это тоже изделие старого мастера. Каравелла «Черная ундина» знаменитого пирата Рыжебородого Генри. Жакемар в юности плавал в его команде канониром. Вот и сделал памятник своему капитану. Бутылка наполняется водой. Специальные механизмы создают волны, как во время бури. Но это еще не все. Видите те фигурки на борту?

Аннет прищурилась. И верно: там и сям на борту удивительного судна застыли морячки в половину человеческого роста. В руках они держали сабли.

– Автоматоны. Служащий включает механизм, и они приходят в движение. Выделяют разные интересные штуки. Дерутся на саблях, вытравливают якорь, драят палубу. Раньше туристов проводили внутрь корабля. Там все устроено в точности как на настоящей «Черной ундине». Есть даже каюта Рыжебородого Генри и его знаменитый сундук полный золотых монет. Не настоящее золото, разумеется. А еще...

Аннет пришла в возбуждение, торопливо протерла пенсне, прищурилась и воскликнула:

– Максимилиан! Смотрите! Вы узнаете? Это же он!

К бутылке подошел высокий, грузный человек и помахал рукой. Петр бросил швабру, вскарабкался по лестнице и вылез через горлышко бутылки наружу. Мужчины принялись разговаривать. Грузный о чем-то спросил, шарманщик молча выслушал, затем помотал головой и сплюнул. Грузный продолжал настаивать, затем вынул кошелек и дал Петру зеленую бумажку. Тот принял ее и снова помотал головой. Собеседник рассердился и сунул Петру кулак под нос. Шарманщик усмехнулся и равнодушно отвернулся.

– Это Швиц, тот грубиян с дирижабля! Я уверена, это он преследовал меня в лабиринте. Ну же, подойдите к нему, спросите!

– Что спросить? – удивился Максимилиан.

– Не он ли выбросил меня за борт дирижабля, а потом хотел придушить среди кустов в лабиринте.

– Прямо так и спросить? – босс развел руками. – Добрый день, не вы ли тот самый знаменитый любитель гоняться за беззащитными девицами? Хорошо. Стойте здесь.

Он скорым шагом двинулся к мужчинам. Швиц – теперь Аннет смогла рассмотреть знакомые кустистые брови и даже бородавку – увидел приближающегося Максимилиана, повер-

нулся и припустил прочь с прытью, которую нельзя было заподозрить в человеке его сложения. Босс не стал его преследовать – бесполезно. Он подошел к Петру и завязал разговор. Аннет подпрыгивала от нетерпения.

– Что вы узнали? – накинулась она на Максимилиана, когда тот вернулся.

– Новое предсказание Петра. Сначала он заявил, что этого человека он видит впервые. Говорит, Швиц просто поинтересовался, когда откроется аттракцион. Наверное, хотел порадовать своих детишек. Затем наш провидец закатил глаза, попыхтел и сообщил, что скоро я примерю бронзовый колпак. Такое было ему видение.

Аннет топнула ногой от досады и с надрывом воскликнула:

– Я не чувствую себя в безопасности, когда этот мерзавец ходит по городу!

– Узнаю эту строку. Пьеса «Королева Аделаида», акт второй, сцена третья. Успокойтесь, Аннет, не актерствуйте. Я собираюсь поговорить с Пендельфедером и все выяснить про вашего неуловимого Швица.

– На вашем месте я бы прислушалась к пророчеству шарманщика, – ответила Аннет, устыдившись. – Помните, он предсказал мне крылатую опасность, свист, стук? В этот же вечер крылатый купидон выпустил в меня стрелу. Бронзовый колпак на вашей голове! Что это может означать?

– Только то, что у Петра не все дома. Или то, что ему нужен хороший подзатыльник. Слишком уж старательно в разговоре со мной Петр изображал простофилю и делал вид, что встретил Швица впервые. Ясное дело, знакомы они давно и довольно близко. Ничего, я с ним еще побеседую. Возвращаемся в гостиницу. Мы вечером идем в театр, помните?

Глава 11. Мимезис

Планы на вечер привели Аннет в хорошее настроение. Театр она любила и собиралась посвятить сцене жизнь. Интересно, какие спектакли дают в этой глуши? Наверное, механисбуржцы занимаются самодеятельностью. Лавочники неумело гримируются, расхаживают по сцене, выпятив грудь колесом, и выкрикивают роли зычными голосами, а их мамочки и супруги с умилением аплодируют.

Оделась тщательно, но скромно. Не стоит шокировать провинциальную публику яркими нарядами. Черное платье с блестками и рукавами на пуговичках до локтя прекрасно подойдет к случаю.

– Что за актеры выступают в Механисбурге? – спросила она у Максимилиана, когда шли по опустевшей улице. На дверях магазинов появились вывески «Закрыто», старики рассаживались на лавочках, раскуривали трубки и делились дневными новостями. Радостно звонили часы – Аннет привыкла к этой музыке и воспринимала ее как часть города.

Вечер выдался теплым, золотистым, хотя со стороны гор тянулась плотная пелена облаков.

– Уже пятьдесят лет на сцену театра «Мимезис» не выходит ни один живой актер, – загадочно ответил Максимилиан. Он выглядел очень представительно в дорогом сером костюме с золотыми запонками, но был необычно молчалив, держался от Аннет на расстоянии шага и в ее сторону не смотрел.

– Как это – нет актеров? Мы будем любоваться на пустую сцену? – не поверила она.

– Скоро сами увидите. Не хочу портить сюрприз. В этом городе все необычное, и театр тоже. Вам понравится. Только не визжите громко во время самых жутких сцен. Бывали и такие случаи среди нервных туристок.

– За эти два дня я уже столько страху натерпелась, что паниковать по пустякам не буду, – обиженно заметила Аннет.

Показалось знакомое здание. Со всех сторон к нему спешили нарядно одетые господа и дамы.

Поднялись на крыльцо с движущейся вывеской «Мимезис» и глазастой маской. Аннет ощутила радостный трепет, предчувствие праздника, которое всегда охватывали ее, когда она заходила в театральное фойе.

Фойе «Мимезиса» было просторным и залитым ярким светом. Высокий потолок украшала лепнина и люстры с хрустальными черепами вместо светильников. Радостно гудели голоса приглашенных. Дамы смеялись, мужчины негромко беседовали. У стойки буфета хлопнула пробка шампанского.

Прибывших рассматривали с любопытством, причем больше внимания привлекал Максимилиан. Неудивительно: он держал себя с уверенной небрежностью, а одет был столь безукоризненно, что несколько местных молодых людей опечалились, а их спутницы поглядывали в сторону столичного антиквара с милым озорством. Аннет почувствовала невольную гордость, что ее сопровождает такой блистательный кавалер.

В нарядной толпе она увидела и знакомые лица: Пендельфедер, облаченный в парадную форму с блестящими нашивками, стоял в углу столбом – точнее, низенькой, толстенной тумбой, – и вытирал платком разгоряченный лоб. На одутловатом лице застыло страдание. Другой рукой полицейский нежно поглаживал кобуру у пояса, словно она придавала ему уверенности.

«Зачем ему оружие в театре? – подивилась Аннет. – Стрелять по актерам, если они разочаруют своей игрой?»

Подле буфета возвышалась широкоплечая библиотечарша Луиза Соннери. Задрвав голову, она вливалa себе в горло шампанское, словно это был простой лимонад. Ради празд-

ника Луиза вырядилась в зеленое платье с рюшечками, которое еще сильнее подчеркивало угловатость ее фигуры. Спиртное подливал ей бургомистр Гильоше. Он держал нераспечатанную бутылку шампанского, как гранату, и что-то воинственно доказывал библиотекарше. Та морщила свое лошадиное лицо, отмахивалась и продолжала прикладываться к фужеру.

Бочком, вдоль стенки, прокрался Петр Колезвар, одетый в униформу театрального служащего, в которой он походил на железнодорожного обходчика-забулдыгу. Ага, значит, и в театре у шарманщика были какие-то обязанности! Будем надеяться, что главную роль в спектакле отдали не ему.

Кто-то схватил Аннет за плечи и потряс, обдав приторным ароматом цветочных духов.

– Привет-привет! – прошебетала на ухо Белинда. – Моя семья тоже здесь. Пока наедине поговорить не удастся. Поболтаем на приеме после спектакля. Представление в «Мимезисе» дают раз в сезон для именитых туристов и почетных жителей города. Традиция! Раньше, бывало, репортеры приезжали, но теперь они навещаются редко. Спектакли-то одни и те же, уже две сотни лет подряд, вот им и надоело писать о них в газетах. А как мне они надоели, не представляешь!

Белинда упорхнула, не забыв кокетливо улыбнуться, а к Максимилиану и Аннет подошел господин Ангренаж. С любимым опереточным плащом он, наконец, расстался. Теперь ничто не прятало его искривленную спину и плечи разной высоты. Впрочем, костюм-тройка сидел на хромом механике весьма элегантно. Разве что часовой карман оттопыривался – там Карл прятал удивительные часы. Со своими залезанными черными волосами и белоснежным накрахмаленным воротничком он как никогда раньше походил на вампира, которому вздумалось выбраться в свет в поисках свеженькой жертвы. Вот только выражение лица у него было отнюдь не кровожадным. Оно выражало робость и радостное волнение.

– Вы пришли! – порадовался он, преданно глядя на Аннет. – Я утром заходил в гостиницу, надеялся, что вы согласитесь отправиться со мной на прогулку. Жаль, не застал. Боялся, что и вечером вас не увижу. Не терпится услышать ваши впечатления о представлении. Оно вот-вот начнется. Уверен, ничего подобного вы раньше не видели. Хочу похвастаться: я, можно сказать, его режиссер, а также осветитель, декоратор и прочее, прочее, прочее.

– Как так? – изумилась Аннет.

– Демонстрация спектаклей входит в обязанности главного механика города.

– Ах да, театр ведь кукольный! – вспомнила Аннет. – Значит, вы будете нам показывать марионеток? Механических?

– Скоро сами увидите! – Карл продолжал подогревать интерес.

Аннет поморщилась. Кукольные спектакли она не жаловала. Во-первых, это развлечение для детей. Во-вторых, марионетки казались ей ужасно уродливыми. В детстве, помнится, она в слезах сбежала из зала во время спектакля. Сестра потом над ней смеялась, а отец с матерью негодовали.

Беседу пришлось прервать, потому что прозвучал гонг. Звук был гулкий и жуткий. Он нарастал, становился громче, и вскоре зрители прекратили болтовню. Завибрировали стены, хрустальные подвески на люстрах жалобно затренькали. Сразу стало понятно, кто из зрителей – туристы, а кто – жители города. Первые в панике озирались, втянули головы в плечи и даже немного присели. Вторые лишь привычно морщились и затыкали уши.

Наконец, гул затих, пол перестал сотрясаться под ногами.

– Вам пора идти в зал, а мне – за кулисы! – возбужденно объявил Ангренаж. – Увидимся после спектакля.

Максимилиан подхватил Аннет под локоть. Они влились в толпу зрителей, спешащих занять места.

На первый взгляд зал не представлял собой ничего выдающегося. Традиционный бархатный занавес, ободранные стены, вытертые красные дорожки и потрепанные кресла. На потолке

лепнина, вот только была она какой-то странной. Аннет надела пенсне и запрокинула голову: так и есть, никаких амуров и виноградных лоз. Гипсовые скелеты, нетопыри и черти с вилами в руках.

Когда проходили к креслам почетных гостей в первом ряду, Аннет с любопытством заглянула в оркестровую яму. Вместо рядов стульев с нотными станами там стоял агрегат, походивший на гигантскую шарманку. В боках виднелись многочисленные валики, а сверху торчали латунные раструбы. На колченогом табурете у агрегата примостился Петр. Он заботливо выставил на пол батарею пивных бутылок, тут же раскупорил одну и хорошенько приложился. Затем довольно крякнул, потер руки, обхватил рычаг агрегата и приготовился.

Снедало любопытство. Спектакль и впрямь им собирались показывать необычный.

Заняли места; свет в зале погас. Зрители затихли, представление началось.

Бархатный занавес с шорохом распался на две части, открывая сцену. Из оркестровой ямы зазвучала мелодия – тоскливая, напоминающая стенания горной волынки. Она будила невольную тревогу. Аннет поерзала на месте, но тут открылась сцена, и она забыла обо всем.

Декорации представляли убогое помещение, похожее на тюрьму: грубо сколоченный стол и табурет, с каменных стен свисает паутина. По паутине, жужжа, медленно ползали механические пауки размером с комнатную собачку. Их стеклянные глаза горели, как красные фонарики. Механические нетопыри со скрипом махали крыльями, а в прорезанное в заднике окошко заглядывал месяц с нарисованным лицом, и лицо это было зловещим.

Чуднее всего оказалась сцена: там и сям по ней проходили рельсы, канаты, стальные балки, как в заводском цехе.

Музыка ускорила, в ней зазвучали угрожающие нотки. Это произвело сильное впечатление на Аннет. По спине побежали мурашки. Стало ясно: вот-вот появятся герои спектакля.

По стальным рельсам, дребезжа и грохоча, выехали автоматы. Кукла высотой с мужчину среднего роста изображала старика в отрепьях. Она походила на огородное пугало, но двигалась, как человек, страдающий от падучей: вздымала шарнирные руки, крутила головой, открывала зубастый рот. Лицо куклы вызывало трепет. Это была искусно сделанная маска, в точности похожая на настоящее человеческое лицо. Мясистый нос, страдальчески сложенные брови и пустые провалы глаз.

Вскоре на сцену выехали и другие «актеры» – девушка в белом платье, дьявол в черном камзоле и парике, из-под которого торчали коровьи рога, священник в длинной сутане и какие-то непонятные персонажи. Куклы принялись слаженно разыгрывать пантомиму. Одни носились по сцене на колесиках, другие спускались на канатах, третьи болтались на балках; куклы гремели, жужжали, грохотали так, что почти заглушали стенания огромной шарманки Петра.

Вскоре Аннет поняла, что сюжет пантомимы повторяет старинную легенду о докторе Сабелликусе, алхимике и некроманте, который продал душу дьяволу, чтобы вернуть молодость и получить любовь прекрасной Маргариты. Зрелище было в высшей степени странным. Автоматы передвигались с тягучей медлительностью, что придавало всему зрелищу оттенок ночного кошмара, а когда они совершали резкие движения, зрители вздрагивали от неожиданности.

Декорации сменяли одна другую, как картинки в волшебном фонаре. Келья Сабелликуса. Праздник на городской площади. Ночной сад. Шабаш ведьм. Императорский дворец.

Кукла доктора сливалась в объятиях с куклой девушки, дьявол плясал вокруг, грохоча по рельсам, похожие на ожившие кошмары танцоры поднимали ноги-палки и клацали зубами, ведьмы парили на веревках над сценой.

Наконец, доктор Сабелликус попал в расставленную дьяволом ловушку и провалился в ад. Картина стала еще страшнее. Сцена осветилась красным. Из щелей в полу выдвинулись языки пламени, вырезанные из листов жести, и принялись двигаться туда-сюда. Проскакали

злобные духи с гривами волос из пакли и пружинами вместо ног. Шарманка загудела низким басом, и тут же разразилась визгливой трелью.

От мельтешения и грохота Аннет замутило. Она сняла пенсне и помотала головой, чувствуя себя семилетней девочкой, которая очень боится темноты и оживших кукол.

– Эй, вы в порядке? – прошептал ей на ухо Максимилиан. – У вас перепуганное лицо. Зрелище и впрямь не для слаботервных. Верите, мне самому не по себе. Смотрите, у меня даже руки дрожат. Скажите что-нибудь ободряющее, чтобы я успокоился. Например: господин Молиново, я от вас без ума и готова пойти с вами хоть на край света.

Он накрыл ее руку ладонью и сжал пальцы. Чувство было немного странным, потому что именно на этой руке у него не хватало мизинца. Максимилиан продолжал шептать:

– Спектакль вот-вот закончится. Я бы не отказался потом промочить горло. Выпью, пожалуйста, вина: у меня отключатся мозги, я буду вытворять всякие безумные номера, болтать глупости, плясать вприсядку, а вы будете потешаться надо мной. Идет?

– Тихо! – шикнули на них сзади. Аннет узнала резкий голос Луизы Соннери. – Смотрите: сейчас появится Пильщик.

Аннет освободила руку, вернула пенсне на нос и неохотно перевела взгляд на сцену. Пока Максимилиан пытался развеселить ее, она мельком увидела, что куклы показывали крайне неаппетитное зрелище – приключение доктора в аду. Черти вздергивали его на дыбе и окунали в котлы с кипящей лавой.

В этот момент музыкальный агрегат замолчал. Наступила зловещая тишина, предвещающая что-то особенно жуткое. Повалил дым, низко загудело, и из теней выкатился еще один автоматон. Кукольник придал ему облик высокого, очень худого мужчины в цилиндре и черном фраке, какие носят фокусники. Железное лицо было худым, с провалившимися щеками, сдавленными висками и близко посаженными глазами, как у серийного убийцы и дегенерата. В руке автоматон сжимал огромную пилу.

Механические черти споро уложили куклу доктора в длинный ящик. Заскрипели шкивы, тело автоматона поднялось на канатах и плавно опустилось внутрь. Щелкнули зажимы, Пильщик хищно наклонился и приступил к делу. Пила равномерно ходила туда-сюда. Шарнирные ноги доктора, торчащие из ящика и заканчивающиеся стальными колесиками, весьма натуралistically дергались; мерзкую картину довершали прыскающие из-под лезвия пилы капли красной краски, которые долетали даже до первого ряда. Аннет почувствовала, как что-то влажное коснулось ее щеки, и поморщилась.

Дама на заднем ряду взвизгнула и упала в обморок; ее спутник засуетился, зрители принялись оборачиваться. Те, у кого нервы были покрепче, засмеялись, другие сочувственно молчали. Аннет отвела глаза от сцены и уткнулась в плечо Максимилиана. Это всего лишь куклы, твердила себе она, но все же ее охватила дрожь отвращения.

Задудели фанфары, куклы застыли, а затем их медленно утянуло со сцены. Спектакль закончился. Зрители ошарашенно молчали, затем разразились жиденькими аплодисментами. Кто-то неуверенно крикнул: «Браво!»

На сцену перед кулисами выскочил Ангренаж, хромя сильнее обычного, и раскланялся, торопливо пряча масленку в карман. Его набриолиненные волосы растрепались, на лбу блестел пот: видимо, за сценой он трудился не покладая рук, налаживая и подготавливая автоматоны к выходу на сцену.

Зажегся свет, зрители потекли на выход.

– Это театр ужасов какой-то! – возмутилась Аннет, цепляясь за локоть Максимилиана.

– Говорю вам, Жакемар не был добрым волшебником, – жизнерадостно сообщил босс. – С психикой у него явно были нелады. Вы еще самого интересного не знаете. Разглядели маски на куклах?

– Они очень похожи на лица людей.

– Именно. Лица мертвых людей. Это посмертные маски, которые Жакемар снимал с жителей города. Таким образом он почтил их память. Интереснее всего маска последнего автомата – Пильщика. Ее сняли с преступника после казни. Он был фокусником, и расправился со своей женой во время трюка с распиливанием. Жена ему ассистировала на сцене, а когда он уличил ее в неверности, решил довести фокус до конца.

– Хватит! – Аннет не удержалась и шлепнула его по руке. – Вы специально меня пугаете. Не может такого быть.

– Может. Спросите своего поклонника Ангренажа. Он с удовольствием похвастается проделками предка, у которого было странное хобби – коллекционировать посмертные маски всякого сброда. Идем в вестибюль: там сейчас состоится прием. Хороший случай побеседовать с наследниками Жакемара и расспросить кое о чем. Например, о том, где наследники находились во время того, как кто-то снял предохранитель с купидона в вашем номере и подкинул розу. А еще о знаках, которые нам вчера любезно нарисовал Лазурный поэт. Давайте сочиним легенду: будем говорить, что рисунки мы нашли в старинной книге о Жакемаре. Пока не хочу делиться с наследниками правдой об автомате. Как знать, к каким последствиям это приведет. Слишком много странных совпадений. Вдруг преступник – если он существует – решится на отчаянный шаг? Вы согласны, Аннет?

– Полностью и абсолютно. В свою очередь предлагаю разделить работу. Вы будете спрашивать бургомистра, библиотечаршу и шарманщика, а я займусь Карлом и полицейским. И Линдой. Бургомистерская дочка может что-то знать.

– Так и знал, что Ангренажа вы оставите себе. Ладно, пускай. Поболтаю с градоправителем. В молодости он служил снабженцем в том же полку, что и я. А вот библиотечаршей лучше все же заняться вам. Две девочки быстрее найдут общий язык. И еще, Аннет... помните – не отходите от меня. Вы дважды избежали гибели. Хватит с вас приключений как в синемаграфической ленте «Тысяча и одна ночь кошмаров». Уверен, вы ее очень любите, но жить по такому сценарию вредно для нервов.

В вестибюле зажглись дополнительные светильники, на столах появились чаши с пуншем и пирамиды бокалов. Приглашенные разбились на группы и вели беседы. Зрители, которые видели спектакль впервые, еще не пришли в себя после кровавой кукольной сцены. Они натянуто улыбаются и чувствовали себя неуютно.

Слегка покачиваясь, вдоль стены прокрался мастер превращений Петр. Уселся на табурет в углу, достал из-под табурета смычок и расстроенную скрипку и принялся развлекать гостей плаксивой мелодией. Гости морщились как от зубной боли. Время от времени стенам скрипки гулко вторил бой часов на башне театра.

Максимилиан подошел к бургомистру, который рассказывал паре пожилых туристов о том, как отчаянно город нуждается в инвестициях. Туристы – судя по виду, богатые путешественники аристократы – кисло улыбаются и уделяли больше внимания фужерам с игристым вином, чем речам градоправителя.

Но бургомистр не сдавался. Он прекрасно владел искусством добиваться желаемого грубым наскоком. Он знал, как оглушить собеседника напористой болтовней, обвести вокруг толстого пальца и заставить плясать под свою дудку – точнее, маршировать в нужном направлении под громкий военный горн. Пожилая пара обменивалась неуверенными взглядами, и было ясно, что они вот-вот раскошелятся. Сделают все что угодно, лишь бы бургомистр замолчал.

Хорошо, что градоправителя Максимилиан взял на себя! Однако пора и ей братья за дело. Аннет придала лицу дружелюбное и бесхитрое выражение (так делала сыщица Шейла Фукс из фильма «Ищейка с улицы Пекарей», отправляясь разносить важные сведения) и приблизилась к небольшой группе возле стола с пуншем. Пендельфедер размахивал короткими ручками и увлеченно разглагольствовал. Два незнакомых Аннет горожанина вни-

мательно слушали. Рядом со скептическим видом стояла госпожа Соннери и время от времени встряхивала полураспущенной черной гривой, как будто отгоняла надоедливых мошек.

Немного послушав, Аннет заскучала. Полицейский рассказывал о новой системе автоматического полива рассады, которую он соорудил сам и очень этим гордился. Горожане ахали, восхищались и звучно хлопали полицейского по плечу так, что у того дрожали пухлые щеки. Время от времени краткие, но дельные примечания вставляла Луиза. При этом она небрежно сыпала специфическими словами типа «обратный клапан», «компенсирующая петля» и «роторный выдвижной дождеватель».

– Вы разбираетесь в механике? – поинтересовалась озадаченная Аннет. Луиза глянула искоса и отрубила:

– Конечно, я разбираюсь в механике. Я же библиотекарь.

У Аннет брови поползли вверх, а Луиза решила снизить до беседы.

– Ах да, вы же новенькая в этом городе. В библиотеке еще не бывали. Зайдите как-нибудь. В моем хозяйстве есть на что посмотреть.

– Спасибо, обязательно зайду, – ухватилась за возможность Аннет и решила сразу перейти к делу: – У вас есть книги о мастере Жакемаре?

– Шутите? – поразились Луиза. – Две трети книг в библиотеке посвящены Жакемару. Еще одну треть книг создал он сам и его ученики. Я, конечно, держу кое-какую дребедень типа любовных романчиков, но немного. Есть в городе любители почитать эту дрянь... вы, поди, тоже из таких романтических особ? Так и быть, подберу вам что-нибудь. Недавно получила последнее издание «Приключений маркизы демонов».

– Нет-нет, – испуганно замахала руками Аннет. – Меня интересует история мастера Жакемара. Видите ли, в столице я читала кое-что о нем... и видела некоторые его рисунки. Не подскажете, что они могут означать? Например, изображение пчелы...

Луиза задрала голову и разразилась гулким смехом. На ее жилистой шее прыгали бусы, похожие на шарики для пинг-понга.

– Ну конечно, пчела! А еще циферблат и колокол, так? Эти символы известны каждому младенцу в Механисбурге. Изображения на брелоках, которые мастер оставил наследникам.

– А орел и цифра пять? – осторожно спросила Аннет. – И изображение механического сердца?

Луиза нахмурила брови.

– Про орла не припомню. Механическое сердце Жакемар часто рисовал – мечтал создать такое. Ладно, приходите завтра, вместе поищем в книгах. Если не найдем, можно расспросить Карла. Он с ума сходит по дедуле Жакемару. Весь дом заставил его бюстами. Даже в сортире один стоит.

Луиза наполнила фужер до краев, достала из корсажа бутылек с коричневой жидкостью и пролила в вино несколько капель. Противно запахло валерьянкой. Аннет удивилась еще больше: Луиза не походила на особу, которой требовалось постоянно успокаивать нервы; скорее, нервы страдали у ее собеседников. Сочтя разговор оконченным, Аннет кивнула и отошла.

– Библиотека закрывается в пять, не опаздывайте! – трубно приказала Луиза ей вслед. – Вечером я вожу туристов на экскурсии. Если хотите, можете присоединиться. Пойдем в заброшенную лечебницу, где водится призрак Железнурукого. Надеюсь, вы не обмочите штанишки от страха.

Луиза захохотала, радуясь случаю сказать гадость. Гости с любопытством посмотрели на Аннет, та нацепила натянутую улыбку и поспешила прочь.

Нужно что-то выпить: общение с любезной библиотекарьшей оставило ее без сил. На столике в углу стояла чаша. Возле нее топтались двое местных подростков и, пользуясь тем, что родителей не было поблизости, быстро разливали золотистый напиток в кружки. При этом они заговорщицки хихикали и толкались. Дождавшись своей очереди, Аннет взяла черпак на

длинной ручке и набрала половину пузатой кружечки, которая стояла тут же на столе. Осторожно понюхала: напиток пах медом. Сделал глоток: сладко,пряно. Чудесный медовый пунш делают в Механисбурге!

Допить она не успела, потому что перед ней нарисовалась возбужденная бургомистерская дочка.

– Аннет, дорогуша! – фамильярно поведала она. – Я только что беседовала с Максимилианом. Божечки, какой мужчина!

– Какой? – устало поинтересовалась Аннет.

– Ах, оставь! Ты знаешь это лучше меня, – сладенько улыбнулась Линда, накручивая на палец белокурый локон.

– Нет, не знаю, – пожала плечами Аннет. – Я не так хорошо с ним знакома. Он пришел в наше отделение лишь месяц назад, а близко мы общаемся всего пару дней.

– Вот как? Это хорошо. А то я уж подумала... – Линда обняла Аннет за талию, приблизила губы к ее уху и принялась откровенничать:

– Знаешь, он как герой из синемаграфической ленты... из тех мужчин, которые пугают, но при этом очаровывают. Он опасный и непредсказуемый. О, такие мужчины способны на все... даже на насилие! Они готовы получить женщину любой ценой!

Линда томно вздохнула, и Аннет захотелось отодвинуться. Ее новая подруга продолжила:

– С такими роковыми мужчинами опасно находиться одной в комнате... но уйти не будет сил!

Аннет переполняло возмущение. Она осторожно освободилась от жаркой руки Линды и скептически спросила:

– Ты точно говоришь о господине Молиаро? Он определенно не насильник. Он... он повар! – неожиданно закончила она и сама себе удивилась.

Линда посмотрела на нее, как на ненормальную, затем перевела взгляд в дальний угол зала. Там, возле столика с закусками стоял Максимилиан. Роковой мужчина умильно рассматривал канапе с сыром и петрушкой, держа его перед глазами двумя пальцами. Казалось, он собирается обратиться к бутерброду с прочувствованной речью, прежде чем отправить в рот.

– Пойдем к нему! – Линда потянула ее за собой.

Когда они подошли к Максимилиану, тот уже вернулся к бургомистру, который мило-стиво отпустил ошалевших туристов и теперь беседовал с тощим субъектом в темно-зеленом фраке. Бургомистр обращался к нему «господин Форс». У субъекта были кривые ноги, огненная шевелюра, тонкие усики, глаза навывкате и полон рот золотых зубов.

– Он вставляет новый зуб каждый раз, когда начинает разрабатывать прииск, – пояснила Линда громким шепотом. – Материал берет из первой промытой партии. Один золотой зуб – один прииск. Говорит, это приносит ему удачу.

Форс услышал ее слова, и польщенно улыбнулся – точно молния полыхнула. Бургомистр завистливо вздохнул. Присоединившийся к компании Ангренаж, негодуя, дернул накрахмаленный воротничок.

– На днях дантист обнаружил испорченный коренной зуб, вот тут, – объявил Форс, ткнув себя в щеку. – Отличное местечко для золотишка из приисков Механисбурга! Мои лозоходцы найдут жилу со дня на день. Может, и алмазами удастся разжиться, а то и рубинами. Ммм, а ведь отличная идея – бриллиантик в зубе! Я стану законодателем новой моды.

Форс залился мелким смехом, бургомистр угодливо хмыкнул басом, и, поддерживая разговор на приятную золотопромышленнику тему – драгоценные камни и цацки – принялся хвастаться своей коллекцией часов.

– Семьдесят камней, понимаете, семьдесят! И корпус покрыт алмазной пылью! – горячился он, крепко ухватив Форса за пуговицу. – Фирмы «Герольд». Пошлинный сбор великоват, но мне повезло – доставили контрабандой. Есть тут один шустрый малый, из местных, –

бургомистр понизил голос, – хорошо справляется с деликатными поручениями. Ну, вы понимаете... ладно, чего там, тут все свои. Короче, если надо что-то достать или избавиться от кого-нибудь...

Форс одобрительно цыкнул зубом – тем самым, испорченным коренным, – и задумчиво произнес:

– Контрабандой? Я бы не отказался приобрести себе такие же. Сведёте меня с этим вашим шустрым малым?

Карл Ангренаж скривился.

– Семьдесят камней – тьфу! Игрушка для снобов, вот что это такое. Хотите настоящие, многофункциональные часы – закажите их здесь, в Механисбурге. Например, у меня. Видели мой хронометр?

Он полез было в карман, чтобы выудить свой удивительный часовой агрегат, но бургомистр шикнул на него и отмахнулся.

– Подите прочь, Ангренаж! Все уши прожужжал своими самодельными часами. Я понимаю, что вам хочется найти новых клиентов – с деньгами-то у вас туго. Но куда вашим поделкам до изделий фирмы «Геральд»! Вот где искусство, вот где богатство!

Карл расстроился, убрал руку от часового кармана и отошел в сторону. Заметил Аннет и криво улыбнулся. Желая подбодрить механика, она поинтересовалась:

– Скажите, а что такое – камни в часах? Это настоящие драгоценные камни?

– Да, как правило, рубины или сапфиры, – оживился Ангренаж. – В обычном механизме их семнадцать. Они служат... как это сказать проще... в качестве подшипников скольжения, чтобы уменьшить трение деталей. Например, на цапфе оси...

Аннет сделала умный вид. Карл мягко рассмеялся.

– Видите ли, на некоторых часах ставят бесполезные камни, для красоты или просто чтобы увеличить стоимость часов. Такие снобы, как наш бургомистр, это любят. Гильоше! – обратился он к бургомистру. – У вас собой ваш знаменитый золотой репетир? Со сферическим стеклом? Тот, куда производитель умудрился напихать сто камней?

Бургомистр расстроился так сильно, что даже вспотел. Уголки губ сварливо опустились.

– Нет, – сообщил он голосом, в котором звучал похоронный оркестр. – Случилась катастрофа, разве вы не знаете? Я их разбил. Стекло – вдребезги. Теперь придется заказывать отдельно. Дьявол, это стекло стоит половину часов! Знаете, оно было такое выпуклое, зеленоватое...

Бургомистр сложил ладонь чашечкой, желая показать форму утраченного стекла и поводил ею у самого лица Форса. Тот брезгливо дернул усиками и отодвинулся.

У Аннет голова пошла кругом. Они тут все двинутые на своих часах, механизмах и драгоценностях! Ни о чем другом думать не могут. Покосилась на Максимилиана: тот слушал с интересом, вполуха, потому что был вынужден развлекать Линду. Любительница роковых мужчин пристроилась рядом и капризно дергала его за рукав, когда Максимилиан отвлекался от ее болтовни.

– Скажите, господин Молинаро! – громко потребовала она, видимо, устав от разговора о часах так же сильно, как и Аннет. – Это правда, что у вас есть брелок Жакемара, или Ангренаж врет?

Карл страдальчески вздохнул.

– Милое дитя, я никогда не вру, и вам это известно...

– Да, есть, – кивнул Максимилиан. – Хотите посмотреть?

– Пожалуйста, пожалуйста! – Линда от нетерпения запрыгала на месте, как весьма увесистый ягненок. Как по волшебству подтянулись и другие наследники Жакемара: притопала Луиза, подкатился на коротких ножках Пендельфедер. Даже Петр убрал скрипку, подошел крадучись и выглянул из-за мощного плеча библиотekarши. Форс вставил в глаз позолоченный

монокль. Глаз сквозь стекло казался огромным и выпученным, и когда Форс кокетливо подмигнул им монументальной Луизе и послал воздушный поцелуй, Аннет чуть не расхохоталась.

С ней происходило странное. В голове шумело, к щекам прилил жар. Медовый пунш оказался щедро сдобрен алкоголем. Стоявшие вокруг люди закачались, будто водоросли в аквариуме. Форс превратился в худосочный подсолнух с золотыми семечками. Аннет удивилась, поморгала и перевела взгляд на Максимилиана. На его лице внезапно выросла окладистая рыжая борода, как у пирата Генри, на чьем корабле в юности плавал Жакемар. Аннет перепугалась, торопливо отставила кружку с подозрительным напитком, потрясла головой, и мир вокруг вернулся к первоначальному виду.

Тем временем брелок переключался из пальцев Линды в загребущие руки бургомистра, потом его перехватила Луиза, глянула небрежно и передала Пендельфедеру. Тот покрутил его перед своим курносом носом и передал Аннет.

– Судьба третьего брелока неизвестна, не так ли? – спросил Максимилиан, обращаясь ко всем сразу.

– Отчего же, известна, – ответил Ангренаж. – Он утонул вместе с кораблем, на котором путешествовал наследник Жакемара. Сгинул в пучине. Он отличался от остальных брелоков. Судя по рисункам, это был не совсем брелок... по форме он напоминал гвоздь или винт с плоской шляпкой. На шляпке было изображение колокола.

Аннет оживилась.

– Колокола? А не знаете, был ли еще один брелок? С изображением орла или цифрой пять?

– С чего вы это взяли? – остро глянул на нее Карл. – Мне про это ничего неизвестно.

– Мы нашли упоминание о таком рисунке Жакемара в одной старинной книге, – ответил за нее Максимилиан.

– Какой книге? – потребовал Карл. – У меня дома есть все книги о Жакемаре. Ничего подобного я не встречал ни в одной из них. Вы должны мне рассказать! Вот что, господа антиквары... Приходите ко мне в гости. Там и побеседуем. Пороемся в моей библиотеке. Кто знает, может, я запомнил...

– Обязательно придем, – пообещал Максимилиан. – Как насчет завтра?

– Отлично! – обрадовался механик и повысил голос, обращаясь ко всем гостям в вестибюле. – А теперь, господа, довольно о брелоках и часах! Приглашаю на экскурсию за кулисы. Идем?

Прочие наследники Жакемара скинули и разбежались в разные стороны. Видимо, за кулисами «Мимезиса» они бывали не раз и не горели желанием оказаться там вновь. Кроме Максимилиана и Аннет за Ангренажем последовали лишь Форс и пара пожилых туристов, которых ушлый бургомистр все же заставил выписать солидный чек на нужды города.

Глава 12. Волшебный лес

Ангренаж повел гостей в дальний угол вестибюля, где за резной колонной спряталась маленькая дверь. Торжественно отомкнул замок, распахнул дверь, нырнул в темноту и принялся возиться. Заскрежетало, ряд тусклых ламп в ржавых клетках осветил узкий коридорчик и Ангренажа подле рубильника.

– Добро пожаловать в потаенное царство! – произнес он высокопарно. – Здесь, скрытые от глаз зрителей, обитают чудеса, которые заставляют оживать на сцене мир грез.

Переход в мир грез оказался обшарпанным и пыльным. Возможно, здесь даже водились мыши, потому что под досками пола шуршало и попискивало. Зеленая штукатурка вздулась пузырями, а лампы не справлялись со своей задачей, отчего в коридоре было темно и уныло.

Ангренаж махнул, приглашая идти следом, и поспешил к проходу, скрытому синим бархатным занавесом. Путаясь в тяжелых складках, гости прошли в закулистье, и перед ними, наконец, открылись обещанные чудеса.

– Здесь мы держим декорации к спектаклям, которые из года в год показывают в «Мимезисе», – пояснил механик. Голос его прозвучал глухо: эхо потерялось среди холщовых задников на сложной системе канатов. Пыли здесь было куда больше. Аннет чихнула, Максимилиан незамедлительно передал ей свой носовой платок.

Миновали задники и прошли в следующее помещение. Было оно огромным, но, как и коридор, освещалось плохо. Свет неярких ламп отражался от медных сфер, установленных на подвесных рельсах.

Аннет потрясенно покрутила головой. Будто внутри купола из паутины стоишь! Но чудеса только начались. Ангренаж повернул рычаг, загудел генератор, зажглись огоньки. Сферы принялись вращаться и медленно поползли по стальным рельсам в разные стороны; описывали круги, убегали к потолку и возвращались.

– Похоже на теллурий в столичном планетарии! – блеснула познаниями Аннет. Ей было очень интересно. Пожилая туристка осторожно потрогала пальцем установленный на конструкции кристалл хрусталя. Форс громко зевнул и побренчал цепочкой от монокля. Аннет увлеченно следила за движением сфер, а Максимилиан не отводил от нее глаз.

– Реквизит к спектаклю «Никлас и Тайны вселенной», – пояснил Ангренаж, выключая механизм. Сферы застыли, гудение стихло. – Идем в волшебный лес!

Когда оказались в следующем помещении, Аннет окончательно поверила, что попала в сказку. Здесь росли сотни деревьев из белого картона. Светильники были установлены на полу, отчего по стенам тянулись черные силуэты. Узловатые ветви сплетались в темную крону, а белые стволы походили на прекрасные привидения.

– А это декорации к спектаклю «Элис в волшебной стране». Представление для детей, автоматы в нем не участвуют, зато используется игра света и теней. Ничего интересного.

Аннет не поверила. Жаль, что сегодня им не показали этот спектакль вместо жуткого зрелища с распиливанием несчастной куклы! Картонный лес ей очень понравился. Он казался бесконечным, в нем можно было легко заблудиться. Ни одно дерево не было похожим на другое. С ветвей свисали картонные циферблаты и серебряные звезды, на пружинных подвесах трепетали лазурные бабочки. Ей хотелось остаться здесь, но Ангренаж уже звал дальше. Пожилые туристы нетерпеливо топтались, а Форс откровенно скучал.

Экскурсанты покинули зачарованный лес и перешли в зал, полный механизмов и матерчатых задников. Подвесы, лебедки и непонятные детали торчали из стен, свешивались с потолка, уходили в темноту. Аннет споткнулась и чуть не упала. Максимилиан подхватил ее под руку.

– Осторожно, рельсы! – предупредил Ангренаж. – По ним автоматоны выезжают на сцену. Приводы пневматические, работают за счет сжатого воздуха. Вот они, звезды сегодняшнего спектакля! Доктор Саббеликус, Маргарита и Пильщик!

Восторг Аннет как рукой сняло: здесь жили автоматоны с лицами умерших людей. Саббеликус, похожий на пугало на колесиках, застыл в углу. Рядом пригорюнилась нежная Маргарита с белоснежными косами из пакли. К Пильщику подходить хотелось меньше всего, но делать было нечего: Ангренаж принялся рассказывать историю жестокого убийцы. Он провел пальцами по зубьям пилы и обратил внимание экскурсантов на их остроту:

– Несколько лет назад я нашел документы Жакемара. Не поверите, но это та самая пила, которой фокусник прикончил свою жену! Костюм мы ему обновили. Теперь автоматон одет по последней цирковой моде. Раньше и рубаха на нем была та самая, с пятнами крови. Увы, ее погрызли мыши.

Механик отпустил пилу, достал платок и брезгливо вытер пальцы. Пожилые туристы выглядели так, словно их вот-вот стошнит. Форс перестал зевать и заинтересовался.

Ангренаж откинул крышку ящика и продемонстрировал выложенные красным бархатом внутренности.

– Этот автоматон приглянулся членам столичного кружка оккультистов, – поведал он. – Они часто приезжают в наш город, чтобы поохотиться на призрак Железнорукого – ах да, Аннет, я все забываю рассказать вам его историю! Она не менее интересна, чем история Пильщика. Так вот, не поверите, некоторые оккультистки платили большие деньги, чтобы забраться в этот ящик. Говорили, что внутри они слышали потусторонний голос, который приказывал им делать всякие занятные вещи. Мы прекратили потакать их прихотям после неприятного случая. Однажды автоматон включился самопроизвольно. Бывает, что поделаешь! Механизм старый. В ящике в этот момент разлеглась туристка, и ее чуть не порезало пилой. Она потом уверяла, что в Пильщика вселился злобный дух. Когда пришла в себя, была в полном восторге. Даже статью написала в «Вестник оккультизма».

Аннет пробрала дрожь, и не ее одну; в этот момент послышались шаркающие шаги. Туристы вцепились друг в друга, Форс подпрыгнул, чертыхнулся, и нервно рассмеялся, когда из теней выступил Петр. В руках он нес поднос, уставленный стаканами. Подошел к столику в углу, поставил поднос, полюбовался на него, вздохнул и отошел.

– Наш городской шарманщик, а по совместительству капельдинер и рабочий сцены принес вам освежиться, – успокоил экскурсантов Ангренаж, посмеиваясь. – Вы, поди, решили, что по вашу душу явился призрак Пильщика или Железнорукого?

– Я как раз подумал, что неплохо было бы промочить горло, – ответил Форс, живо схватил рюмку и клацнул металлическими зубами о край.

На подносе была и кружка Аннет с золотистым напитком. Она с благодарностью взяла ее: мучила жажда. Мешалась сумочка, пришлось положить ее на стол. Максимилиану и туристам достались высокие бокалы с чем-то красным. Пили в неловком молчании. Казалось, стеклянные глаза автоматов смотрят на них с упреком. Особенно жутко выглядел Пильщик. На его лице с узко поставленными глазами и провалившимися щеками навечно застыло пустое, а оттого особенно страшное выражение. Аннет почувствовала непреодолимое желание снять его маску и посмотреть, что под ней скрывается. Разумеется, там была механическая начинка, но фантазия рисовала ужасные образы. Аннет чуть было не призвала свой талант репликатора, чтобы глянуть на истинную природу автоматона, но вовремя спохватилась.

Форс хихикнул и подкрутил ус:

– Не желаешь клюнуть на брудершафт, приятель? – фамильярно обратился он к железному фокуснику и протянул рюмку. Аннет содрогнулась. Ей показалось, что Пильщик вот-вот любезно наклонит голову, принимая угощение, и приготовилась удирать с громким визгом.

Страшного автоматона заслонил Петр. Он встал перед Аннет, кивнул ей в сторону черного ящика и сделал выразительный жест: мол, ложись, не стесняйся. Ангренаж шикнул на него, а Максимилиан сказал насмешливо:

– Мне кажется, господин Колезвар приглашает вас соприкоснуться с потусторонним.

– Нет, и не уговаривайте. Я не любительница оккультных наук и маньяков.

Петр покачал головой, нахмурился, а затем красноречиво протянул руку ладонью вверх. Он рассчитывал на вознаграждение за оказанные и неоказанные услуги. Аннет предположила, что шарманщик, он же помощник механика, он же капельдинер, он же городской сумасшедший, прорицатель и чистильщик аттракционов, частенько получал мзду от экзальтированных дамочек, проводя их тайком за кулисы, чтобы они могли устроиться в ящике, где двести лет назад встретила свой конец неверная жена фокусника.

Шарманщик пошевелил пальцами: поторапливайся, не жадничай! Стало неловко. Она пошарила в сумочке и высыпала на заскорузлую ладонь пригоршню мелочи. Хитрый забулдыга расцвел, подмигнул и произнес сиплым голосом:

– Премного благодарен, прекрасная дама. Надвигается гроза, но старый Петр видит, что тебе она не страшна. А вот лесенка хороша выйдет! Раз ступенька, два ступенька – и на волю.

Ошеломив прорицанием, шарманщик повернулся и резво поспешил к выходу.

– Аннет, что вы наделали?! – возмутился Ангренаж. – Вы что, дали ему денег? Ох, зря, зря! Плакал мой свободный вечер. Теперь Петр напьется, и ищи-свищи ветра в поле. У него много работы в театре. После спектакля нужно смазать и перебрать каждого актера, а то в следующий раз они засбоют в неподходящий момент. Теперь придется заняться этим самому. Пильщик ужасно капризен! Однажды у него разъехались ноги, он согнулся пополам и застыл на сцене в неподобающей позе... кхм... нижней частью торса кверху. При этом трясся и скрипел, точно сломанная кофемолка. Зрители хохотали вместо того, чтобы трепетать. А ведь сцена распиливания доктора полна мрачного символизма! Кара за грех гордыни, искупление через боль...

– Откуда она знала, что ваш полоумный кузен такая важная птица в театре и ему нельзя давать ни гроша? – раздраженно прервал его Максимилиан.

Ангренаж рассыпался в извинениях.

– Простите, Аннет, конечно, вы не виноваты. Я должен был лучше за ним следить. В чем-то Петр похож на большого ребенка...

– Мне очень жаль, что так вышло, – расстроилась Аннет и от смущения сделала добрый глоток из своей кружки. Ангренаж проследил за ней круглыми глазами.

– Вы что, пьете медовуху? – произнес он сдавленным голосом. – Вас никто не предупредил? Как вы себя чувствуете?

Максимилиан быстро вырвал кружку из ее рук, понюхал содержимое и скривился.

– Я правильно угадал? – спросил он Ангренажа сердито. – Приготовлено из того самого галлюциногенного меда? Ну, дела...

Механик виновато пожал плечами.

– Туристы любят наш особенный напиток из меда горных пчел... Его добавляют не так много, но эффект бывает удивительный... Вы в порядке, Аннет? Голова не кружится? Видите что-нибудь странное? Ну ничего, в жизни нужно попробовать все. Главное, не пить много.

Аннет стояла с полным ртом приторного напитка и не знала, что ей делать. Не выплевывать же прямо на пол! К счастью, Максимилиан вовремя догадался о ее проблеме и быстро протянул кружку. Она стыдливо отвернулась, освободила рот, поставила кружку на стол и прислушалась к собственным ощущениям. Пока все было в порядке. Как она могла забыть, что за мед собирают местные пчелы!

Туристы зашушукались, а Форс оживился:

– Эй, я не знал, что вы подаете медовуху! Зачем, спрашивается, я пью эту кислую дрянь вместо того, чтобы хлебнуть вашего чудесного медку? Вы как хотите, а с меня хватит пыльных задников. Пора повеселиться.

С этими словами он залихватски подкрутил рыжий ус, повернулся и шустро, как почувывший приманку таракан, засеменял прочь. За ним поспешили туристы.

– Погодите! Я же еще не показал наше осветительное оборудование! – Ангренаж досадливо взмахнул руками и, прихрамывая, кинулся вслед.

Аннет и Максимилиан переглянулись.

– Кажется, экскурсия подошла к концу, – вздохнула Аннет.

Когда они вышли в бумажный лес, механика и гостей уже и след простыл. Издалека донесся тенор Карла, который уговаривал Форса не спешить, одуматься и полюбоваться на сценические прожекторы. Затем все стихло.

Максимилиан и Аннет медленно брели среди шелестящих деревьев. Максимилиан будто невзначай взял ее за руку, многообещающе скользнув пальцами по запястью. Аннет глянула на него искоса и строго спросила:

– Вам удалось продвинуться в нашем расследовании? Я узнала, что все наследники Жакемара, и даже бургомистр, разбираются в механике. Каждый из них мог поколдовать над часами в моем номере.

– Я тоже побеседовал с наследниками и некоторыми горожанами, – помедлив, ответил Максимилиан. – И вот что узнал: после встречи в музее они все были на виду. Луиза проводила Карла до дома, затем купила рогалик с маком и вернулась в библиотеку. Бургомистр вел прием в ратуше. Петр торчал на площади. Полицейский пил пиво в компании друзей-огородников. А Карл, по словам соседей, сидел дома и носа оттуда не высовывал.

– Остается Швиц. Он тоже был рядом с гостиницей, помните?

– Кстати, о Швице. Я расспросил полицейского и узнал немало любопытного. Швиц – персона известная в Механисбурге, в основном своими темными делишками. Контрабанда, подкуп, запугивание неугодных. Это про него говорил Гильоше, когда хвастался часами, что доставил ему местный жулик. Но в тот день Швиц сидел в той же пивной, что и полицейский. Он не мог пройти к вам в гостиницу. А коридорах не видели никого постороннего, и на пожарной лестнице преступник не болтался. Думаю еще раз побеседовать с управляющим и горничной, но интуиция подсказывает, что они тут ни при чем. Ведь все шишки полетели бы на них, случись с вами настоящая беда.

– А про тайну автоматона вы что-нибудь узнали?

– Не успел, – признался Максимилиан. – Меня взяла в плен Белинда. Ох, и шустрая девица... Завтра ходим в библиотеку и в гости к Карлу. Посмотрим, что удастся обнаружить. Они замедлили шаг. В зачарованной роще царило волшебство.

– Никогда не видела ничего подобного! – призналась Аннет.

Деревья были вырезаны из картона так хитро, что отбрасывали удивительные тени – драконов, сирен, цветов или ведьм. Если задеть дерево рукой, тени шевелились как живые, по лесу разлетался едва слышный шорох, словно шепот десятка голосов.

– Эту декорацию тоже сделал Жакемар?

– Вряд ли. Скорее, кто-то из его учеников или внуков. Хорошая сказка не в характере старого мастера.

Они достигли края зала и остановились у бумажного дуба. Утомленная Аннет прислонилась к кирпичной стене. Максимилиан встал рядом, опершись рукой на стену над ее плечом. Девушка запрокинула голову и глубоко вздохнула. Полумрак и сказочная атмосфера располагали к необдуманным поступкам. В крови все еще бродил медовый дурман. Наверное, именно он заставил ее рассматривать лицо склонившегося над ней мужчины куда пристальнее, чем следовало. Она пыталась понять, в чем кроется его привлекательность. Красавцем его не

назовешь: нет ни капли утонченности в его крупных чертах и длинном подбородке. Нос как у портового забияки. Разве что глаза необычные да изгиб бровей выразительный. Да еще эти складки у губ... Она уверяла себя, что ей вновь движет интерес фотографа. Пожалуй, будет действительно любопытно запечатлеть его неуловимое обаяние на фотографической бумаге. Жаль, изображение черно-белое...

Будто во сне Аннет подняла руку к виску Максимилиана, быстро коснулась и спросила:

– Почему у вас темные волосы, а баки – рыжие? Если вы отрастите бороду, будете похожи на Рыжебородого Генри.

– Такое часто бывает у мужчин с каштановыми волосами, – ни капли не удивился Максимилиан. – Вы раньше не замечали?

– Никогда.

Максимилиан усмехнулся, и она поспешила переменить тему:

– Мне здесь очень нравится. Такое удивительное освещение...

Разрядить нарастающее напряжение не получилось, потому что Максимилиан прервал ее:

– Ваша кожа светится перламутром, вы знаете? Впрочем, дело не в освещении. Вы и в лучах солнца похожи на весеннюю фею. А таких зеленых глаз я не видел ни у кого. Их красоту не скрывает даже ваше пенсне народной просветительницы.

С этими словами он поднес руку к ее лицу, осторожно потянул за дужку, снял пенсне и неторопливо опустил себе в карман. Жест получился бесстыдно интимным, как будто он не очки с нее снял а, например, блузку.

Его поступок и слова произвели на Аннет куда большее впечатление, чем хотелось бы признать. «Я как-то неправильно себя веду, – осознала она. – Он решит, что я его поощряю. Но я не хочу его поощрять. Это ни к чему хорошему не приведет. Вон как самодовольно улыбается. Думает, попалась, наконец, дурочка, в его сети».

Ни с того ни с сего бумажные листья затрепетали, как от сквозняка, тени ожили и принялись танцевать.

Максимилиан наклонился ближе. Аннет почувствовала на щеке его дыхание и встрепенулась:

– От вас пахнет вином! – обличающе воскликнула она. – Вы пили вино?!

– Ну да, – признался босс. – А что такого? Вы же пригубили медовухи. Я тоже хочу расслабиться.

– Сами признавались, что от вина вы теряете голову и выкидываете глупости, – упрекнула его Аннет.

Он хищно усмехнулся.

– Вы этого боитесь? Что я совсем потеряю голову? Напрасно. Я выпил всего пару глотков. Отлично себя контролирую. Иначе я бы не обсуждал Жакемаровых наследников, а сразу сделал то, что мне ужасно хочется: поцеловал вас.

У Аннет гулко забилось сердце. Она попыталась сделать шаг в сторону, но Максимилиан положил вторую ладонь на стену, и она оказалась в ловушке.

– Не волнуйтесь, Аннет. Мне можно доверять, – успокоил он ее таким вкрадчивым тоном, что она еще сильнее насторожилась. – Я бы всего-навсего поцеловал вам руку... вот здесь.

Он взял ее безвольную кисть и легко потер тыльную сторону большим пальцем.

– Конечно, я бы этим не ограничился... потом я бы поцеловал вас в запястье. У вас здесь удивительно тонкая кожа...

Он перевернул ее кисть и коснулся пальцем там, где на запястье билась жилка. Аннет затрепетала. Она не могла сдвинуться в места. Он ее словно загипнотизировал! Максимилиан тихо продолжал:

– Затем я коснулся бы губами здесь и здесь...

Она почувствовала, как он медленно расстегнул пуговички на рукаве. Их было ужасно много, и когда он справился, манжета распалась на две части, обнажив руку до локтя. Его палец медленно скользнул по внутренней стороне предплечья, до самой ямки на сгибе. Аннет вздрогнула от щекотки, но руку вырвать не смогла, потому что Максимилиан крепко удержал ее за локоть. Сердце уже не просто билось – оно сходило с ума. Его пальцы казались раскаленными, а голос шептал прямо на ухо:

– Дальше рукав... какая жалость. Но ничего: шелк тонкий, и вы бы легко почувствовали прикосновение моих губ сквозь ткань, когда я бы двинулся дальше... к плечу, потом сюда, к шее. Здесь я бы задержался подольше.

Его пальцы уверенно скользили, показывая, что именно делали бы его губы. Аннет затаила дыхание, угадав, куда они двинутся затем. Предвкушение было таким сильным, что колени задрожали, воздуха стало не хватать.

– Наконец, я бы добрался до цели. И сделал то, что мне снится каждую ночь в последние дни, – голос Максимилиана охрип, когда он произнес эти слова. Большой палец медленно провел по очертанию нижней губы Аннет, и она пришла в полное замешательство.

Сглотнула раз, второй. На третий раз не вышло, потому что во рту пересохло. Ничего подобного с ней раньше не происходило.

Она целовалась с Бастианом, и ей было приятно, но острого удовольствия она не испытывала, когда, как рассказывали подруги, мир словно пропадает, а тело трепещет от восторга.

А еще Бастиан шумно дышал, и исходящие из его носа звуки умиляли, но не давали забыть. Аннет прислушалась: если бы Максимилиан принялся пошло пыхтеть, ей стало бы проще. Она бы рассмеялась, оттолкнула его и с легкой душой сбежала.

Дыхание Максимилиана действительно участилось, но было беззвучным. Она видела, как поднимается и опускается его грудь, и от этого ее волнение лишь усилилось. А еще она слышала, как гулко стучит его сердце. Или это было ее собственное?

Максимилиан придвинулся ближе и навис над ней. Ее окутал идущий от его тела жар и запах одеколона, смешанный с легкими нотками табака. Он наклонил голову; она как зачарованная смотрела на твердую линию его щеки и тонкий кусок пластыря возле уха, где он порезался утром.

А затем это случилось: он сжал ее лицо ладонями и поцеловал. Неспешно и уверенно, как мужчина, который знал немало женщин.

Аннет показалось, что она ухнула в бездонную пропасть. Перехватило дыхание, пол ушел из-под ног, а в голове рассыпался яркий фейерверк. Губы Максимилиана оказались твердыми, уверенными, имели вкус пряного вина, а щека и подбородок легко кольнули дневной щетиной.

Поцелуй становился то невесомым, то жадным, и вызывал дрожь и острое наслаждение. Максимилиан не давал ей времени прийти в себя, однако тоже понемногу терял самообладание. Аннет чувствовала, что он пылает, его руки скользнули по ее шее, ниже, к вороту платья...

Максимилиан отстранился, но лишь на миг; его губы коснулись основания ее шеи. Аннет почувствовала, как его зубы легко прикусили нежную кожу, и совсем пропала. Она не возражала бы, пожелай Максимилиан большего... что угодно... прямо здесь, у этой кирпичной стены, среди пыльных театральные декораций.

Такого влечения она раньше не испытывала, и понятия не имела, что с этим делать. Еще немного, и она будет готова на любую глупость. Образумить ее могло лишь какое-нибудь нелепое происшествие, которое не замедлило случиться. Чувствуя, как стучит в висках пульс, она запрокинула голову и задела затылком стену. На плечи посыпались колючие куски отставшей штукатурки. Аннет вздрогнула. Дурман отступил, в голове стало холодно и ясно. Бумажные листья вновь зашумели от неведомого сквозняка, словно осуждая ее за легкомыслие.

– Хватит, – прошептала она, собрав все силы и втайне надеясь, что он оставит ее слова без внимания. – Прекрати. Я хочу уйти отсюда.

– Да, – ответил он, тяжело дыша. – Вернемся в гостиницу. Здесь не самое подходящее место...

Сказав это, он совершил серьезную ошибку. Аннет окончательно вернулась в реальность. Ясно, что произойдет в гостинице, стоит им переступить порог его или ее номера! Она заставила себя взглянуть в его лицо и увидела плохо скрываемое торжество. В груди неприятно кольнуло.

Вот, значит, как! Он спланировал все с самого начала, упорно шел к цели, использовал каждую возможность и успешно довел игру до конца. А ведь она поклялась не ввязываться в любые отношения с такими мужчинами, как Максимилиан! Он не похож на Бастиана, и все же между ними много общего. И вот, пожалуйста – пара поцелуев, и она готова кинуться с головой в омут пустой интрижки. Которая, несомненно, оставит ее с разбитым сердцем и чувством презрения к себе, когда все закончится. А закончится все очень быстро, в этом она не сомневалась. Такие мужчины не любят долго терпеть присутствие одной-единственной женщины подле себя. Этот урок она отлично усвоила!

Ее терзали досада и угрызения совести.

– Я не хочу идти с тобой в гостиницу. Я ничего этого не хочу. Ты неправильно меня понял, – произнесла она так твердо, как только могла.

Максимилиан издал короткий смешок.

– Мне кажется, ты не всегда понимаешь, чего действительно хочешь, Аннет, – прошептал он ей на ухо, – Позволь мне помочь тебе в этом разобраться. Давай вернемся в гостиницу и там поговорим.

Он опять потянулся к ее губам, глядя ей в глаза, и взгляд его был темным и жарким. И она опять затрепетала и чуть не сдалась. Что с ней происходит? Да, Максимилиан ей нравился, но не так, как когда-то нравился Бастиан. Не было ни восхищения, ни преклонения, и уж конечно, не было любви. Не было, и точка! Нужно почаще себе это повторять. Написать это себе на лбу, вышить на носовом платке. Вытатуировать на предплечье, как делают певички из кабаре!

Пусть она живет в выдуманном мире, но у нее есть принципы. И вот теперь словно чужой голос в ее голове приказывал ей броситься в его объятия. Не ждать, когда они доберутся до гостиницы, а потянуть его к той куче пыльных занавесей в углу и рухнуть на нее. Никогда раньше она не испытывала такого безумия; голос в голове настойчиво требовал этому безумию уступить.

Вот именно, голос... Внезапно ее осенило. Молинаро неспроста так уверен, что окажется победителем в своей игре! Вон как спокойно принял ее отказ. Уверяет, что лучше знает, чего она хочет. Смотрит насмешливо, словно не сомневается в ее решении. Так и ест глазами. Плещет сеть, одурманивает...

И тогда Аннет изо всех сил толкнула его в грудь. Максимилиан отшатнулся и выпрямился, сжав кулаки. На его лице застыло удивление.

– Что ты делаешь? – спросила Аннет свистящим от гнева шепотом. – Я поняла. Ты эмпат. Ты играешь с моим подсознанием, верно? Ты вытаскивал наружу мои инстинкты и заставляешь чувствовать то, что я не хочу. О, как это низко!

Он молчал, и это подтвердило ее подозрения.

– Ты не тигр, Максимилиан Молинаро. Ты людоед и свинья, – сказала она, топнула ногой и чуть не расплакалась. – За такие шутки лишают лицензии сенситива. Я пожалуюсь на тебя. Не смей ко мне прикасаться.

Он был раздосадован и сердит, хотя и пытался это скрыть. Однако гнев легко читался в плотно сжатых губах и складке между бровей.

Тяжелое молчание длилось бесконечно. И когда он наконец заговорил, воздух звенел от напряжения.

– Не говори ерунды, – сказал он очень ровным голосом. – Ничего подобного я не делал. Ты что, совсем маленькая девочка, и ничего не понимаешь? Выкидываешь такие номера, что я начинаю сомневаться в твоём или своём рассудке. Слушай, ты же взрослая женщина. Ты жила с этим, как его... твоим подающим надежды гончаром, или декоратором, или как там его... Ванесса рассказывала...

– Ты расспрашивал обо мне Ванессу? – Аннет накручивала себя все сильнее.

– Да, – ответил он твердо. Он уже вернул самообладание, и теперь в его тоне появилось холодное разочарование. – Расспрашивал. Ты меня заинтересовала, я хотел знать, нет ли у тебя постоянного покровителя, или возлюбленного, или жениха. И ведь поначалу ты показалась мне такой... другой. Бесшабашной, отчаянной, любознательной. Совсем не похожей на Эдиту. Но теперь вижу, что ошибся. Моя вина.

– Кто это – Эдита? И почему я должна не быть на нее похожей? – бросила Аннет язвительно.

– Моя бывшая жена.

Признание больно хлестнуло по нервам.

– Та самая, которая сбежала от тебя, потому что ты напропалую изменял ей с такими, как я? И приживал детей на стороне?

Максимилиан ничего не ответил, только скрипнул зубами.

После затянувшейся паузы он, наконец, произнес:

– Думаю, потом тебе будет стыдно за то, что ты наговорила.

– Стыдно должно быть тебе, а не мне! Как ты смеешь говорить мне такие вещи, оскорблять, упрекать меня в том, что я... что я...

Аннет набрала воздуха, чтобы отпустить очередную колкость, но он ее перебил:

– Хорошо. Прости. Мне очень жаль. Ты не хочешь иметь со мной дела. Дала это понять яснее ясного. В прошлый раз ты меня ударила, теперь обвинила черт знает в чем и обозвала свиньей. Даже такое животное, как я, поймет, что шансов у него нет. На этом все. Больше я границы не нарушу. Клянусь, и пальцем тебя не трону. Буду относиться так, как ты всегда этого хотела: как к мужчине, деловому партнеру, служащему. Скоро мы вернемся в столицу, и ты меня больше не увидишь. Потерпи пару дней.

Аннет отвернулась и скорым шагом пошла к выходу. Слушать его она не хотела. Он нагнал ее и холодно приказал:

– Не спеши.

В полном молчании они прошли мимо пыльных задников и блестящих от смазки механизмов, миновали тускло освещенный коридор и подошли к двери в вестибюль. У Аннет на душе было так плохо, что хотелось умереть. Она чувствовала себя униженной, обиженной, но в то же время обидчицей. Она поступила правильно, но совесть то и дело укоряла ее за те слова, что она бросила Максимилиану в лицо, и за ее собственную глупость.

Она непроизвольно захлопала носом, остановилась и принялась шарить в нагрудном карманчике платья в поисках платка. Платка не оказалось, вместо этого пальцы нащупали твердый кругляшок.

– Возьмите, – Аннет протянула его Максимилиану. – Это брелок Жакемара. Простите, забыла вернуть вам раньше.

Он взял его и положил в карман. На лице не дрогнул ни один мускул.

– Думаю, тебе стоит привести себя в порядок, прежде чем мы выйдем, – он кивнул на ее рукав.

Закусив губу, Аннет сердито сражалась с пуговицами, а он молча ждал. Она не могла справиться целую вечность, а когда закончила, Максимилиан тихо сказал:

– И на вороте платья. Ты не заметила, что я... – он осекся.

Покраснев до слез, она быстро застегнула последние пуговицы, и они вышли в вестибюль.

Глава 13. Пильщик

В вестибюле оказалось пусто. Свет притушили, почти все горожане и туристы разбрелись по домам. Вечеринка завершилась.

Луиза помогала местной девушке убирать со столов и гремела стаканами, как будто решила расколотить их все до единого. Гильоше и Пендельфедер спрятались за колонной и о чем-то горячо спорили. Петра видно не было, его скрипка сиротливо лежала на табурете. Вероятно, шарманщик сбежал в город обменять выклянченную мзду на шнапс. Ангренаж устало расположился на кушетке в углу и кисло поглядывал на Форса, который чуть ли не в обнимку стоял с опустевшим котлом с пуншем.

Золотопромышленник выполнил свое намерение хорошенько угоститься чудесным напитком. Его выпуклые глаза остекленели, рыжие усы обвисли, и он вел увлекательный разговор с невидимым собеседником, отчаянно при этом жестикулируя. Время от времени он замолкал, широко открывал рот и осторожно ощупывал свой золотой фонд. Можно было лишь строить догадки, что или кто явился ему в видениях, которые вызывал мед горных пчел.

Стоило Аннет и мрачному Максимилиану выйти в центр зала, как к ним наперерез бросилась Белинда.

– Господин Молиаро, я вас повсюду ищу! Требуется ваш опыт антиквара. У нас дома есть десяток картин кисти какого-то известного живописца – вечно забываю его имя! Мама хочет узнать, можно ли продать часть, и что за них дадут. Не откажитесь побеседовать с ней – она сидит в углу, ну же, прошу-прошу, пожалуйста, идемте, не будьте буквой!

Линда интимным жестом подхватила его под локоток и заглянула в лицо томным взором, который обещал куда большее, чем разговор о живописи.

Максимилиан, сраженный такой непосредственностью, улыбнулся и дал увлечь себя к кушетке, на которой с неприступным видом восседала бургомистерша: белобрысая, тощая и надменная.

Аннет осталась на месте и проводила взглядом удаляющуюся спину босса. Вздохнула: отношения между ними испортились окончательно и бесповоротно. В животе стало холодно, словно она проглотила лягушку.

Пора было собираться домой; бой часов возвестил, что до полуночи остался час. Аннет принялась бродить по вестибюлю, разыскивая свою сумочку. Ее нигде не было. Вот досада: она же оставила ее в той комнате с автоматами! Положила на столик, когда Петр принес напитки. Выходит, нужно возвращаться в мрачное закулисье. Но не идти же туда одной!

Покосилась на босса и вспыхнула: расположившаяся на кушетке компания неплохо проводила время. Максимилиана усадили посередине, бургомистерша взирала на гостя благосклонно, Линда чирикала, вытягивая губки в трубочку, а босс этими самыми губками открыто любовался. Аннет уже знала, к чему этот многозначительный прищур разноцветных глаз и приподнятый в усмешке уголок рта! Похоже, не очень-то он расстроен недавней сценой в волшебном лесу. Быстро нашел утешение.

Аннет раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она ужасно сердилась на Максимилиана, а с другой... ей было стыдно. Она прекрасно понимала, что накинулась на него по чем зря. Такому мужчине, как Максимилиан вовсе не нужно прибегать к грязным трюкам, чтобы увлечь девушку.

И эта девушка увлеклась им, еще как! Глупышке с самого начала следовало вести себя иначе. Но он-то тоже хорош: мог ведь понять, что она была растеряна. Напугана новыми чувствами, которые так и не смог пробудить в ней ее бывший друг. Но она была не готова к тому, что предлагал Максимилиан, вот и наговорила гадостей сгоряча. Будь он действительно к ней неравнодушен, поступил бы иначе. Выходит, этому типу действительно только одного от нее

и было нужно. А раз не вышло потешить свое мужское тщеславие – ну и ладно. Поди, жалеет сейчас, что зря тратил на нее время.

Вновь накатила горькая обида. Аннет отвернулась и поискала взглядом Ангренажа. Пусть Карл проводит ее за кулисы. Но механик пропал, стул опустел.

Настроение было хуже некуда, нервы взвинчены до предела, кровь будоражила пьяненькая храбрость, и поэтому, гордо задрав подбородок, Аннет решительно вернулась к двери за колонной, чтобы в одиночестве отправиться бродить по театральным задворкам в поисках злосчастной сумочки.

Ну вот, сейчас она поступит как глупая героиня фильмов, которая, оставшись в доме с привидениями, среди ночи берет свечу и тащится в подвал проверить, кому там приспичило поковыть и побренчать цепями.

Плевать, думала Аннет. Это не кино. Ничего страшного. А если и случится с ней что – например, притаившийся среди задников купидон пустит в нее стрелу или появится неуправляемый Швиц и придушит, – вот тогда Молинару пусть пожалеет, что повел себя, как болван. Он еще будет убиваться на ее могилке, рвать волосы и стенать!

Подбадривая себя таким детским способом, Аннет отворила дверь.

Стоило войти в полутемный коридор, как по спине побежали мурашки. Ну и местечко! Стараясь не глядеть по сторонам, Аннет пронеслась мимо пыльных задников, торопливо прошла комнату с небесными сферами и почти бегом пересекла бумажный лес. Деревья шуршали, как живые. Почудились шаги, стало так страшно, что мышцы на спине окаменели, а руки похолодели. Волшебство покинуло это место, и теперь оно казалось кладбищем, населенным безутешными призраками. И все же Аннет покидать его не спешила; она застыла как вкопанная перед занавеской, за которой был проход в комнату с автоматами, и не могла решиться войти. Внутри было еще страшнее: там стояли ужасные куклы. Если бы Максимилиан был рядом с ней! Он бы заметил ее волнение и отпустил очередную двусмысленную шутку. Она бы разозлилась и осмелела. Да и чего ей было бы бояться рядом с человеком, который носит титул полкового чемпиона по боксу и умеет не только сырный пирог испечь, но и сделать из противника котлету!

Однако теперь она должна справляться с трудностями в одиночку. Быстро же привыкаешь к тому, что рядом всегда есть мужчина, который о тебе заботится – пусть даже об этой заботе его не просили.

Аннет закусила губу и откинула занавес.

В комнате все оставалось по-прежнему. Свет тусклой лампочки под потолком отражался на рельсах и деталях механизмов. Автоматы прятались в тенях.

Тихо, жутко.

Сердце забилось часто-часто, ноги стали как ватные и никак не хотели шагать. Некстати в голову ударили остатки медового дурмана. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, принялись очертания пчелок, а затем пропали, однако окружающая обстановка казалась странно искаженной, как бывает, когда смотришь на комнату сквозь стекло аквариума.

– Привет, друзья! – громко обратилась Аннет к автоматам, чтобы подбодрить себя, но еще сильнее испугалась: а ну как в ответ раздастся скрипучее «Приве-е-е-ет!», а подвижно закрепленные рты в железных масках зайдутся в замогильном смехе от радости, что в логово забрела жертва?

Отставить глупости! Она здесь одна. Привидений не бывает. Пильщика повесили двести лет назад, а доктор Саббеликус и глупая, наивная Маргарита, поддавшаяся на уговоры сладостнолюбца, который ее и сгубил, – выдумки. Все они лишь куклы, беспомощные без своего мастера.

– Не видели мою сумочку? – упрямо продолжила допытываться Аннет.

Куклы, разумеется, в ответ тактично промолчали. Аннет немного расслабилась, прищурилась и огляделась – досада, пенсне-то осталось в кармане мерзавца Молинару!

Вот и сумочка – лежит себе на столе рядом с кружкой.

Смело прошла к центру комнаты, взяла сумочку и перевела дух. Ничего страшного не случилось. Теперь в обратный путь.

Она собралась повернуться, но тут что-то стукнуло. Голова кружилась все сильнее, стая пчелок опять замельтешила перед глазами, в ушах раздался тоненький свист. Аннет охватило дурное предчувствие, от которого во рту стало сухо, а мышцы живота непроизвольно сжались. В углу комнаты померещилось движение тени. На мгновение ей показалось, что Пильщик ожил и вот-вот кинется на нее.

Ничего подобного не произошло. Вместо этого на Аннет напали сзади.

Жесткая ладонь в кожаной перчатке зажала ей рот и так надавила на челюсть, что в шее хрустнуло. В первую секунду Аннет оцепенела от ужаса. В голове зашумело от прилива крови, сердце остановилось, паника отключила мозг. Потом она замычала и попробовала ударить локтем, но ладонь переместилась выше, зажав нос. В легких не осталось ни грамма воздуха, сознание помутилось. Мир поплыл куда-то вбок, в голове ударил набат.

Она беспомощно трепыхалась, боролась отчаянно, не сознавая, что делает. Напавший тем временем принялся споро шарить свободной рукой по ее телу; залез в карманчик на груди, ощупал складки на юбке. Затем хорошенько встряхнул свою жертву и развернул, как куклу. Рука освободила ее лицо, и теперь она могла дышать, но никак не получалось сообразить, как это делается. Перед глазами стояло красное марево.

Ее куда-то потащили, а у Аннет получалось лишь беспомощно скрести каблуками по доскам. Раздался скрип, ноги оторвались от пола, а затем она ухнула вниз и приземлилась на мягкое. Опять заскрипело, ноги и грудь передавило так, что не пошевелиться.

Аннет проморгалась, увидела над собой неподвижное лицо Пильщика и, наконец, заорала. Голос ее прозвучал глухо, словно в рот набили ваты. Звуки быстро умирали в помещении с тяжелыми бархатными занавесями и матерчатыми декорациями. Ее никто не мог услышать. Да и кричала ли она вообще? Во сне так бывает, а Аннет все больше казалось, что она видит кошмар и вот-вот проснется.

Она лежала в похожем на гроб ящике. Он состоял из двух отделений, чтобы в нем могли спрятаться две девушки, участвовавшие в безобидном фокусе, но теперь она занимала все пространство, как когда-то жена Пильщика. Ее ноги и торс зафиксировали стальные прутья-зажимы.

Не переставая издавать вопли, Аннет попробовала повернуть голову и, наконец, разглядела своего врага. Он отошел от ящика на пару шагов и возился в тенях: гремел чем-то стальным.

Фигура была очень высокой, в черном плаще до пят и широкополой шляпе. Лицо замотано шарфом. Он двигался странно, немного скованно, как сильно замерзший человек, но в движениях его была жуткая неотвратимость.

Он не спеша наклонился, взял с пола сумочку, которую Аннет обронила во время нападения, открыл, тщательно исследовал содержимое и внезапно пришел в ярость. Сильно потряс головой, зашипел и швырнул сумку наземь. Затем успокоился, поднял сумку, аккуратно закрыл и положил на стол.

– Ты кто? Что ты хочешь? – прохрипела Аннет. – Отпусти меня. Сейчас сюда придет Молинаро, и тебе достанется!

Черный человек не ответил. Он вернулся к ящику, внимательно посмотрел, критически склонив голову к плечу. Его лоб и глаза прятались под полями шляпы. Затем он схватил стоявшего рядом Пильщика за грудки и сильно потянул. Раздался скрип колес, автоматон подъехал к ящику.

Черный человек согнул руку Пильщика в локте – ту самую, в которой была зажата пила – и старательно расположил над ящиком, а затем опустил в специальные пазы. Аннет приподняла голову: острые зубья оказались в паре дюймов над ее грудью. Что он задумал?

Страшный замысел открылся через мгновение, когда черный человек повернул рычаг. Пильщик содрогнулся всем телом, загудел, резко наклонился и принялся за работу. Его орудие сначала завибрировало, затем пришло в движение. Туда-сюда, туда-сюда... С каждым проходом лезвие пилы опускалось ниже: потихоньку, едва заметно, на толщину волоска, на два волоска, на три... туда-сюда, туда-сюда...

Аннет подняла глаза: подвижно закрепленная нижняя челюсть на бесстрастной маске слегка приоткрылась, отчего на железном лице появилось выражение предвкушения: вот-вот пила попробует настоящей крови! Космы пакли сотрясались при каждом движении, стеклянные глаза прыгали в прорезях маски.

Из глубины комнаты на нее смотрели двое других автоматов. Аннет явно прочитала на маске Саббеликуса сочувствие, а на детском личике Маргариты – ужас.

И тогда Аннет закричала. Голос сорвался, изо рта вылетали хрипы. Она была абсолютно беспомощной, и ей ничего не оставалось, как ждать ужасного конца.

Нет-нет, спокойно! Ничего ей не грозит. Это лишь сон, галлюцинация. Сейчас остатки дурмана выветрятся, она придет в себя и окажется на стуле в вестибюле. Или в номере гостиницы.

Издалека донесся неясный шум; черный человек резко выпрямился, прислушался, повернулся и пошел прочь. У него была странная походка, тяжелая, скованная. При каждом шаге он издавал скрип. Зашелестел занавес. Аннет осталась наедине со скорой смертью, страшнее которой сложно придумать.

Пильщик гудел, вибрировал, пила быстро ходила и опускалась в пазах. Вот-вот острые зубья зацепят ткань платья, разорвут их, затем коснутся кожи. Она почувствует дикую боль. А затем... нет, умирать во сне не страшно. Ведь потом она проснется. Но если это не сон?

Идея пришла в голову неожиданно. Она репликатор. Она может создавать энергетические копии предметов. Но каких? Что может ей помочь? Как остановить этот автоматон? Увидеть его внутренности и сломать?

Аннет сосредоточилась. Ей и в более комфортной обстановке это плохо удавалось, а теперь, когда паника сковала тело не хуже стальных прутьев, а сознание отказывалось повиноваться, и вовсе ничего не получалось. И все же она попыталась призвать талант.

Тело Пильщика засветилось и стало прозрачным. Нехотя проступили очертания сцеплений, валиков и шестеренок. Они двигались, мелькали. Аннет удвоила усилия. Нужно приказать им остановиться. Голову пронзила острая боль, каждый вздох давался с трудом. Еще чуть-чуть... вот эта шестеренка, должно быть, главная. Стой! Сломайся!

Раздался треск, по телу Пильщика пробежали искры, как от удара молнии. В голове Аннет что-то взорвалось, силы истощились, и неразвитый талант больше не повиновался. А Пильщик загудел и ускорился. Теперь пила ходила вдвое быстрее, а значит, и смерть спешила к Аннет на всех парах.

Больше сделать ничего было нельзя. Аннет зажмурила глаза и приготовилась.

Гул усилился и сменился треском. Она приоткрыла один глаз, затем второй. С Пильщиком происходило непонятное. Он дернул рукой, и пила вышла из пазов. Автоматон отъехал чуть назад, опять вперед, крякнул, согнулся пополам, задрал обтянутый черными брюками зад, и завибрировал. Наверное, со стороны это выглядело очень смешно. Карл рассказывал, что зрители животики надорвали от смеха, когда Петр забыл смазать механизмы и автоматон проделал этот трюк прямо на сцене.

И Аннет тоже рассмеялась – громко, истерически. Гибель ей больше не грозила. Автоматон вышел из строя раз и навсегда. Петр, милый Петр, как хорошо, что ты пьяница, и как хорошо, что она дала ему денег! Этими грошами она купила себе жизнь.

Осталось выбраться из ящика, убежать к людям и попытаться найти того, кто сыграл с ней смертельную шутку.

Вот только как это сделать? Попробовать опять призвать талант?

И она попробовала. Это было сложно, почти невозможно, но впервые в жизни дар репликатора подчинился ей и помог. Зажимы на прутьях нехотя вспыхнули; медленно, очень медленно, она принялась передвигать их энергетическую копию так, чтобы и физическое тело последовало за ней. Раздался щелчок: Аннет, задыхаясь, отвела в сторону прутья, побарахталась и вывалилась на пол. Платье затрещало, длинный лоскут повис на замке.

Кое-как поднялась на ноги и побежала, спотыкаясь. Она не думала о том, что черный человек мог притаиться где-то снаружи: скорее, скорее убраться из этого ужасного места!

Она не помнила, как мчалась по помещениям театра. Свернула не туда и заблудилась. Оказалась в комнате, набитой старым реквизитом. С грохотом обронила вешалку с униформой Петра, нырнула в какой-то проход. Запуталась в складках бархата, зацепилась ногой за стальной рельс и головой вперед вылетела на сцену. В опустевшем зале было темно и гулко, как в пещере. Ринулась назад. Не меньше десяти минут носилась туда-сюда по путанице переходов, затем попала в знакомый коридор: распахнула дверь, откинула занавеску и выбежала на середину вестибюля.

Шум голосов тут же затих, на нее уставились во все глаза.

Зрелище было дикое. Она стояла с всклокоченными волосами, лицо красное, платье разорвано.

Бургомистр издал носом трубный звук. Белинда ойкнула, ее мамаша ахнула. Откуда-то сбоку появилась Луиза и присвистнула. Форс пьяно хихикнул. Максимилиан медленно-медленно поднялся с кушетки и выглядел потрясенным до глубины души. Ангренаж открыл рот, схватился за сердце, но опомнился первым:

– Аннет, где вы были? – произнес он с глубочайшим удивлением. – Почему так выглядите? Вы упали?

– Меня чуть не распилили пополам.

Все озадаченно молчали. Ангренаж проявил сообразительность.

– Кто? Пильщик? Вы что, решили повторить подвиг той экзальтированной дамы, о которой я вам рассказывал? – спросил он таким голосом, словно его вот-вот хватит удар. – Боже мой, но зачем?!

Она разозлилась.

– На меня напали, бросили в тот ящик и включили автоматон. Высокий человек в черном плаще до пят и шляпе. Лицо замотано платком. Он хотел убить меня. Ему это почти удалось.

Ангренаж опять схватился за грудь, а у бургомистра отвисла челюсть. Что происходило с Максимилианом, она не видела – старалась на него не смотреть.

Аннет принялась рассказывать. Она говорила и говорила, жестикулировала, пытаясь лучше донести произошедшее до окружающих, а окружающие смотрели на нее круглыми глазами и разве что только пальцами у висков не крутили. Стало ясно – она, взрослая и самостоятельная девушка, чудом вырвавшаяся из смертельной ловушки, выглядит глупой и смешной, как сочиняющий сказки малыш.

Бесцеремонная библиотекарьша озвучила подозрение, родившееся у всех в головах.

– Да она бредит! – громко возвестила она. – Узнаю человека, напившегося медовухи. Сама видела, она хлестала кружку за кружкой. Молиново! Что ж вы за ней не следили? Заберите ее. Уведите в гостиницу, напоите крепким чаем и уложите в постель.

– Кто бы говорил! – парировала Аннет. – Сами-то вы дули игристое ведрами, как полковая лошадь.

Сказала грубость и ни капли не устыдилась. Луиза не обиделась: напротив, хмыкнула одобрительно.

– Аннет выпила не больше пары глотков этой вашей наркотической медовухи, – раздался холодный голос Максимилиана. – Не несите чушь. Она не галлюцинирует. Что-то действительно случилось. Господин Пендельфедер! На вашем месте я бы принялся за работу.

– Да вы что, господин Молинаро! – возмутился полицейский. – Луиза права. Это бред какой-то. Ну, кто мог на нее напасть? Думаете, в театре посторонний?

– Никого постороннего здесь нет, – вмешался Ангренаж. – Двери заперты изнутри. Потайных входов-выходов не имеется. Сейчас в помещении остались только мы. Все гости ушли.

Он подошел к Аннет и взял ее за руку.

– Тихо, успокойтесь, – мягко проговорил он. – Верю, с вами произошла беда. Но все было не по-настоящему. Вам пригрезилось. Это я виноват. Мне стоило отобрать у вас напиток, не дать вам попробовать его...

Аннет вырвала руку.

– Ничего мне не пригрезилось. Я требую, чтобы вы прошли в ту комнату с автоматом и осмотрели помещение, – сказала она спокойно. – Сами увидите, что там творится. Я не лазила в тот ящик. Меня в него калачом не заманишь. Автоматон засбоил, лишь это меня спасло. Я кое-как открыла зажимы и сбежала. Идем, ну!

Все стояли, как вкопанные. Аннет глянула на Максимилиана, ища поддержки. Он твердо встретил ее взгляд, но не двинулся с места, словно ждал, что она будет делать дальше. Тогда она набросилась на толстяка в униформе.

– Пендельфедер! Вы полицейский или овощевод, в конце концов?! Это ваш город. В нем происходят странные вещи. Меня чуть не убили вчера в гостинице, и теперь опять напали. Действуйте уже, наконец!

– Ах да, вчера в гостинице, слышан, слышан, – пробормотал полицейский. – Фантазия у вас отменная. Управляющий рассказал, как вы его чуть под монастырь не подвели с этим часовым купидоном.

Аннет приготовилась наорать на него. Такой ярости, уверенности в своей правоте и душевного подъема она никогда не испытывала. Близкая встреча со смертью творит чудеса!

Краем глаза заметила, как у Максимилиана дернулся уголок губы, словно он подавил улыбку. Он что, над ней собрался смеяться?! Мерзавец. Впрочем, могло и показаться: она была без пенсне и плохо разбирала выражения лиц.

– Идем!

Не оглядываясь, она смело двинулась за кулисы, а глухо перешептывающаяся толпа механисбуржцев нехотя последовала за ней.

Максимилиан нагнал ее и пошел рядом. Аннет не могла не почувствовать, что он был на ее стороне. Правда, свою поддержку проявлял весьма скупно. Ну и пусть. Она и без него прекрасно справится.

Идти за кулисами в компании – пусть и настроенной поглумиться – было не страшно. Сейчас она им всем покажет!

Но когда ввалились в комнату с автоматами, ее боевой дух как рукой сняло. Она не верила глазам. Пильщик тихо-мирно стоял в углу, прямой и неподвижный, как часовой, которого по недоразумению вооружили вместо винтовки плотницким инструментом. Ящик закрыт. Сумочка лежит на столе. Ни следа произошедшего.

– Ну? – скептически спросила Луиза. – И что мы тут делаем? Я в этой комнате миллион раз бывала. Все на своих местах.

Форс вздохнул и полез обниматься с куклой Маргариты.

– Бедняжка, – Линда погладила Аннет по плечу. – Я помогу Максимилиану отвести тебя в гостиницу. А хочешь, пойдем к нам домой? Тут рядом.

Ах, он уже для нее Максимилиан!

– Еще чего, – буркнул градоначальник. – Пусть идет к себе в гостиницу. Будет ей хороший урок. Эти столичные дамочки пропадают в синематографе с утра до ночи, смотрят всякий романтический бред, а потом выдумывают невесть что. Будь моя воля, я бы все эти экранные поцелуйчики и страсти запретил, а ленты сжег.

– Гильоше! – укорила его жена. – Что ты за пень бесчувственный! Девочке плохо. До гостиницы идти далеко, она упадет по дороге! Пусть переночует здесь, в театре, на кушетке в вестибюле.

– Если все произошло так, как вы описываете, – подал голос Ангренаж, – вашим черным человеком мог быть только тот, кто остался в театре. За то время, пока вы отсутствовали, мы все ненадолго покидали вестибюль. Петр сбежал, в здании его нет. Я выходил несколько раз. Проверял, заперты ли окна, двери, в порядке ли зал... Остальные тоже выходили. И Форс, и Пендельфедер, и Гильоше, и его жена с дочерью...

– Ну да, выпито-то за вечер было много, – проворчал бургомистр.

– Я не выходила, – отрезала Луиза. – Была занята: убирала со столов. И, к вашему сведению, у меня отличный мочевой пузырь.

– Мы прекрасно обошлись бы без этих ваших анатомических подробностей, – заметила госпожа Гильоше и чопорно поджала губы.

– Странно, – подала голос Линда, – а я вот почему-то не сразу нашла вас, когда подходила спросить про новые журналы. Вы потом появились словно ниоткуда.

Линда безмятежно хихикнула, а Луиза оскалилась и бросила невыносимо ядовитым голосом:

– Милая, если бы ты поменьше стреляла глазками в господина антиквара, то увидела бы, что я возилась у столика за колонной.

– Вы тоже выходили, господин Молинаро, – заметил Ангренаж, учтиво склонив голову.

– Да. Пытался найти Аннет. Не догадался, что она отправилась бродить по закулисью, поэтому искал ее у входа. Кроме того, я видел, что вы заперли вашу потайную дверцу.

– Верно, запер, – кивнул Ангренаж.

– Она была открытой, – сообщила Аннет.

– И ключи от нее есть только у вас, – подытожил бургомистр с мрачным злорадством и сложил руки на груди, чтобы подчеркнуть неоспоримость своих слов. – Значит, вы – главный подозреваемый, Ангренаж.

Механик с ненавистью глянул на градоправителя, затем обвел присутствующих острым взглядом, в котором читался вызов. Библиотекарша хищно усмехнулась.

– Никакой ты не подозреваемый, Карл, – успокоил его Пендельфедер благодушно. – Это была галлюцинация.

– Как выглядела ваша галлюцинация, Аннет? – спросил механик деревянным голосом. – Рост, стать?

– Он был долговязый, – неуверенно ответила Аннет. – Как Луиза, Петр или господин Молинаро. Кажется, худощавый, как вы, Карл. Широкоплечий, как... как господин Гильоше, но повыше. И... – Аннет колебалась, прежде чем произнести следующие слова, – он шелкал и скрипел при ходьбе. Двигался очень странно, словно и не человек это был вовсе, а... – Она закончила тихо: – Автоматон.

– Бред чистой воды, – вздохнул Пендельфедер. – Этот мед давно пора запретить.

– Таких искусно сделанных автоматонов не бывает, – устало подтвердил Карл. – Они не могут самостоятельно двигаться и совершать сложные действия. Даже мастер Жакемар не

сумел создать подобное. Придется признать: ничего этого на самом деле не случилось. Или это была магия – или безумие, что, впрочем, одно и то же.

Аннет в отчаянии смотрела на него, отказываясь верить его словам. Она не могла не заметить, что Карл, хотя и пытался успокоить ее, был глубоко встревожен. На его лбу появилась складка, а руки он глубоко засунул в карманы своего нелепого плаща, в который уже успел облачиться, собираясь домой. Внезапно Аннет почувствовала жалость: Ангренаж выглядел смертельно усталым, и она впервые отметила, что плащ его изрядно потрепан, даже нитки в полах торчат; видать, и впрямь с финансами у городского механика было туго. Карл единственный встал на ее защиту и проявил хоть какое-то сочувствие. Но она твердо решила не сдаваться. Хватит с нее выглядеть перед всеми пустоголовой дурочкой!

– Ищите улики, Пендельфедер, – упорно сказала Аннет. – Вы должны поймать негодяя, кто бы это ни был. Я не верю в призраков и магию, а если это все же был автоматон, то он материален, и кто-то натравил его на меня. Вы тут все отлично смыслите в механике.

Полицейский юмористически поднял брови к залысинам и фыркнул, но все же принялся бродить по помещению, крихтя и ворча.

– У меня порвалось платье, когда я выбиралась из ящика, – вспомнила Аннет. – Тут должен быть лоскут или нитки...

– Этот? – спросил за спиной Максимилиан.

Все повернулись. В руках он держал кусок черной ткани с блестками.

– Я снял его с рельсы в комнате со сферами. Плотно зацепился за крючок, – медленно сказал он.

– Что и требовалось подтвердить, – обрадовался полицейский. – Платье вы порвали там, а остальное – галлюцинации. Все, расходимся. А вам, милая, – отечески обратился он к Аннет, – я рекомендую никогда не пить крепкие алкогольные напитки. И не принимать наркотические вещества. Я знаю, вы там в столице многое себе позволяете... особенно богема. Артисты, поэты, писатели, оккультисты... чудной вы народ. Не живется вам спокойно, все бы нервы себе щекотать. Нет, чтобы поискать вдохновения среди природы, в саду, на огороде... Будь я поэтом, я бы не писал поэмы о героях и пустых мечтах. Я бы написал о капусте.

– Или о редиске, – прервал его Максимилиан, пряча лоскут в карман. – Вот что, Пендельфедер. Вы как хотите, а я завтра вызову телеграммой одного толкового парня из «Сысского бюро Молиаро». Барт Биркентон, слышали, небось? Он теперь на нас работает. Пусть потряхнет это место хорошенько. Он специалист и сумеет докопаться до правды. Ну а мы с моей ассистенткой передумали покупать у вас другие автоматоны. Уедем завтра с утра пораньше. Доброй ночи вам и богатого урожая.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.